

иногда катастрофа
живёт внутри тебя

если я не подготовлюсь
к худшему, оно
обязательно случится

Адам
Элли
Кэт

НА ВСЯКИЙ

Слепота

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

психологическая драма
с элементами дарк-романа

18+

18+

Виктория Градова

На всякий случай

<https://litres.ru/74004073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть люди, которые ждут лучшего.

Кэт всегда ждала худшего.

Она называла это предусмотрительностью. Осторожностью. Здравым смыслом.

Пока однажды не начала замечать, что некоторые её страхи сбываются слишком часто.

Когда под угрозой оказываются самые близкие люди, Кэт приходится выбирать между тем, что она видит, и тем, во что ей предлагают поверить. Но чем глубже она пытается докопаться до правды, тем сильнее сомневается в собственных воспоминаниях, мыслях и чувствах.

Потому что иногда катастрофа приходит не извне.

Иногда она живёт внутри тебя.

И ждёт подходящего момента.

Содержание

Глава 1	6
От автора	6
Пролог	9
Глава 1	16
Глава 2	38
Глава 3	49
Глава 4	55
Глава 5	63
Глава 6	71
Глава 7	77
Глава 8	83
Глава 9	94
Глава 10	101
Глава 11	110
Глава 12	133
Глава 13	148
Глава 14	168
Глава 15	180
Глава 16	191
Глава 17	211
Глава 18	224
Глава 19	240
Глава 20	259

Глава 21	284
Глава 22	291
Глава 23	321
Глава 24	354
Глава 25	386
Конец ознакомительного фрагмента.	387

Виктория Градова

На всякий случай

Глава 1

От автора

Если ты держишь в руках эту книгу, значит мы оба немного сумасшедшие.

Я — потому что решила опубликовать историю, после которой несколько раз сидела и думала: *«Господи... что я только что прочитала? Точнее... написала?»*

Ты — потому что решил её прочитать.

Отличное начало знакомства, правда?

Я очень надеюсь, что тебе никогда не приходилось — и никогда не придётся — переживать то, через что проходят мои герои.

Но если жизнь всё-таки однажды подкинула тебе своё фирменное дерьмо, надеюсь, эта история хотя бы на несколько часов поможет почувствовать себя не таким одиноким.

И ещё.

Я просто обязана честно предупредить.

Это не очередная история о том, как любовь спасает всё человечество.

Совсем нет.

Это история про тревогу. Про панические мысли. Про самоповреждение. Про утрату. Про боль. И про людей, кото-

рым приходится жить со всем этим.

Если какая-то из этих тем может оказаться для тебя слишком тяжёлой — пожалуйста, позаботься о себе.

Правда.

Книга никуда не денется. Иногда лучше закрыть её. Или вовсе не открывать. И это абсолютно нормально.

Но если всё-таки решишь остаться...

Пожалуйста, не осуждай Кэт. Она ужасно раздражает. Постоянно вмешивается в сюжет. Упрямая до невозможности.

Я честно пыталась её остановить. Не получилось. Прости.

Про Адама вообще ничего говорить не буду. Он оказался настолько непредсказуемым, что временами удивлял даже меня.

А если по ходу книги тебе вдруг захочется спросить: *"За чем они это делают?"*

Поверь.

Я задавала им тот же вопрос. Много раз. Но мои герои совершенно меня не слушали.

Придурки.

Я не обещаю, что после этой истории жизнь станет проще. Не обещаю, что любовь сможет исправить всё. Не обещаю, что тревога однажды исчезнет навсегда. И уж точно не обещаю идеальных людей. Потому что их не существует.

Зато могу пообещать другое.

Даже после самой длинной ночи однажды наступает утро.

Не идеальное.

Не безоблачное.

Но настоящее.

Иногда этого достаточно, чтобы сделать следующий шаг.

Спасибо, что решил пройти этот путь вместе со мной.

И...

Сделай одолжение.

Береги себя, ладно?

Пролог

Лёгкое жжение накрыло всё моё лицо, когда холодный ветер безжалостно обхватил меня целиком. Тихий шёпот воды будто успокаивал и не отпускал от берега, хотя меня уже всю трясло.

Не уверена, что от холода.

Но тело чувствует. Оно всегда, блядь, чувствует. Ненавижу его за эту способность. Ненавижу *его*.

Я крепче сжала бутылку дешёвого шампанского, которое прихватила по дороге в каком-то посредственном супермаркете.

Тёплое.

Кислое.

До отвратительного противное дерьмо, которое я выпила почти без остатка.

Практически символично. Такое же, как вся моя жизнь.

Я сделала ещё один глоток. Бледная жидкость лениво плескалась на самом дне.

Фу.

— Какое же ты противное, — сказала я почти пустой бутылке и допила всё до конца.

Меня передёрнуло.

Впрочем... Чего ещё я ожидала? Эта дрянь буквально олицетворяет всю мою суть.

Я поставила бутылку на скользкие доски причала и снова взяла телефон.

Надо срочно его выключить. Потому что если он ещё хоть раз завибрирует, я либо разобью его, либо отправлю нахрен в воду. И, если честно, второй вариант мне нравился гораздо больше.

Моя мать не может звонить мне сейчас только для того, чтобы узнать, как я.

А я... Я дерьмово.

Я усмехнулась.

— Пошла ты, мама, — крикнула я воде, будто именно она была виновата во всех моих семейных проблемах.

Вода всё так же плескалась о сваи, словно пыталась успокоить мою новую волну безысходности.

Получалось у неё хреново. Потому что прямо сейчас я хочу...

Не хочешь, Кэт.

Я медленно вдохнула. Потом ещё раз.

И только собиралась убрать телефон обратно в карман, как экран снова вспыхнул.

Демон: дрожишь, Кэт?

— Блядь...

Сегодня никто не собирается оставить меня в покое, правда? Хотя ни моя мать, ни этот психопат с сайта знакомств понятия не имеют, что вообще значит оставить человека в покое.

Я снова посмотрела на экран и неожиданно поймала себя на улыбке.

Этот ненормальный хотя бы переживает.

Хотя откуда ему знать?

Наверняка просто пытается спросить, как у меня дела, максимально странным способом, чтобы казаться не таким, как все.

Но все придурки одинаковые.

Каждый из них однажды способен убить тебя одним-единственным действием.

— Пошёл нахрен, — снова крикнула я воде.

Она жалобно ударилась волной о пирс. Будто согласилась.

Я поднялась.

Мир тут же качнулся.

Я снова села.

Потом, придерживаясь за ржавые перила, всё-таки заставила свою задницу принять вертикальное положение.

Меня качнуло вправо. Потом назад. Потом влево. Вот дерьмо.

Что было в этой идиотской бутылке?

Пять стаканов виски до этого, Кэт.

Карман снова завибрировал.

Чёрт. Надо было всё-таки утопить этот грёбанный телефон. Вода наверняка приняла бы его как небольшую компенсацию за моё невежество.

Демон: не упали

О, отлично.

Поиграем в сталкера, придурок?

Блядь.

Надо срочно убираться отсюда.

— Прости, водичка, но завтра мне очень важно проснуться пораньше, чтобы нихрена не делать.

Я хмыкнула.

Ещё не хватало, чтобы какой-нибудь идиот столкнул меня в реку. Я предпочту сделать это сама.

Я медленно побрела к асфальтовой дорожке, но песок под ногами только сильнее раскачивал меня из стороны в сторону.

Прекрасно.

Сегодня все решили устроить коллективный рейд по моей нервной системе.

Я почти доползла до твёрдой поверхности. Слава богу, сейчас ночь и никто не видит меня в таком идиотском состоянии. Я бы умерла со стыда.

Хотя нет.

Сегодня мне было бы плевать, даже если бы мой позор показали по федеральным новостям.

Вот завтра... Завтра было бы стыдно.

Ещё одна причина, чтобы сдохнуть, Кэт.

На чьей ты стороне вообще, мозг?

— Блядь... — простонала я уже куда-то в ночной город, когда телефон снова ожил. Утонешь вместе со всей этой фиг-

нёй, глупый кусок металла.

Демон:ты всё-таки упала

Кэт:следишь за мной, псих?

Лучше бы я не отвечала. Какого хрена я вообще делаю?

Ладно.

Снимаю с себя всю ответственность. Это всё алкоголь.

Именно он.

Точно он.

Да.

Демон:нет

Демон:просто вижу

Кэт:это тоже самое придурлик по %&слуд в

...

Блядь.

Я несколько секунд смотрела на сообщение. Какой ещё, к чёрту, придурлик?

Я расхохоталась.

Кажется, спирт окончательно победил остатки моего достоинства.

Демон: информативно

Кэт: отвали

Кэт:у меня маленькие трудности

Кэт:думаю ты видишь

Демон:это не трудности

Прошло несколько секунд. Экран снова загорелся.

Демон:это катастрофа

Я рассмеялась ещё громче.

— В точку, придурок, — выкрикнула я, едва не споткнувшись о собственные ноги.

Я лениво переставляла их, сосредоточившись исключительно на этом сложнейшем процессе. И всё равно чуть не впечаталась в дорожный знак.

— Извини, — сказала я знаку.

Потом подумала.

— Хотя нет. Сам виноват.

Я опустилась на бордюр и уставилась на широкое шоссе. Машин почти не было. Одна. Потом ещё одна. Спокойно проезжали мимо и растворялись в темноте.

Странно.

Моё сердце даже не попыталось выбить из меня дух. Обычно именно так оно реагировало на тонны металла, летящие по дороге.

А сейчас...

Тишина.

Телефон снова завибрировал.

Демон:иди домой, Кэт

Кэт:не указывай мне

Демон:я этого не делаю

Демон:просто хочу, чтобы твоя задница осталась цела прежде, чем мы увидимся

Самовлюблённый идиот.

Я закатила глаза.

В интернете вообще бывают нормальные люди. Или все адекватные давно поняли, что знакомиться в соцсетях — плохая идея?

Если так... Получается, я тоже ненормальная.

Кэт:можешь не фантазировать &/

Вот дерьмо.

Соберись, Кэт. Хотя бы одну фразу допечатай нормально.

Кэт:мы никогда не увидимся

Ответ пришёл почти сразу.

Демон:едва ли

Я усмехнулась.

Что это вообще должно значить?

Я подняла голову и снова уставилась на дорогу. Очередная машина спокойно проехала мимо.

— Ладно, — тихо выдохнула я.

— Ещё минуту...

Глава 1

Мои пальцы так сильно впиваются в край пассажирского сиденья, будто тонкий слой ткани и поролона способен удерживать меня в реальности.

За окном мелькают одинаковые дома. Светофоры. Вывески магазинов. Люди с пакетами, спешащие по своим делам. Мир живет обычным вторничным утром.

А я почти ничего не слышу. Только сердце.

Оно колотится где-то в горле, бьется о ребра изнутри, словно разъяренный зверь, запертый в слишком тесной клетке.

Вдох.

Еще вдох.

Слишком быстро.

Слишком глубоко.

Воздух царапает легкие, но его все равно не хватает.

Давай.

Сосредоточься хоть на чем-нибудь. Сколько столбов мы уже проехали? Девять? Двенадцать? Двадцать?

Что ты ела утром?

Черт. Ничего.

Тошнота подкатывает к горлу.

Если меня сейчас вырвет прямо в машине, я просто умру от стыда.

Автомобиль плавно входит в поворот, и паника мгновенно впивается когтями куда-то под ребра.

Я начинаю незаметно бить себя ладонями по коленям. Раз. Еще раз. И еще.

Больно.

Лишь бы удержаться. Лишь бы не потерять контроль.

Никто не должен видеть, что со мной происходит.

Никто не должен понять, какая я на самом деле.

Глаза начинает жечь.

Ресницы становятся влажными.

Ладони скользкие от пота.

Да я вся уже липкая, будто меня бросили в кипяток и за-
были вытащить.

Блядь.

Что, если сейчас в нас кто-нибудь въедет? Что, если водитель отвлечется? Что, если у машины впереди откажут тормоза? Что, если... Что, если... Что, если...

Мысли множатся быстрее, чем я успеваю их ловить.

— Приехали. Хорошего дня. Голос таксиста выдергивает меня из этого кошмара резко, почти грубо.

Я моргаю.

Передо мной уже знакомое здание клиники. Белый фасад. Стекланные двери. Небольшая клумба у входа.

Я даже не заметила, как закончилась поездка.

Дрожащими пальцами пытаюсь открыть дверь автомобиля. Ноги тоже дрожат. Кажется, сейчас они просто подогнут-

ся прямо возле входа.

Еще утром я спокойно записалась к стоматологу. И каждый раз забываю, что самое страшное для меня давно уже не зубные врачи. Не уколы. Не бормашина. Не запах лекарств.

Самое страшное — дорога к ним.

Я ужасно боюсь машин. И это уже давно не похоже на обычный страх. Скорее на что-то животное.

Древнее.

Будто мое тело заранее уверено, что сегодня случится что-то ужасное, и пытается спасти меня раньше, чем это произойдет.

Обычно я стараюсь ездить днем. Тогда можно кому-нибудь позвонить. Слушать чужой голос.

Цепляться за разговор, как утопающий цепляется за спасательный круг.

Иногда помогает. Но чаще — нет.

Я даже не заметила, как перестала бояться стоматологов. Когда-то одного запаха клиники было достаточно, чтобы внутри все сжималось в тугой узел. Смесь антисептика, лекарств и чужого страха намертво въелась в память еще в детстве.

Тогда врачей мало интересовало, страшно тебе или нет. Сиди спокойно. Не дергайся. Терпи.

Будто страх был чем-то постыдным, а боль — обязательной частью взросления.

Поэтому к двадцати трем годам мне пришлось буквально

собирать себя заново. Записываться на приемы. Приходить. Возвращаться снова.

Раз за разом доказывать собственному телу, что не каждая дверь, за которой тебя когда-то напугали, обязана скрывать новый кошмар.

Наверное, помогли привычка, хороший врач и десятки часов, проведенных в кресле без катастроф.

Мозг наконец усвоил простую вещь: не всё, что пугает, обязательно причиняет боль.

Жаль, что с машинами это не работает.

Хотя автомобили давно стали такой же частью жизни, как утренний кофе или поход в магазин. Люди садятся за руль, смотрят в окно, разговаривают, листают телефон на светофорах. Для них это настолько естественно, что они даже не замечают самого процесса.

Для меня каждая поездка — отдельная битва. Короткая. Изматывающая. Без единого шанса на победу. Поэтому я почти перестала куда-то ездить. Редко выбираюсь за город. Перестала искать красивые места. Отказалась от спонтанных путешествий, которыми когда-то жила.

Сначала мне казалось, что так будет легче.

Если не садиться в машину — не придется бояться.

Логично.

Вот только страху плевать на логику. Он не становится меньше. Наоборот. Разрастается. Пускает корни глубже.

Теперь он ждет меня заранее.

В квартире.

На улице.

В тот момент, когда я только открываю приложение такси. Никто не понимает, насколько это страшно. Даже когда машина едет всего шестьдесят километров в час, мое тело уже ведет себя так, словно мы мчимся навстречу бетонной стене.

Сводит плечи.

Болят руки.

Немеют пальцы.

Челюсть сжимается так сильно, что потом несколько часов ноют зубы.

И самое ужасное — я даже не знаю, чего именно боюсь. Я не попадала в страшные аварии. Не видела разбитых машин, в которых погибали близкие. Никто не вытаскивал меня из искореженного металла.

Так откуда тогда взялся этот ужас?

Почему мое тело реагирует так, будто уже пережило что-то, о чем сама я ничего не помню?

Может быть, именно так и выглядят настоящие фобии. Когда мозг однажды ломается в каком-то конкретном месте. Без причины. Без предупреждения. И потом годами прячет эту трещину внутри тебя.

А самое обидное — невозможность объяснить это другим.

Люди всегда говорят одно и то же:

— Успокойся. Будто это кнопка. Будто я сама не пыталась.

Будто если бы могла, то не отдала бы всё на свете за возможность просто сесть в машину и смотреть в окно, как нормальный человек.

Но в такие моменты я почти никого не слышу.

Потому что внутри меня уже кричит что-то гораздо громче. И этот крик заглушает всё.

Я смотрю на двери клиники и тяжело выдыхаю.

Блядь.

Надо еще как-то добраться домой.

Вернувшись домой, я наконец чувствую себя в безопасности. Или мне просто кажется, что здесь всё под контролем. Иногда я уже не понимаю разницы. В любом случае в четырех стенах мне спокойнее.

Здесь ничего не несется мимо на бешеной скорости. Никто не перестраивается без поворотника. Никто не вылетает на встречную полосу. Никто не принимает решение за долю секунды, от которого может зависеть чья-то жизнь.

Только тишина.

Густая.

Тяжелая.

Почти осязаемая.

Иногда мне кажется, что я люблю её слишком сильно. Потому что именно в тишине можно притвориться, будто мир безопасен.

Но есть и другая сторона. Иногда эта же тишина начинает давить.

Медленно.

Терпеливо.

Как вода, которая капля за каплей разрушает камень.

И тогда мне кажется, что стены квартиры постепенно разлагают меня вместе со всеми мыслями, которые я так старательно прячу внутри.

— Может, мне стоит просто покатать тебя в экстремальном режиме? Спокойный голос Адама выдергивает меня обратно в реальность.

Я поднимаю на него тяжелый взгляд.

Он тут же вскидывает руки вверх.

— Ладно-ладно. Уже молчу.

И скрывается на кухне.

Наверное, принимает мой взгляд за категорический отказ. И правильно делает.

Адам водит аккуратно. Не гоняет. Не подрезает. Не нарушает правила. Я бы доверила ему свою жизнь. Если бы проблема была в нем. Но проблема никогда не была в нем.

Иногда он обижается.

Иногда злится.

Потому что воспринимает мой страх как недоверие к себе. Словно я сомневаюсь в его навыках. Только дело вообще не в водителе. Даже если бы за рулем сидел лучший человек на планете, ничего бы не изменилось. Меня пугает не тот, кто рядом. Меня пугают те, кого я не могу контролировать.

Машины на встречной полосе.

Водитель в соседнем ряду.

Парень в старом внедорожнике позади нас.

Женщина с телефоном в руке впереди.

Каждый из них кажется потенциальной катастрофой.

Откуда мне знать, что кто-то из них не пил вчера до утра?

Что кто-то не уснул за рулем?

Что чей-то ребенок не отвлек водителя в самый неподходящий момент?

Что какой-нибудь идиот не решит проверить, насколько быстро его машина разгоняется до сотни?

Я смотрю на поток автомобилей и вижу не людей. Я вижу сотни возможных сценариев смерти. И мой мозг услужливо прокручивает каждый из них. Снова. И снова. И снова. Будто пытается подготовить меня заранее. Будто если я продумаю все варианты катастроф, то смогу их предотвратить. Только это не работает. И никогда не работало.

Зато работает другое. Я перестаю отдыхать. Перестаю расслабляться. Перестаю жить. Потому что часть меня постоянно находится в ожидании удара. Словно беда уже выехала мне навстречу. И вопрос только в том, на каком перекрестке мы встретимся.

Самое страшное даже не это.

Самое страшное — я больше не уверена, что боюсь самой аварии.

Иногда мне кажется, что я боюсь собственного бессилия. Того момента, когда случится что-то ужасное, а я ничего не

смогу изменить.

Ничего не останавливаю.

Ничего не исправляю.

И где-то глубоко внутри живет уверенность: если однажды катастрофа всё-таки произойдет, я её не переживу. Не физически. Морально.

Потому что некоторые вещи ломают человека задолго до того, как убивают.

— Алло, да? Адам отвечает на звонок и почти сразу выходит из комнаты.

Странно. Раньше он так никогда не делал.

Мысль возникает мгновенно. Слишком мгновенно. Даже пугающе.

Может, он что-то скрывает? Может, готовит сюрприз? Или у него появилась другая?

Внутри будто щелкает какой-то невидимый переключатель. И реальность начинает рассыпаться на сотни вариантов.

Я уже вижу переписки. Чужое имя на экране телефона. Женские руки на его плечах. Случайные прикосновения, которые давно перестали быть случайными. Вижу его винный взгляд. Вижу себя. Как стою напротив и делаю вид, что держусь. Как киваю. Как говорю, что всё понимаю. Хотя внутри в этот момент что-то медленно умирает.

Каждая мысль цепляется за следующую. Разрастается. Пускает корни. И уже через несколько секунд в моей голове

существует целая история, которой никогда не было.

Я настолько проваливаюсь в неё, что не замечаю, как Адам возвращается обратно.

Он что-то говорит. Спрашивает. Смотрит на меня.

А я всё ещё нахожусь где-то там, в выдуманной катастрофе.

— Ты чего? Всё нормально?

Его голос звучит совсем рядом.

Я вздрагиваю.

Будто меня поймали за чем-то постыдным.

— Мм?.. Да. Да, всё нормально.

Быстро хватаюсь за пульт и перематываю серию в начало. Потому что за последние несколько минут не услышала ни единого слова. К этому моменту знакомая липкость уже расползается по телу.

Подмышки.

Ладони.

Шея.

Тонкая полоска пота между лопаток.

Блядь. Как же я устала от самой себя.

От этих мыслей. От бесконечных сценариев, которые рождаются быстрее, чем я успеваю их остановить. От постоянного ожидания чего-то плохого.

Иногда мне кажется, что мой мозг вообще не умеет жить иначе. Он не ищет счастье. Не ищет спокойствие.

Он ищет угрозу. Словно это его единственная работа.

И самое странное — раньше я никогда не считала себя тревожным человеком. Наоборот. Мне казалось, что я достаточно сильная. Достаточно рациональная. Достаточно взрослая.

Но потом что-то изменилось.

И теперь я постоянно жду удар.

Каждый день.

Каждый час.

Каждую минуту.

Будто мир обязан доказать мне, что всё закончится плохо. И я сойду, если скажу, что совсем этого не хочу. Пусть даже это будет измена. Пусть предательство. Пусть любая другая катастрофа.

Мне просто хочется, чтобы хоть раз мои мысли оказались правдой. Чтобы всё это имело смысл. Чтобы я перестала чувствовать себя сумасшедшей.

Потому что тогда это была бы не тревога. Не болезнь. Не сломанный механизм в голове. Тогда это называлось бы иначе. Интуиция. И, наверное, именно это пугает меня больше всего.

Не то, что Адам может уйти.

А то, что однажды выяснится: всё это время бояться было нечего.

Адам еще какое-то время сидит рядом со мной на диване, лениво листая что-то в телефоне. Он разговаривал с кем-то всего две минуты. Неужели это стоило того, чтобы поднять

свою ленивую задницу и уйти в другую комнату?

Я пытаюсь смотреть сериал. Точнее делаю вид. На экране кто-то кого-то убивает, спасает или бросает. Понятия не имею.

Я уже минут десять смотрю в одну точку и не могу вспомнить ни одного диалога. После звонка он становится каким-то задумчивым.

Несколько раз кому-то пишет.

Потом поднимается.

— Я быстро в магазин и обратно.

— Угу.

— Тебе что-нибудь взять?

— Нет.

Он несколько секунд смотрит на меня так, будто хочет спросить что-то еще. Но не спрашивает.

Дверь закрывается. В квартире становится тихо.

Слишком тихо.

Я сворачиваюсь клубком на кровати и натягиваю одеяло почти до самого носа. Наверное это из-за стоматолога. После лечения я всегда чувствую себя странно.

Слабость.

Разбитость.

Тошнота.

Половина лица все еще кажется чужой.

Да и ночь была дурацкая.

И погода.

И вообще организм имеет право иногда чувствовать себя как мусор. Не обязательно же у каждой проблемы должна быть психологическая причина. Правда?

Я переворачиваюсь на другой бок. Подушка пахнет кондиционером для белья. Одеяло тяжелое и теплое.

Я строю вокруг себя маленькую крепость из подушек и пледа. Если честно, иногда мне кажется, что я могла бы прожить здесь всю оставшуюся жизнь.

Не выходить из квартиры.

Не ездить в машинах.

Не принимать решения.

Не ждать плохих новостей.

Просто лежать.

Спать.

Смотреть сериалы.

Есть что-нибудь вредное.

И делать вид, что внешний мир не существует.

Удивительно, насколько быстро безопасность начинает напоминать клетку.

Где-то в недрах моего одеяльного логова начинает вибрировать телефон. Я игнорирую его.

Он продолжает вибрировать.

Еще раз.

И еще.

— Господи...

Приходится высунуть руку наружу и начать разгребать по-

душки.

— Алеее...

— Але, ты опять была у врача?

Я улыбаюсь раньше, чем успеваю это осознать.

— Ага.

— Господи, я даже горжусь тобой.

— Спасибо, мам.

— Не называй меня так. Я еще слишком молодая и красивая для этого.

Я смеюсь. Тихо. Наверное впервые за весь день.

— Ну рассказывай, насколько все было ужасно?

— По десятибалльной шкале?

— Да.

— Четыре.

— Ого.

— Да.

— Раньше было восемь.

— Раньше я начинала паниковать еще возле входа.

— Прогресс.

— Прогресс.

Я слышу как она что-то делает на своей кухне. Гремит посудой. Открывает шкафчики. Шуршит пакетами. Странно, как некоторые звуки могут успокаивать. Наверное потому что я слишком хорошо знаю ее жизнь. Я знаю где у нее стоят кружки. Знаю что сахар она хранит не рядом с чаем, как нормальные люди, а возле круп. Знаю что сейчас она скорее

всего стоит босиком. И наверняка снова забыла собрать волосы.

— Ты ела?

— Нет.

— Конечно.

— Я собиралась.

— Врушка.

— Не врушка.

— Врушка.

— Не врушка.

— Хорошо. Тогда скажи мне что ты сегодня ела.

Я задумываюсь.

Надолго.

Слишком долго.

— Ага.

— Что ага?

— Я поняла.

— Что?

— Что ты врушка.

— Предательница.

— Еще какая.

Я улыбаюсь и натягиваю одеяло до самого подбородка.

Странно. Еще полчаса назад мне хотелось выключить телефон, закрыться от всех и просто исчезнуть до завтра. А сейчас внутри становится как-то теплее. Будто кто-то осторожно распутывает тугой узел под ребрами.

— Как Адам? — неожиданно спрашивает она.

Я закатываю глаза.

— Живой.

— Это не ответ.

— А какой тебе нужен?

— Нормальный.

— Нормальный он.

— Вы не поссорились?

— Нет.

— Точно?

— Энни.

— Что?

— Ты сейчас говоришь как моя бабушка.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Для меня комплимент.

Я слышу ее смех. И сама начинаю смеяться следом. Бабушка Ляля всегда была для нас кумиром. Помимо пирожков и других Бабушкинских приколов, с ней можно было покурить и выпить крепкий алкоголь за душераздирающими историями.

Наверное поэтому я люблю звонки с Энни. Они никогда не требуют усилий. Мне не нужно подбирать слова. Не нужно выглядеть лучше. Умнее. Счастливее.

С ней всегда можно просто быть.

— Слушай... — внезапно говорит она.

По ее голосу я сразу понимаю, что сейчас будет либо гениальная идея, либо полнейшая херня. Иногда разницы между ними нет.

— Что?

— А поехали куда-нибудь на выходных?

Я морщусь.

— Нет.

— Я даже не сказала куда.

— Неважно.

— Важно.

— Нет.

— Да.

— Энни.

— Что Энни?

— Ты прекрасно знаешь что я скажу.

На несколько секунд в трубке становится тихо. Она знает. Конечно знает. Наверное лучше всех.

— Мы можем недалеко, — мягче говорит она. — Просто выбраться. Погулять. Поесть чего-нибудь вредного. Посидеть где-нибудь.

Я закрываю глаза. Всего несколько часов назад меня трясло в такси. А теперь даже мысль о дороге снова заставляет напрячься.

— Я подумаю.

— Это значит нет?

— Это значит подумаю.

— Врушка.

— Отстань.

— Люблю тебя.

Слова вылетают у нее легко. Будто она говорит их так же естественно, как "привет" или "пока".

Я улыбаюсь.

Потому что знаю — она говорит это всем людям, которых считает своими. Но почему-то каждый раз кажется, что именно мне достается чуть больше.

— Я тебя тоже.

Господи. Сколько всего мы обсуждаем, всегда когда созваниваемся. От признания в любви друг другу до политических интриг.

Я ничего не понимаю в политике.

— Пока, детка, — Энни театрально флиртует со мной каждый раз, когда мы прощаемся.

— Пока, сладкая, - Я всегда ей подыгрываю. Но каждый раз делаю это с легкой грустью.

Двух с половиной часов разговора с Энни мне всегда мало. Я понимаю, что у нее куча дел, задач, своя жизнь в конце концов. Но какой-то части меня хочется, чтобы единственным ее делом была я.

Эгоистично? Да. Знаю.

К моему счастью, наедине со своими тревожностями я остаюсь ненадолго.

В мою голову только-только начала протискиваться мысль

о том, что трубы в ванной как-то подозрительно шумят. Я еще даже не успела представить всемирный потоп, который они могут устроить, как щелчок входной двери прогнал эту мысль прочь. Она тут же уползла обратно в темный угол моей головы. Ничего страшного. Подождет своего часа.

Адам вернулся с двухлитровой бутылкой колы, килограммовым тортом и... Чипсами?

Я несколько секунд смотрю на этот набор продуктов. Не похоже, что его срочный поход в магазин был чем-то действительно срочным. Но ладно. Такой продуктовый набор нравится мне куда больше, чем килограмм картошки или литр молока.

Хотя...

Только сейчас я понимаю, что Адам подозрительно долго ходил в магазин, который находится буквально в соседнем доме. И совсем не похоже, что все это время он тщательно выбирал торт своей мечты. Скорее наоборот. Будто схватил первое, что попало под руку.

— Ну что, поужинаем? — радостно потирает ладони Адам.

С таким восторгом обычно пятилетние дети реагируют на новость, что родители вместо супа решили отвезти их в Макдоналдс. Его почти детская радость не позволяет мне продолжить раскручивать мысли о том, где он действительно был. Поэтому я просто улыбаюсь и киваю. Когда вместо ужина тебя ждет торт, как-то не хочется нагнетать атмосферу.

Я хлопаю ладонью по кровати, приглашая его в свою крепость из одеял и подушек.

Сегодня вставать я точно не собираюсь.

— В кровати? — удивленно спрашивает он.

— В кровати, — улыбаюсь я. — Мы взрослые люди и можем делать что захотим. Есть что захотим и где захотим.

— Очень опасная философия.

— Почему?

— Потому что однажды ты скажешь это в три часа ночи, а потом мы будем жарить пельмени феном.

— Главное не картошку.

— Картошку тоже можно.

— Ты пугаешь меня.

— Я живу ради этого.

Он сбрасывает покупки возле кровати и устраивается рядом. Моя крепость из одеял недовольно принимает еще одного жильца. Становится тесно. Но уютно. Очень уютно.

Глава 2

Прекрасный ужин.

Прекрасный вечер.

Я люблю Адама за его спонтанность. За то, что если ему вдруг захочется есть торт на ужин — на ужин будет торт. Если захочется сорваться ночью за кофе — мы поедем за кофе. Если захочется смотреть фильмы до четырех утра в среду, когда завтра на работу, значит так и будет.

Он умеет превращать обычные дни в события.

После уничтожения сахарной бомбы мы падаем обратно на подушки и включаем какой-то детектив. Моя голова устраивается у него на груди. Волосы рассыпаются по его плечу и по моей спине. Рука Адама лениво обнимает меня со спины и ложится на талию. Чувствую себя в крепости, при этом находясь внутри крепости.

Чертовски приятно.

— Адам? — тихо спрашиваю я, немного приподнимаясь.

— Да, любимая? — отвечает он, не отрывая взгляда от телевизора. Пальцы продолжают неспешно поглаживать мой бок.

— Где ты был?

— В смысле?

— Ну... когда ушел. Почему тебя так долго не было?

Вторая половина моей личности сегодня явно решила до-

вести меня до нервного срыва. Потому что только полная идиотка способна испортить такой вечер. Только идиотка не может просто расслабиться и наслаждаться уютом.

Но я бы соврала, если бы сказала, что способна наслаждаться чем-то, пока в голове стоит гул из вопросов.

Адам замер. Совсем чуть-чуть. Настолько незначительно, что другой человек мог бы даже не заметить. Но я замечаю.

Он приподнимается на локте. На его лице мелькает удивление. Потом что-то еще. Похоже на волнение.

Всего на долю секунды. Настолько быстро, что я почти убеждаю себя, будто мне показалось.

А потом его лицо снова становится спокойным. Он улыбается.

— Колы не было в нашем магазине. Ты же знаешь, как я ее люблю. Пришлось идти в другой. Он слегка пожимает плечами.

— По дороге созвонился с другом. Заболтались.

После чего смотрит на меня внимательнее.

— А что такое, любимая?

Теперь в его голосе появляется тревога. Будто он пытается понять, что именно произошло.

— Да так... просто.

Я отвожу взгляд.

— Потеряла тебя.

Ложь.

До того момента, как мы попрощались с Энни, я вообще

о нем не думала. Именно поэтому мне становится стыдно.

Не могу сказать, что не поверила ему. Скорее наоборот. Я поверила. Почти.

Просто где-то глубоко внутри осталось неприятное ощущение, будто он рассказал не всю историю. Маленький занозистый осколок. Совсем крошечный. Но достаточный, чтобы продолжать царапать мысли.

И все же я мысленно проклиная себя уже, наверное, в тысячный раз. Этот вечер мог остаться беззаботным. Торт мог быть наградой за еще один вылеченный зуб. Мы могли дальше лежать в обнимку, смотреть дурацкий детектив и спорить о том, кто убийца. Вместо этого я снова полезла туда, куда меня никто не просил.

Никто из нас не захотел продолжать этот разговор.

Адам — потому что, возможно, действительно не хотел рассказывать что-то еще. Я — потому что чувствовала себя виноватой за то, что вообще открыла рот.

Хотя, если быть честной, открыть рот я хотела совсем по другой причине.

Плюс ко всему я уже несколько минут собиралась сказать ему кое-что важное. Кое-что, что пугало меня гораздо сильнее любого странного телефонного звонка. Но теперь нужные слова застряли где-то между горлом и сердцем. И чем дольше я молчала, тем тяжелее они становились.

Я ненавижу себя за то, что могу испортить почти праздничный вечер только из-за того, что в моей голове живет це-

лая свалка из мыслей.

Сериал почти закончился. Мне вообще кажется, что мы досматриваем его только для вида. Чтобы сделать вид, будто ничего не произошло.

Будто я не решила испортить этот вечер своим дурацким вопросом.

Блядь.

А вдруг я ничего не испортила?

Вдруг Адам сейчас просто увлечен сюжетом, пока я мысленно раздавила себя из-за гребаной кока-колы?

Если посмотреть на ситуацию со стороны, я задала абсолютно нормальный вопрос. Человеку, которому не безразличен другой человек.

Разве нет?

Но что-то его все же встревожило.

Или мне показалось?

Господи. Мой мозг может хоть иногда заткнуться?

Я даже пропустила концовку сериала. Не знаю, кто убийца. Не знаю, чем закончилась история. Не знаю даже, будем ли мы что-то обсуждать после.

Я смотрю на Адама виноватыми щенячьими глазами.

Молчу.

Но всем своим видом пытаюсь показать, что мне нужен контакт.

Разговор.

Объятие.

Да хоть что-нибудь.

Любой знак, что между нами все по-прежнему хорошо.

Но Адам просто переворачивается на бок.

— Доброй ночи. Лягу сегодня пораньше. Хочу выспаться.

Голос у него совсем не сонный.

И почему-то именно это цепляет меня сильнее всего.

Я молча отворачиваюсь тоже. И даже позволяю себе немного обидеться.

Это я ненормальная?

Или это он не мужчина моей мечты, который вопреки всему должен чувствовать каждую мою эмоцию и спасать меня от них?

Не знаю.

Сколько проходит времени, пока я лежу в темноте и плююсь в потолок, тоже не знаю.

Минуты.

Часы.

Вечность.

Я продолжаю мысленно проклинать себя.

Если честно, пока мой навязчивый разум окончательно не захватил власть, я представляла этот вечер совсем иначе.

Думала, мы закончим его так сказать вишенкой на торте. А потом, уставшие и полностью удовлетворенные, просто уснем.

Но нет.

Я снова все испортила.

Или не испортила.

Или испортила.

Или...

Черт.

Почему я никогда не могу просто подумать о том, что человек действительно мог устать?

Почему мне всегда проще поверить в то, что проблема во мне?

Что меня снова недостаточно?

Что меня снова не выбирают?

Я резко беру телефон с тумбочки. Все равно не усну. В моей голове настоящее осиное гнездо. И эти твари каким-то образом умудряются жалить меня изнутри.

— Спишь? — пишу я Энни.

Ответ приходит почти сразу.

— Да. Что случилось?

Я невольно улыбаюсь. Энни всегда отвечает. Даже когда спит.

— Ничего. Просто немного тревожно.

Я никогда не признаюсь сразу.

Чтобы достать что-то из моей головы, сначала приходится раскопать несколько слоев мусора сверху.

Я хорошая девочка. Да, мам?

— Мы обе знаем, что ты мне врешь. А я не собираюсь устраивать тебе допрос в четыре утра.

Я улыбаюсь уже шире.

Странно. Она тоже не спит.

— А ты чего не спишь? Думаешь обо мне?

Как обычно, в стрессовых ситуациях я пытаюсь отшутиться.

— Да. Есть тут некоторые люди, которые не дают мне спать.

— Надеюсь, это про меня.

— Только ты пишешь мне в такое время, дура.

Следом прилетают смеющиеся смайлики. И почему-то в этот момент становится легче. Совсем немного. Но достаточно, чтобы впервые за весь вечер перестать чувствовать себя одной.

Сама не знаю, как уснула. Но когда я наконец открыла глаза, телефон все еще лежал в моей руке, а диалог с Энни был открыт.

Должно быть, я опять перечитывала наши сообщения, пока меня не вырубило.

Адама уже не было. Наверное уехал на работу.

Я даже почувствовала легкую благодарность за то, что он не стал меня будить.

Судя по солнечному свету, который заливал нашу серую квартиру, время уже приближалось к обеду.

Я перевернулась на спину и посмотрела в потолок.

Потом на телефон.

Потом снова на телефон.

Видел ли Адам открытую переписку?

Может быть, это он забыл заблокировать экран?

Может, читал сообщения?

Так держать. Ты начинаешь день именно так, как и положено.

С идиотских предположений.

Раз уж диалог открыт, надо хотя бы пожелать Энни доброго утра.

Стоп.

Она уже написала мне в семь утра. Пожелала того же самого.

Я нахмурилась. С учетом того, что мы переписывались почти до рассвета, это означало только одно. Она практически не спала.

А если еще учесть ее работу, дедлайны и вечную привычку брать на себя больше, чем способен вынести обычный человек, то это совсем не похоже на нее.

Особенно в выходной.

Единственный день, когда ее жизнь хотя бы немного перестает напоминать бесконечный список задач.

Хотя кого я обманываю.

Даже отдых Энни планирует заранее. Под отдыхом она подразумевает книги, уборку, готовку, разбор шкафов и прочую деятельность, которую лично я считаю каторгой.

Все еще сонная, я зависаю взглядом на ее фотографии рядом с именем контакта.

Темные длинные волосы. Спокойная улыбка.

Она красивая. Не только на фотографии. Вообще. Пожалуй, если существует человек, которого бог создавал особенно внимательно, то это Энни.

Я невольно улыбаюсь.

— Доброе утро. У кого-то бессонная ночь?

Сообщение улетает почти сразу.

Мне безумно интересно, что такого происходило у нее в голове этой ночью. Потому что я почти уверена: *она тоже не спала не просто так.*

На самом деле с любым другим человеком я бы никогда не задавала настолько прямых вопросов. Я вообще редко интересуюсь чужими проблемами. Не потому что мне все равно. Просто большинство людей не хотят рассказывать правду. И я научилась не лезть туда, куда меня не звали.

Но Энни — другое дело. Она всегда открывает мне свою душу.

Не сразу. Иногда спустя дни. Иногда спустя недели. Но всегда до последней крупинцы.

Ей нужно время переварить происходящее. Разложить все по полочкам. Понять саму себя. Только потом она приходит ко мне.

Я так не умею. Мне хочется рассказать все сразу. Вывернуть душу наизнанку. Выпотрошить из головы весь этот бесконечный шум. Но каждый раз меня останавливает страх. Быть непонятой. Осужденной. Смешной. Слишком слабой.

Мама всегда говорила, что сор из избы не выносят. *Что*

хорошие девочки не жалуются. Не создают проблем. Не нагружают других своими переживаниями.

Правда, мам?

Телефон вибрирует.

— Да. Что-то, знаешь, твое осиное гнездо расплодилось и в моем разуме.

Я невольно усмехаюсь.

— Вот это да. Что-то случилось?

Ответ приходит спустя несколько минут.

— Созвонимся сегодня. Поговорим.

Я смотрю на сообщение чуть дольше обычного.

— Хорошо.

И сразу чувствую две эмоции одновременно.

Первая — радость. Потому что сегодня меня снова ждут несколько часов, когда тревога отползет куда-нибудь на задний план.

Вторая — беспокойство. Потому что я слишком хорошо знаю Энни.

Всегда чувствую, когда внутри нее что-то происходит. Она становится отстраненной от близких. Но при этом остается удивительно приветливой со всеми остальными.

Когда-то в школе я даже обижалась на нее за это. Не понимала, почему она отдаляется от меня, но при этом спокойно смеется и разговаривает с людьми, которых мы потом вместе обсуждаем за спиной.

Позже она объяснила. Сказала, что когда ей плохо, она

старается держать близких подальше. Чтобы не ранить их своим холодом. Чтобы не перекладывать на них собственную боль.

Я тогда долго пыталась убедить ее, что мне не сделает больно ее откровенность. Но со временем просто приняла это. Наверное, любовь и есть принятие.

— Я принимаю тебя со всеми твоими яблоками, — говорила я ей почти каждый день в школе.

Даже когда ты холодная.

Даже когда закрываешься.

Даже когда отталкиваешь меня.

Потому что люблю тебя.

Энни всегда улыбалась после этих слов. И неизменно делала шаг навстречу.

Глава 3

После сообщения Энни о том, что мы сегодня созвонимся, в моем расписании больше не осталось никаких дел. С тех пор как мы разъехались по разным городам, я жду её звонков больше, чем выход новой серии любимого сериала.

Но просто лежать и ждать тоже пытка.

Стоит мне остаться без дела хотя бы на десять минут, как в голове начинает раскручиваться ураган предположений.

Что случилось?

Почему она не спала?

Почему не захотела рассказать сразу?

Может, произошло что-то серьезное?

Каждая новая мысль цепляется за предыдущую, тревога разрастается и постепенно занимает все свободное пространство внутри меня.

Поэтому я начинаю заниматься чем угодно. Перемываю посуду. Протираю столешницу.

Делаю легкую уборку, чтобы квартира хотя бы перестала выглядеть так, будто здесь недавно проводили обыск. Когда и это заканчивается, я начинаю искать себе новую задачу. Что-нибудь простое. Такое, чтобы занять руки, но не голову.

О.

Стирка.

Запущу ту несчастную футболку.

Адам говорит, что стирать одну вещь — пустая трата воды и электричества. Но Адама сейчас нет дома. А значит, никто не помешает мне совершить это страшное преступление.

Я уже засыпала порошок в лоток стиральной машины, когда телефон внезапно завибрировал в кармане. От неожиданности я вздрогнула так сильно, что часть порошка рассыпалась на пол мелкой белой крошкой.

Плевать. У меня важный разговор. Остальное потом.

— Але-е-е, — заинтересованно протянула я.

— Привет.

Голос Энни прозвучал непривычно сухо.

Мы обменялись стандартными вопросами. Как дела. Что делаешь. Как спала.

Я не хотела давить на нее.

Энни, кажется, просто не знала, с чего начать. И на несколько секунд повисло молчание.

— Как Адам?

Вопрос застал меня врасплох.

Так. Вообще-то мы созваниваемся, чтобы поговорить о ней. Разве нет?

— Эм... Да нормально. Как обычно. Вчера вот все два часа, пока мы с тобой разговаривали, искал кока-колу.

Я нервно усмехнулась, стараясь показать, что ситуация кажется мне исключительно забавной.

— Интересно, что за волшебную колу продают в вашем городе, если Адам искал её два часа.

Вот черт. Энни слишком хорошо меня знает.

Я не люблю, когда кто-то начинает копать в моем осинном гнезде.

Потому что потом осы кусают уже меня. Изнутри.

— Да-а-а... Ты же знаешь, как он её любит.

Я пытаюсь звучать уверенно. Так же уверенно, как вчера звучал сам Адам. Получается плохо. Подозрительно плохо. И зачем я вообще подняла эту тему?

— А как у тебя с Люком?

Я торопливо перевожу разговор. Если уж мы говорим о личной жизни, то лучше о её личной жизни. Мои маниакальные сомнения сегодня обсуждать не хочется.

— Ты знаешь...

Вот оно.

Когда Энни начинает фразу со слов «ты знаешь», значит, наконец переходит к сути.

Аллилуйя.

— Мне кажется, между нами всё медленно умирает. Если уже не умерло.

Я нахмурилась.

— Я помню, ты говорила, что тебя раздражают какие-то мелочи. Но я думала, это просто мелочи.

Раньше Энни рассказывала, что её буквально трясёт от раздражения из-за каких-то поступков Люка.

Я особо не вникала.

Ну парень. Наверняка опять сделал что-то не так.

— Все эти мелочи превратились в огромный снежный ком. И мне кажется, он вот-вот сорвется лавиной.

По её голосу я сразу понимаю: дело уже давно не в мелочах. Они вместе столько лет. Я была уверена, что следующим шагом станет семья.

Может быть, Энни рассказывала мне не всё. Или я просто отказывалась это замечать. Если дело касается любви, на мои глаза моментально сползают розовые очки. Я всегда была такой.

Наивной.

— В какой-то момент я поняла, что человек, с которым я начинала отношения, и человек рядом со мной сейчас — это два разных человека. И нет, он не сделал ничего ужасного. Но и ничего хорошего тоже. Я не знаю... Я так запуталась. Меня всё это душит.

Последние слова она произносит почти шепотом.

Усталость в её голосе ощущается физически.

— Эй, детка... А была какая-то точка невозврата? Момент, после которого ты поняла это окончательно?

Мне всегда важно понять, как долго Энни вынашивает свои решения.

Если была последняя капля, значит, можно найти причину. Можно разобраться. Можно что-то исправить.

Удивительно, как сильно ты любишь всех спасать.

Мне отчаянно хочется защитить Энни от боли. От разочарования. От расставания. Особенно от расставания с че-

ловеком, рядом с которым прошло столько «впервые».

Но чем больше она говорит, тем сильнее я понимаю, что не знаю, как ей помочь. Вообще не знаю.

— Да не было никакой точки, — устало отвечает Энни. — Я же говорю, мелочи просто стали чем-то большим. Мне плохо рядом с ним. А ему нормально. Он не замечает удавку на моей шее. Просто смотрит и говорит, какой красивый галстук. И плевать, что я задыхаюсь.

Я молчу несколько секунд.

— Может быть, тебе просто нужен отдых? Ты очень много работаешь. Устаешь. Постоянно отдаешь себя другим. Когда моё внутреннее «я» заканчивается, меня тоже начинают раздражать вообще все.

Да. Я всё ещё уверена, что дело не в отношениях.

Энни тяжело вздыхает. А потом неожиданно переводит разговор на работу. Начинает рассказывать про клиентов. Про дедлайны. Про очередных идиотов, которые доводят её до нервного тика. И я понимаю, что тему Люка она пока закрыла.

Ей нужно время подумать.

Возможно, мои слова помогут ей разобраться.

А может быть... Может, ей вовсе не нужны были советы. Может, она просто хотела выговориться. Чтобы её выслушали. Пожалели. Побыли рядом.

Но мне почему-то всегда хочется найти правильный ответ. Сказать что-то такое, что действительно поможет. Будто я

обязана это сделать. Потому что если не смогу помочь...
Тогда зачем я вообще нужна?

Глава 4

Хотя разговоры с Энни обычно вытаскивали меня из гнилого болота собственных мыслей, в этот раз все стало только хуже.

После звонка в квартире повисла тишина.

Та самая тишина, которая сначала кажется обычной, а потом начинает давить на барабанные перепонки. За окном медленно темнело. Последние лучи солнца цеплялись за крыши соседних домов, окрашивая стены гостиной в грязно-оранжевый цвет.

Я сидела на диване, глядя в черный экран телефона. Люди обычно говорят, что после откровенного разговора становится легче.

Мне не стало.

Я действительно не понимала, насколько все плохо с Люком. То ли я пропустила момент, когда ситуация начала разваливаться на части. То ли Энни намеренно обходила эту тему стороной.

Разговор получился обо всем и ни о чем. В самых худших смыслах.

Даже мои саркастические шутки не смогли вытянуть нас на привычную территорию, где проблемы хотя бы ненадолго превращались в повод закатить глаза и посмеяться.

Какая же ты идиотка, Кэт.

Я поднялась с дивана. Пол под босыми ногами был неприятно холодным.

Так. Скоро вернется Адам. Поэтому никаких теорий заговора. Пока что.

Лучше приготовлю ужин.

Желудок недовольно заурчал.

Не то чтобы мне не понравилось запивать шоколадный торт кока-колой. Очень даже понравилось. Но взрослая жизнь оказалась одной большой аферой. Когда тебе десять, кажется, что свобода выглядит именно так: ешь мороженое на завтрак, сырны палочки на обед и торт на ужин. А когда тебе двадцать четыре, выясняется, что после такого питания организм пытается умереть.

И меня это бесит. По-настоящему бесит.

Потому что я хочу есть сырны палочки килограммами. А мой желудок, оказывается, имеет собственное мнение по этому вопросу. Видимо, взросление все-таки прошло через меня не полностью.

Холодильник встретил меня унылым белым светом. Полки выглядели почти пустыми.

Надкусанное яблоко. Два яйца. Банка какого-то соуса. И... Я прищурилась.

В дальнем углу притаилась подозрительная пластиковая коробка. Внутри находилась субстанция неопределенного происхождения и пугающего зеленоватого оттенка. Она выглядела так, словно уже обзавелась собственной цивилиза-

цией.

Не поймите меня неправильно. Я не бытовой инвалид. Наверное.

Но эту штуку я бы предпочла не злить.

Захлопнув дверцу холодильника, я потянулась за телефоном. Хочу позвонить Адаму и попросить его купить продукты. Нормальные взрослые продукты.

Минут через пятнадцать обнаружила его в собственной левой руке.

Я медленно посмотрела на экран. Потом на свою руку. Потом снова на экран.

Боже? Что со мной не так?

Гудки.

Один.

Второй.

Третий.

Адам не отвечает.

- «Наверное, он просто за рулем» - Так сказала разумная часть меня. Но разумная часть редко выигрывала в наших внутренних спорах.

Почти сразу следом пришла другая мысль.

А что если...

Холод мгновенно растекся по позвоночнику. Что если именно сейчас какой-нибудь идиот решил перестроиться без поворотника? Что если Адам отвлекся на мой звонок?

Что если...

Сердце ударило о ребра так сильно, что стало больно.

Сердце? Прости меня и мою тревожность, пожалуйста.

Воздух застрял где-то в горле. Я знала это чувство. Оно всегда начиналось одинаково.

Сначала одна мысль.

Потом еще одна.

Потом десять.

Потом сотня.

И вскоре внутри головы уже разворачивалась катастрофа, в которой все были мертвы.

Дыши. Давай. Блядь. Кэт, просто дыши.

Мои пальцы дрожали, пока я открывала карту. Я сама настояла на том, чтобы мы подключили геолокацию друг друга. Некоторые считали это странным. Некоторые — нездоровым. Но никто из них не просыпался среди ночи от мысли, что любимый человек мог исчезнуть. Никто из них не проверял телефон каждые пять минут, когда сообщение оставалось неп прочитанным. Никто из них не жил с этим постоянным ощущением, будто беда стоит за углом и терпеливо ждет своей очереди.

Точка на карте двигалась. Медленно. Уверенно. По направлению к дому.

Я шумно выдохнула и прислонилась затылком к стене.

Господи.

Кажется, за последние тридцать секунд я успела похоронить Адама, пережить его похороны и мысленно остаться

вдовой.

Сама схожу в этот гребаный магазин.

Когда я наконец заставила себя выйти за продуктами, на город уже опустилась ночь.

Не та красивая ночь из фильмов с неоновыми вывесками и романтическими огнями. Обычная. Темная. Немного сырая.

Я даже не стала переодеваться. Широкая темно-зеленая толстовка с капюшоном, пижамные штаны и кроксы.

В лифте я машинально подняла взгляд на свое отражение. Мятая одежда. Спутанные волосы. Усталые глаза.

Толстовка настолько огромная, что я буквально тону в ней.

Забавно. Она выглядит почти такого же цвета, как то болото, в котором я барахтаюсь последние месяцы.

Плевать. Болото воняет. Но в нем тепло.

Двери лифта разъехались в стороны. На улице уже горели фонари. Желтые круги света ложились на мокрый асфальт, а между ними пряталась густая темнота. Будний вечер.

Большинство людей давно вернулись домой. Город будто выдохнул после тяжелого дня. Было непривычно тихо. Только ветер иногда шуршал листьями где-то над головой да мои кроксы лениво шаркали по тротуару.

Когда я возвращалась обратно, пальцы уже болели от тяжести пакетов. Ручки впивались в кожу. Но мне было лень останавливаться и менять руки местами. Оставалось пройти совсем немного. Еще несколько метров. Потом кровать.

Одеяло. И никаких мыслей.

Хотя кого я обманываю?

Мысли найдут меня даже там.

Я не осознанно оглядываюсь по сторонам. Проходящая кучка, кажется, подростков посмотрела меня сверху вниз.

Нынче дети такие огромные.

Хотя я всегда чувствовала себя маленькой. Не только потому, что мой рост метр пятьдесят пять, но это тоже играет свою роль, безусловно. Рядом с Адамом я вообще выгляжу так, будто случайно потерялась в отделе для взрослых. Он почти два метра ростом. Когда мы идем рядом, люди иногда смотрят на нас так, словно мы представители разных биологических видов. Но, повторяюсь, дело не только в росте.

Иногда мне кажется, что весь мир слишком большой для меня.

Слишком шумный.

Слишком важный.

А я...

Я ничего ему не дала.

Не изобрела лекарство от рака.

Не спасла детей из горящего дома.

Не написала книгу, которая изменила чью-то жизнь.

Не оставила после себя ничего значимого.

Зато катастрофы будто сами находят дорогу ко мне. Если существует премия за самые нелепые проблемы, я определенно в числе фаворитов.

Треш.

До подъезда оставалось буквально несколько шагов, когда кто-то внезапно дернул один из пакетов. Сердце моментально подскочило к горлу.

Что за...

Неужели меня решили ограбить?

Из-за сосисок?

Я резко подалась вперед, прижимая покупки к себе так, словно внутри лежали золотые слитки. Только потом обернулась.

Адам.

Он стоял рядом с выражением искреннего недоумения на лице и все еще держался за пакет.

— Ты в порядке?

Я несколько секунд просто смотрела на него. Потом выдохнула. Кажется, вместе с остатками своей души.

— Да. Просто ты меня напугал.

На губах появилась нервная улыбка. Я сдалась и наконец отдала ему самые тяжелые сумки.

Адам легко подхватил их одной рукой, будто внутри лежали не продукты на неделю, а упаковка ваты.

Через минуту ситуация уже казалась смешной. Мы шли к дому, и я даже тихо усмехнулась.

Интересно, он понимает, что еще секунд тридцать назад я мысленно пережила собственное ограбление, нападение маньяка и как минимум одну трагическую смерть?

Скорее всего нет.

И это даже хорошо.

Сегодня я старалась выглядеть чуть менее подозрительной. Чуть менее тревожной. Чуть менее собой. Не хотелось снова превращать вечер в допрос. Поэтому новые вопросы, новые сомнения и новые подозрения я просто проглотила. Натянула привычную милую улыбку. И сделала вид, что все в порядке.

Глава 5

Всю оставшуюся неделю я пытаюсь быть нормальной. *Или удобной?*

Честно говоря, я уже не уверена, где проходит граница между этими двумя понятиями.

Пока я больше не рассказываю Адаму о своих переживаниях.

Прошлый разговор достаточно ясно показал, что он не собирается ничего объяснять, а я своими вопросами умею превращать даже самый спокойный вечер в допрос с пристрастием. Хотя, если быть совсем честной, свои вопросы я до сих пор не считаю глупыми.

Странными — возможно.

Навязчивыми — иногда.

Но не глупыми.

Просто теперь каждый раз, когда мне хочется что-то спросить, я заставляю себя молчать.

Слова застревают где-то между грудной клеткой и горлом. Там и остаются. Как рыбы кости. Колют. Мешают дышать. Но наружу не выходят.

Мне вообще начинает казаться, что я придумала проблему.

Сама испугалась. Сама построила тысячу теорий. Сама же их опровергла. А потом устала от собственного расследова-

ния. И все равно ничего не поняла.

Что происходит с Адамом?

Что происходит с Энни?

Что происходит со мной?

После нашего разговора с Энни все словно зависло в воздухе. Как видео, поставленное на паузу.

Я знала, что так будет.

Когда ей тяжело, она всегда немного исчезает. Не навсегда. Просто отходит на безопасное расстояние.

Поэтому наши переписки быстро превратились в короткий ритуал.

«Доброе утро».

«Как дела?»

«Нормально».

«Спокойной ночи».

Изо дня в день. Из сообщения в сообщение. Из недели в неделю.

Я привыкла.

У нас уже было такое раньше.

Со всеми твоими яблоками, помнишь?

Я знаю, что в какой-то момент она вернется. Расскажет все, что накопилось. Будет смеяться над своими же проблемами. А я сделаю вид, что вовсе не считала дни до этого момента.

Но пока...

Пока Энни отделилась от меня. А я отделилась от Адама.

И самое ужасное, что никто из нас этого даже не обсуждал.
Мы просто начали двигаться в разные стороны.
Медленно, но ощутимо.
Как расходятся тектонические плиты. В какой-то момент между ними появляется крошечная трещина. Потом еще одна. А потом оказывается, что между вами уже целый океан.
В такие дни мне хочется спрятаться. Исчезнуть.
Закрыться внутри огромного металлического сейфа.
Толстые стены.
Тяжелая дверь.
Никаких звонков.
Никаких разговоров.
Никаких мыслей.
Только тишина.
Абсолютная.
Безопасная.
Но если быть честной самой себе..
Я не хочу, чтобы этот сейф остался запертым навсегда.
Мне хочется, чтобы кто-нибудь все-таки заметил его.
Остановился.
Прислушался.
Понял, что внутри кто-то есть. Чтобы кто-нибудь решил, что содержимое этой железной коробки стоит усилий. Чтобы подобрал код. А если не получится — взломал к чертовой матери. Открыл дверь и вытащил меня наружу. Хотя бы ненадолго увез туда, где мир не выглядит как бесконечная

череда причин для беспокойства.

Туда, где мне не придется постоянно быть настороже.

Туда, где можно наконец перестать ждать беды.

Хотя бы на один вечер.

Все эти мысли, как обычно, затягивают меня в бесконечный водоворот. Иногда мне кажется, что я уже не пытаюсь из него выбраться. Просто кружусь вместе с течением.

Каждый день.

Каждую ночь.

Наверное, именно поэтому я почти перестала нормально спать. Организм периодически берет управление на себя и просто выключает меня в самые неподходящие моменты.

Как сейчас.

Еще несколько минут назад я лежала на кровати и недовольно стонала от того, что мышцы затекли от долгого бездействия. Я даже собиралась встать. Разложить коврик. Немного потянуться.

В интернете говорят, что растяжка помогает успокоить нервную систему. Не знаю, правда это или нет, но звучит убедительно.

А потом, как по щелчку пальцев, наступает темнота. И так же резко что-то громкое вырывает меня обратно.

Телефон.

Всего лишь телефон.

Но мое тело реагирует так, будто в квартиру только что выбили дверь.

Я резко сажусь на кровати. Воздух застревает в легких. Сердце срывается в бешеный галоп. По щекам уже текут слезы.

Черт. Кажется, я все-таки уснула.

Так бывает.

Если меня резко разбудить, сначала приходит паника. Потом слезы. Потом стыд за слезы.

Энни и Адам знают об этом.

Никто из них никогда не стал бы будить меня таким образом. Хотя они и не могли знать, что я уснула.

Когда пелена страха начинает понемногу рассеиваться, я замечаю экран телефона.

Мама.

Ну конечно.

Почему я вообще не удивлена? Даже неосознанно она каким-то образом всегда умудряется меня напугать.

— Алло, — голос звучит хрипло и дрожит сильнее, чем хотелось бы.

— Привет, дочь. Ты чего такая?

Я молчу несколько секунд. В ее голосе есть что-то странное. Неуловимое. Знакомое до боли.

Бодрые интонации.

Слишком растянутые гласные.

Слишком хорошее настроение.

— Да я просто спала.

— Все спишь, бездельничаешь. Пока ты отдыхаешь, дру-

гие работают.

Я закатываю глаза.

Конечно. Лучшие бы сказала, что заболела.

Для отдыха всегда должна быть уважительная причина.

Температура.

Сломанная нога.

Двенадцатичасовая смена.

Что угодно. Но не просто усталость. Не просто желание поспать. Не просто существование.

Сон сейчас единственное место, где меня хотя бы ненадолго перестают преследовать собственные мысли. Но объяснять это бесполезно.

— Мам, что-то случилось?

— А я не могу просто позвонить своей дочери? Узнать, как у нее дела? Ты сама мне не звонишь.

Вот именно поэтому и не звоню. Потому что после каждого разговора чувствую себя виноватой.

За расстояние.

За молчание.

За собственную жизнь.

За все сразу.

Я закрываю глаза. Спорить бессмысленно. Особенно когда чувствую знакомые нотки в ее голосе. Обычно я редко ошибаюсь в таких вещах.

— Все нормально. У тебя как дела?

— Да тоже. Вот сидим с Лялей, отдыхаем.

Под словом «отдыхаем» в нашей семье обычно подразумевается совсем не чай с печеньем.

Я невольно улыбаюсь.

Бабушка Ляля всегда становилась удивительно доброй после пары рюмок. Смешной. Разговорчивой. А когда я была маленькой, именно она иногда вставала между мной и мамой в моменты, когда та начинала перегибать палку.

Жаль, что это происходило не всегда.

— Понятно.

Мне хочется закончить разговор до того, как он свернет куда-нибудь не туда.

К счастью, мама тоже устает от беседы быстрее обычного.

— Ну ладно. Пока, доченька. Будь хорошей девочкой.

Будь хорошей девочкой.

Кажется, эта фраза преследует меня столько, сколько я себя помню.

— Пока.

Экран гаснет.

В комнате снова становится тихо. Но внутри меня — нет.

Сердце продолжает колотиться.

Ладони дрожат.

Глаза горят от слез.

Я одновременно злюсь, обижаюсь, боюсь.

Каждый раз одно и то же. И неважно, о чем именно мы говорили. Неважно, поссорились мы или нет.

Если я понимаю, что мама пила, мое тело реагирует рань-

ше, чем успевает включиться разум. Словно внутри до сих пор живет маленькая Кэт, которая уже знает: сейчас может случиться что угодно.

Эмоции переполняют меня. Им становится тесно внутри. Они начинают искать выход.

Мне нужно успокоиться.

Вдох.

Выдох.

Еще раз.

Давай.

Ну же.

Кажется, не получается, но в какой-то момент, я прихожу в себя, сидя на краю кровати.

Щеки мокрые.

Дыхание сбивчивое.

А по бедрам медленно разливается тупая боль.

Я опускаю взгляд.

На коже уже проступают темные пятна.

Сине-фиолетовые.

Глава 6

Еще немного я поплакала, а потом просто устала. От разговора. От себя. От собственных мыслей.

Я включила какую-то глупую мелодраму и уставилась в экран. Герои там страдали красиво. Под дождем. Под музыку. С идеальным макияжем и правильным освещением. Мне до такого было далеко.

Мой взгляд случайно опустился на собственные ноги. На темные пятна, которые уже начинали проступать на коже. Сине-фиолетовые разводы выглядели почти как акварель.

Некрасивая акварель.

Я провела пальцами по одному из синяков.

Больно. Но терпимо.

Наверное, именно поэтому меня это никогда не останавливало. Когда я вижу такие следы, какая-то часть меня испытывает облегчение. Будто я все-таки выпустила наружу часть той боли, которая разрывала меня изнутри. Будто не оставила ее гнить внутри себя.

Хотя другая часть прекрасно понимает, насколько это нездорово.

Мне нравится думать, что это способ заземлиться. Так считает моя внутренняя идиотка. Адекватная версия меня смотрит на происходящее совсем иначе.

Она бы сказала, что человеку, который регулярно остав-

ляет синяки на собственном теле после нервного срыва, неплохо было бы обратиться к специалисту. И, возможно, она была бы права. Но мне совершенно не хочется становиться девушкой со справкой.

Глупо? Да. Но что есть, то есть.

Наверное, все началось классе в седьмом. Или восьмом. Точно уже не помню.

Физическая боль постепенно стала для меня якорем. Чем-то понятным в мире, который постоянно разваливался на части. Я тогда впервые решила, что мне срочно нужны отношения. Не потому что влюбилась. Нет.

Просто у всех крутых девочек уже были парни. У Энни был парень. У популярных девчонок были парни. Даже у тихонь из параллели были парни. А значит, и мне был нужен.

Логично же?

И как удачно, что один мальчик достаточно долго добивался моего внимания.

Мы вместе ходили на плавание. Правда, занимались в разных группах. Он был всего на пару сантиметров выше меня. Почти лысый, но с хвостиком на затылке. С пухлыми губами. Маленьким носом и карими глазами.

Обычный. Совершенно не похожий на героя моих фантазий.

Но тогда я упорно убеждала себя, что внешность — это не главное. Что он хороший.

И, наверное, это было правдой. Для кого-то.

Но не для тебя, Кэт.

Он был невероятно застенчивым. Нерешительным. Практически моей мужской версией. И если обычно мне нравились люди, похожие на меня, то здесь все работало наоборот.

Мне хотелось, чтобы кто-то наконец взял ситуацию в свои руки. Потому что сама я этого делать не умела. Да и не хотела.

Прошло восемь месяцев.

Восемь.

Месяцев.

Мы ни разу не поцеловались. Даже за руку толком не держались, но называли это настоящими любовными отношениями.

А мне уже тогда хотелось понять, что такого особенного во всех этих подростковых историях любви. Хотелось почувствовать бабочек в животе. Хотелось узнать, почему прикосновение к талии заставляет героинь в книгах терять дар речи.

Почему люди так много говорят о поцелуях. Что в них вообще такого? Но он так и не решался.

Наверное, боялся. Или просто не был готов. А может быть, если честно, не была готова я сама и он это чувствовал.

В какой-то момент я поняла, что отношения душат меня сильнее, чем делают счастливой. Поэтому решила уйти. Сначала были уговоры. Потом просьбы остаться. А потом начался шантаж.

Неожиданно, правда?

Он не угрожал мне. Но он угрожал себе. Говорил, что причинит себе вред. Что не сможет без меня. Что жизнь теряет смысл.

Сейчас, когда мне уже далеко не четырнадцать, это кажется почти абсурдным. Подростки вообще плохо понимают, что такое любовь. Но тогда мне было страшно.

По-настоящему страшно.

Мне казалось, что чужая жизнь каким-то образом оказалась у меня в руках.

Я никому не рассказала.

Ни маме.

Ни Энни.

Никому.

И тогда я придумала собственный способ бороться с этим. Глупый. Отчаянный. И такой подростковый.

Я отправляла ему фотографии собственных расцарапанных рук в ответ на его кровавые фотографии.

— Я буду делать то же самое, если ты не прекратишь.

И знаете что? Это работало. Иногда он действительно останавливался.

Хотя сейчас я понимаю, насколько безумной была вся эта ситуация.

Но хуже было другое.

В какой-то момент я заметила, что мне становится легче. Не потому что проблема исчезала. Не потому что боль проходила.

Просто на несколько минут внутри становилось тише. Будто кто-то убавлял громкость в моей голове.

Только ненадолго.

Потом все возвращалось обратно.

Всегда.

Когда я жила с мамой, скрывать это было проще. Всегда можно было обвинить кота. Сказать, что он поцарапал.

Прости меня, котик.

Мама никогда особенно не проверяла. Либо верила. Либо просто не хотела замечать. Я до сих пор не знаю.

Но сейчас рядом со мной Адам.

Адам замечает гораздо больше. И никакой кот не сможет объяснить синяки на моих ногах.

Я снова опускаю взгляд на кожу. На темнеющие пятна. На следы собственного отчаяния.

Что я скажу Адаму, если он их увидит? Точнее, что я ему скажу, когда он их увидит?

Мой взгляд снова падает на ноги. Темные следы уже проступили под кожей. Я знаю, что завтра они станут еще ярче. А через несколько дней пожелтеют по краям. Потом исчезнут. Как исчезают все мои обещания больше никогда этого не делать.

Самое отвратительное даже не в самих синяках. А в том чувстве облегчения, которое приходит следом. Словно внутри наконец выключили сирену. Словно кто-то на несколько минут убрал руки с моего горла. Я ненавижу это чувство. И

одновременно жду его каждый раз.

Вот в чем проблема.

Не в следах.

Не в боли.

А в том, что какая-то часть меня до сих пор считает это спасением. Она лжет. Я знаю, что лжет. Потому что завтра все вернется снова. Звонки. Страх. Тревога. Мысли. Все вернется. А следы на коже останутся лишь напоминанием о том, что я снова проиграла самой себе.

Я отвожу взгляд.

Будто если не смотреть, то ничего этого не существует.

Будто я не взрослая женщина, которая прячет собственные ноги от человека, которого любит.

Будто мне снова четырнадцать.

Глава 7

Сегодня мой мозг оказался совершенно не способен придумывать убедительную ложь. Такую, в которую поверят все. Или хотя бы я сама.

Поэтому я просто натянула серые спортивные штаны. Те самые, которые обычно надеваю в дни, когда планирую существовать, а не жить.

После чего снова забралась в кровать.

Святое дерьмо.

Когда я брала двухнедельный отпуск, все выглядело совсем иначе. У меня были планы. Большие планы. Я собиралась гулять. Читать. Смотреть фильмы. Выбраться наконец куда-нибудь с Энни. Заняться спортом. Да хотя бы нормально высыпаться.

В итоге большую часть отпуска я провела в одной и той же позе, разглядывая потолок и собственные тревожные мысли.

Это почти талант. Лежать без движения и все равно устать.

Иногда мне даже кажется, что работа сейчас была бы проще. По крайней мере, у нее есть структура. Есть правила. Есть задачи. Есть причина встать с кровати.

Я невольно думаю об Адаме. В последние месяцы он работает как проклятый. Уезжает рано утром. Возвращается поздно вечером. Иногда мы видимся всего пару часов перед

сном. Потом снова наступает утро. И все повторяется.

У него есть повод собраться. Есть повод принять душ. Побриться. Надеть чистую выглаженную рубашку. Есть повод выглядеть человеком.

А у меня?

Я переворачиваюсь на бок и смотрю в окно. За стеклом медленно темнеет.

Блядь.

А что если он просто избегает меня?

Мысль приходит настолько внезапно, что я даже перестаю дышать.

Что если ему проще оставаться на работе до ночи, чем возвращаться домой? Что если он устал от моих тревог? От слез? От постоянных вопросов? От меня?

Я пытаюсь остановить этот поток. Правда пытаюсь. Но тревога уже почувствовала запах крови.

Теперь она не отпустит.

Что если...

Что если...

Что если...

Щелк. Дверной замок проворачивается один раз.

Потом второй. И все мысли мгновенно обрываются.

Адам. Наконец-то.

— Любимая? Я дома.

Я даже не успеваю сесть нормально. Он появляется в дверном проеме спальни и сразу замечает мой вид. Конечно за-

мечает. От него вообще сложно что-то скрыть.

— У тебя что-то случилось?

Черт.

— Я вижу, что ты плакала.

Ну да. Опухшие глаза. Красный нос. Лицо человека, который последние несколько часов занимался исключительно самоуничтожением. Хотя если искать плюсы, губы после слез всегда выглядят чуть объемнее. Хоть какая-то хорошая новость.

— Да просто...

Я отворачиваюсь. Как обычно. Потому что внутри слишком много всего. И я понятия не имею, как объяснить это другому человеку. Тем более ему.

Он только вернулся домой. Уставший. После длинного рабоче-го дня. Дом должен быть местом отдыха. А не очередным полем боя с моими демонами.

— Ну я же вижу.

Голос Адама становится мягче. Он подходит ближе.

— Что случилось? Мама?

Я медленно киваю. Адам знает. Не все. Далеко не все. Но достаточно, чтобы понимать последствия ее звонков.

— Угу.

Моего звукоподражания достаточно, чтобы он все понял. Потому что в следующую секунду его руки оказываются вокруг меня. Большие. Теплые. Надежные. Я снова чувствую себя крошечной рядом с ним. Мне хочется раствориться

в этих объятиях полностью. Словно он может закрыть собой весь остальной мир. Все звонки. Все воспоминания. Все страхи.

Я утыкаюсь лицом ему в грудь и слышу ровный стук сердца. Так близко. Так спокойно.

Мои собственные мысли становятся чуть тише. Совсем немного.

Этого достаточно.

Чтобы просто дышать.

Я вцепилась в Адама так крепко, будто от этого действительно зависела моя жизнь.

Может быть, так оно и было.

Он попытался немного отстраниться, чтобы посмотреть мне в лицо. Я тут же протестующе замотала головой и прижалась еще сильнее.

Нет. Никуда ты не пойдешь.

Адам тихо усмехнулся.

Наверное, сейчас я напоминала дикую кошку, которую только что сняли с высокого дерева. Перепуганную. Взъерошенную. И абсолютно не готовую отпускать своего спасителя.

— Детка?

— М-м?

— Может, устроим шопинг?

Я моментально подняла голову.

— Шопинг?

Если дело касается магазинов, мне уже совершенно неважно, в каком эмоциональном состоянии я нахожусь.

Паническая атака? Подождет.

Экзистенциальный кризис? Тоже подождет.

Депрессия? Ладно, пусть посидит в углу пять минут. Потому что сейчас речь идет о шопинге.

— Конечно! Да! И еще раз да!

Я почти подпрыгнула на месте. А потом вспомнила, что в мире существуют другие люди. Например, Адам.

— Подожди... Ты же наверняка устал.

Он смотрит на меня так, словно уже тысячу раз видел этот сценарий. Сначала Кэт радуется. Потом вспоминает о реальности. Потом начинает переживать за всех вокруг.

— Я отдохну вместе с тобой, пока ты будешь опустошать магазины.

— Очень смело с твоей стороны.

— Тебе нужно отвлечься. И мы оба это знаем.

Я невольно улыбаюсь, потому что он прав.

Поход по магазинам давно стал для меня чем-то вроде психотерапии. Купить какую-нибудь ненужную ерунду — временно залатать очередную трещину внутри себя. Новая свеча. Новый свитер. Новая кружка. Очередная вещь, без которой я прекрасно жила еще пять минут назад.

Между покупками и психотерапией я всегда выберу покупки. Тут хотя бы сразу понятно, за что отдала деньги. С психотерапией у меня отношения не сложились.

Несколько лет назад я все-таки решилась обратиться за помощью. Долго собиралась. Долго убеждала себя. Долго готовилась рассказывать чужому человеку вещи, которые обычно прячу даже от близких. А потом получила в ответ рекомендации пить чай с мятой. И меньше нервничать.

Спасибо. Как же я сама не догадалась.

Столько лет страдала, а решение, оказывается, лежало в чайном отделе ближайшего супермаркета. После этого желание искать кого-то другого как-то быстро испарилось. Возможно, где-то действительно существуют специалисты, которые умеют помогать таким людям, как я. Наверное, даже хорошие. Но проблема в том, что для новых попыток нужны силы.

А сил у меня сейчас нет. Поэтому давайте будем честны. Сегодня я выбираю торговый центр. Я выбираю яркие витрины. Громкую музыку. Пакеты в руках. Иллюзию того, что новую дыру в душе можно закрыть скидкой в сорок процентов.

Это не решение проблемы. Я знаю.

Но иногда достаточно просто пережить сегодняшний день.

А с этим шопинг пока справляется гораздо лучше меня.

Глава 8

Всю дорогу до торгового центра — самого большого в нашем городе, самого шумного и переполненного людьми — я буквально подпрыгивала на пассажирском сиденье. На какое-то время мне даже удалось забыть, что я вообще-то нахожусь в машине. В месте, которое при желании может превратиться в груды искореженного металла за долю секунды.

Спасибо, мозг. Очень своевременное напоминание.

Я старалась отвлечь себя как могла. Просила Адама рассказывать смешные истории с работы. Задавала глупые вопросы. И комментировала все подряд, буквально. В общем, вела себя как человек, который совершенно точно не пытается заглушить собственную тревогу.

Какое-то время это даже работало. Пока на шоссе не появился идиот на красном мерсе. Этот придурок несся с такой скоростью, словно участвовал в гонке, о которой никто кроме него не знал. С визгом шин он пролетел мимо нас. Непозволительно близко.

На одно короткое мгновение мне показалось, что наш автомобиль качнуло в сторону.

Возможно, показалось. А возможно и нет. Мое сердце все равно не интересуют факты. Оно начинает колотиться так, будто опасность уже произошла.

Я смотрю вперед. На дорогу. На фонари. На машины.

Только бы не заплакать. Только бы не сейчас. Но горячие дорожки уже скользят по щекам и собираются где-то возле подбородка.

Черт.

Я отворачиваюсь к окну. Не хочу, чтобы Адам видел. Не хочу снова выглядеть человеком, который не способен спокойно доехать до грёбанного торгового центра.

Большим пальцем я надавливаю на бедро. Туда, где под тканью спортивных штанов уже расцвели темные следы. Если это можно назвать удачей, то сейчас они помогают мне удержаться на плаву. Не привлекать внимание. Не показывать, насколько сильно меня накрыло. Просто зацепиться за что-то реальное. За что-то, что возвращает меня обратно в салон автомобиля.

Обратно в настоящее.

Мне даже удастся делать вид, что все в порядке. Вроде. Но Адам слишком хорошо меня знает.

— Тише, детка.

Его голос звучит спокойно. Уверенно. Так, будто ничего страшного в мире вообще не существует.

— Мы почти приехали.

Он кладет руку мне на бедро и слегка сжимает его через ткань штанов.

Всего одно прикосновение. Теплое. Знакомое. Настоящее. Возвращающее контроль. Будто кто-то бросил мне спасательный круг посреди шторма.

Я медленно выдыхаю. Еще раз. И еще.

Потом закрываю глаза.

Ладно. Раз уж реальность мне сейчас не нравится, можно ненадолго воспользоваться фантазией. Например, представить, что я вовсе не в машине. А где-нибудь в кинотеатре. На экране идет очередная часть «Форсажа». В зале темно.

Фильм настолько громкий и бессмысленный, что никто не обращает внимания на происходящее вокруг. А Адам... Скользит по им не глазами и не только.

Нет.

Стоп.

Я резко открываю глаза и невольно улыбаюсь.

Какая же ты озабоченная, Кэт. Безнадёжно озабоченная.

Может быть.

Зато последние несколько секунд я думала совсем не о том, как мы можем погибнуть в один день.

Пожалуй, для меня, это маленькая победа.

Что ж. Я рада, что мой мозг способен создавать не только катастрофы. Потому что фантазии, которыми я пыталась отвлечь себя от дороги, оказались достаточно эффективными. Настолько, что я начала ерзать на сиденье. Прикусила губу. Уставилась в окно, хотя давно ничего за ним не видела.

Моя фантазия уже успела убежать далеко вперед и совершенно потерять связь с реальностью.

Кажется мне нужен Адам, прямо сейчас и весь!

Поэтому, когда машина резко затормозила, я едва не подпрыгнула. Открыла глаза. И встретила взглядом с Адамом.

Он смотрел на меня несколько секунд. Потом понимающе усмехнулся.

Вот дерьмо. Он что, догадался?

— Приехали.

И больше ничего не сказал. Спасибо. Огромное человеческое спасибо. Потому что краснеть сильнее я бы уже физически не смогла.

Кажется, этот способ отвлекаться определенно заслуживает отдельное место в моем списке экстренной психологической помощи.

Мы вышли из машины и направились к главному входу. Наш шопинг начался вовсе не с магазинов. Нет.

Сначала были бургеры. Картошка фри. Газировка. И полное отсутствие чувства меры.

Я всегда говорила, что на голодный желудок невозможно найти вещь, которая действительно понравится. Поэтому сначала еда. Потом покупки. Наша маленькая традиция.

Проблема заключалась в том, что в этот раз я слегка перестаралась.

Ладно.

Не слегка.

Если сейчас попросить меня встать, я, скорее всего, просто покачусь по торговому центру как шар.

— Не хочешь заглянуть туда?

Адам кивнул в сторону одного из магазинов. На витрине висел огромный плакат с надписью «Новая коллекция».

— Мне нужно обновить пару футболок.

Я посмотрела на ценники через стекло. Потом снова на магазин. Потом опять на ценники.

— Можем зайти. Но там, наверное, невероятно дорого.

— Да брось.

Он уже поднимался со своего места.

— Я же не предлагаю тебе купить половину магазина. Может, и тебе что-нибудь подберем.

Он потянул меня за руку.

Для него это был обычный магазин. Хороший. Качественный. Но обычный. Не люкс. Не что-то недостижимое.

Для меня все выглядело иначе. Каждый раз, когда я видела цену за одну футболку, мой мозг автоматически пересчитывал ее во что-то другое. В продукты. В коммунальные платежи. В целую неделю жизни. В несколько вещей вместо одной.

Я знаю, что могу себе это позволить.

Знаю.

Но внутри существовала другая версия меня. Маленькая. Худая. Испуганная. Та, которая помнила совсем другую жизнь. Жизнь, где мама работала до поздней ночи. Где мы считали деньги до зарплаты. Где хлеб не был чем-то само собой разумеющимся.

Иногда я думаю, что хуже бедности не отсутствие денег.

Хуже память о ней. Она остается даже тогда, когда сами деньги уже появились.

Я до сих пор помню одну из маминых похлебок. Она варила ее из того, что удавалось найти дома. Из костей. Картошки. Лука. И какой-то затхлой крупы.

Из всего сразу и ни из чего одновременно.

Получалось что-то серое. Жирное. С непонятным запахом.

Я помню, как сидела над тарелкой и заставляла себя есть. Помню этот вкус.

До сих пор.

Стоит только вспомнить — и к горлу подкатывает тошнота.

Но тогда это был не вопрос вкуса. Это был вопрос выживания. Мы ели то, что было. Потому что другого варианта просто не существовало.

Адам знает об этом. Не все. Но достаточно.

Наверное, поэтому он никогда не злится, когда я часами выбираю между двумя одинаковыми футболками. Никогда не смеется над моей привычкой смотреть на ценники раньше, чем на вещи. Никогда не говорит: «Просто купи».

Он понимает.

Понимает, что для него это выбор одежды. А для меня иногда — борьба с прошлым. Понимает, что часть меня до сих пор живет в квартире, где мы ждали зарплату и надеялись, что продуктов хватит еще хотя бы на пару дней.

Поэтому он просто берет меня за руку. И терпеливо тянет вперед. Адам всегда пытается показать, что сейчас все иначе. Что сейчас не нужно выбирать между необходимым и желанным.

Что сейчас можно не выживать.

А просто жить.

Увидев выражение моего лица, которое наверняка напоминало карикатуру какого-нибудь уличного художника, Адам благоразумно решил не настаивать на покупках.

В свое оправдание скажу, что мне действительно ничего не понравилось. И даже если бы цены внезапно уменьшились раз в десять, я бы все равно ушла с пустыми руками.

Ты просто патологическая врунья, Кэт.

С каждым часом наши руки все больше заполнялись пакетами.

Пакетами.

Пакетами.

И еще пакетами.

Не знаю почему, но это всегда приносило мне какое-то странное удовлетворение. Когда видишь результат потраченного времени.

Когда можешь посмотреть на разноцветные пакеты и сказать: «Да. Шопинг удался».

На душе сразу становится легче.

Мы как раз проходили через центральный вестибюль, когда заметили скопление людей. Очень много людей.

Толпа растекалась по этажам словно живая река. До нас доносился шум голосов. Смех. Музыка. Какие-то выкрики.

Любопытство победило мгновенно. Даже не обсуждая это, мы направились туда.

Удивительно, как во мне уживаются любопытство и трусость.

Я и сама не заметила, как оказалась внутри толпы.

Музыка грохотала так громко, что вибрация ощущалась где-то в грудной клетке. На сцене выступали какие-то артисты. Люди прыгали. Танцевали. Снимали видео. Кричали друг другу что-то прямо в ухо.

Все вокруг двигалось. Слишком быстро. Слишком громко. Слишком близко.

Я уже собиралась предложить Адаму уйти отсюда, когда кто-то с силой врезался мне в плечо.

Наши руки расцепились и я резко обернулась. Адама не было. Точнее, он был где-то там. Среди сотен людей. Но я больше его не видела.

— Адам?

Ответа не последовало.

Я попыталась протиснуться вперед. Потом еще раз. Безрезультатно.

Людской поток постоянно отбрасывал меня обратно.

Ладно. Главный вход.

Я просто пойду к выходу, позвоню ему, и мы встретимся там.

Отличный план, Кэт.

Наверняка Адам подумал о том же.

Я развернулась. И в этот же момент сверху хлынула ледяная вода. Одновременно с этим торговый центр пронзил оглушительный вой сирены.

На долю секунды наступила тишина.

Пожар. Эта мысль появилась раньше, чем я успела ее осознать. А потом кто-то закричал. И мир словно сломался.

Еще секунду назад толпа танцевала. Теперь она бежала. Люди рванули в разные стороны одновременно. Кто-то толкал вперед. Кто-то пытался развернуться назад. Кто-то плакал. Кто-то кричал. Все смешалось в один огромный живой клубок.

— Адам!

Мой голос мгновенно растворился в шуме.

— Адам!

Я чувствовала запах дыма. Слабый, но настоящий.

Это пугало сильнее всего. Потому что означало — опасность существует не только в моей голове.

Я достала телефон. Нужно просто позвонить ему. Услышать его голос. Убедиться, что он жив.

Но в этот момент кто-то сильно толкнул меня в спину. Телефон выскользнул из рук.

Упал.

Экран вспыхнул где-то впереди среди десятков ног.

Нет.

Нет.

Только не сейчас.

Я остановилась всего на секунду. Потянулась за ним. И потеряла равновесие. Пол ударил меня неожиданно быстро.

Я успела выставить руку. Послышался хрустящий щелчок боли, от которого потемнело в глазах. Мне показалось, что руку вывернули под каким-то невозможным углом.

Воздух вылетел из легких. Но подняться я уже не успела.

Толпа продолжала двигаться. Никто не заметил моего падения. Для них я была просто препятствием. Чем-то, через что нужно переступить по пути к выходу.

Первый удар пришелся по плечу. Потом кто-то наступил на ногу. Еще один человек споткнулся об меня. Чужая подошва впечаталась куда-то в ребра. Боль вспыхивала сразу в нескольких местах.

Я пыталась закрыть голову руками. Свернуться. Я хотела стать меньше. Но людей было слишком много.

Меня бросало по полу, словно тряпичную куклу. Я кричу.

Пытаюсь.

По крайней мере мне казалось, что я кричу. Потому что собственного голоса уже не слышала. В ушах стоял только рев толпы и вой сирены.

В какой-то момент что-то острое полоснуло по спине. настолько резко, что тело буквально выгнулось от боли.

Я почувствовала, как ткань футболки натягивается на коже.

А потом по спине начало растекаться что-то теплое.

Липкое.

Влажное.

Кажется, женщина на тонких шпильках только что про-
шла прямо по мне.

Я зажмурилась.

Меня трясет. От боли. От страха. И от понимания того,
что я не могу встать. Не могу выбраться. Не могу найти Ада-
ма.

Не могу ничего.

Всю жизнь я представляла катастрофы. Сотни. Тысячи.
Но когда одна из них действительно случилась, оказалось,
что внутри нет никакой подготовки.

Только ужас. Первобытный. Животный. Огромный.

Где-то впереди что-то блеснуло.

Телефон. Мой телефон.

Я протянула к нему руку. Из последних сил. Совсем
немного.

Еще чуть-чуть.

*Запомните! Если вы упали в толпе — не поднимайте го-
лову. Закройте ее руками. Свернитесь. Защитите шею.*

Я подняла голову. И последнее, что увидела — несущихся
прямо на меня людей.

А потом наступила темнота.

Глава 9

Темнота оказалась такой удивительно приятной. Мягкой. Теплой. Безопасной. Как пуховое одеяло у бабушки в детстве.

В ней не было боли. Не было сирен. Не было людей. Не было мыслей.

В моей голове царила абсолютная тишина. И, Господи, как же это было хорошо.

Я не чувствовала собственного тела и времени.

Не чувствовала вообще ничего.

Может быть, прошла минута. Может быть, несколько часов. А может быть, целая вечность.

Мне было все равно. Я не хотела возвращаться. Но что-то настойчиво тянуло меня обратно.

Сначала появилась боль. Слабая. Далекая.

Потом еще одна.

И еще.

С каждой секундой они становились сильнее. Будто кто-то медленно собирал меня по кусочкам. Возвращал обратно в тело, в котором мне совершенно не хотелось находиться.

И делал это ужасно не профессионально.

Пик. Пик. Пик.

До меня донесся какой-то раздражающий звук.

Пик. Пик. Пик.

Я попыталась открыть глаза. Получилось не сразу. Веки словно налились свинцом. Мир передо мной расплывается цветными пятнами.

Белый. Серый. Какой-то голубоватый свет. Тени. Чьи-то силуэты. Голова раскалывается.

Левую руку неприятно тянуло. Словно к ней что-то прицепили.

Я моргнула несколько раз. Картинка начала собираться воедино.

Больница. Конечно больница. А где еще мне быть?

— Кэт?

Голос донесся словно через толщу воды.

— Кэт, ты проснулась?!

Знакомый голос. Очень знакомый.

Я нахмурилась.

— Энни?..

Собственный голос прозвучал хрипло и жалко. Будто я неделю курила по пачке сигарет в день.

Как будто ты не куришь, Кэт..

— Кэт, ты в больнице. Тебя привезли после пожара в торговом центре.

Голос Энни дрогнул.

— Господи, какое счастье, что ты очнулась.

Очнулась. Забавно.

Все вокруг почему-то радовались этому факту гораздо сильнее меня. Потому что лично я сейчас чувствовала себя

так, словно по мне проехался грузовик. А потом для надежности еще раз сдал назад.

Мне было больно дышать. Больно двигаться. Больно существовать. А самое отвратительное заключалось в том, что во всем произошедшем я винила только себя.

Не пожар. Не толпу. Не обстоятельства. Себя.

Потому что расслабилась. Потому что перестала контролировать ситуацию. Потому что решила хотя бы один вечер пожить как нормальный человек.

Я ведь чувствовала. Чувствовала, что что-то произойдет. Что меня ждет очередная катастрофа. Что нельзя расслабляться. Нельзя терять бдительность. Нельзя отпускать контроль.

И вот результат.

Хотя с другой стороны, может быть...

Я не сумасшедшая? Может быть, со мной действительно что-то не так, но не сумасшедшая.

Потому что опасность существует. Потому что ужасные вещи действительно происходят. И, черт возьми, сегодняшний день это доказал.

— Где Адам?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела подумать.

В груди мгновенно стало холодно.

Я была не одна. Господи. Я была там не одна.

— Я здесь, любимая.

Голос раздался совсем рядом. Я повернула голову. Каж-

дое движение отдавалось болью.

Адам сидел возле кровати. Уставший. Бледный. С красными глазами. Слишком красными. Будто он давно не спал.

— Со мной все хорошо.

Он сразу понял, о чем я спрашиваю без слов.

— Я потерял тебя в толпе. Когда началась эвакуация, меня вынесло к выходу.

Он сделал паузу.

— А потом начался настоящий хаос.

Что-то в его голосе мне не понравилось. Он говорил спокойно. Слишком спокойно. Так обычно говорят люди, которые изо всех сил пытаются не сорваться.

Я перевела взгляд на Энни.

И только сейчас поняла, что она, блядь, здесь! Была здесь, рядом со мной.

Не на экране телефона. Не за тысячи километров. Не в виде голосового сообщения. Наяву и настоящая.

Я посмотрела на нее, продолжая задавать вопросы без слов.

— Я прилетела сразу, как только узнала, что ты в больнице.

Энни улыбнулась. Но глаза у нее были заплаканные. Из-за этого мне стало тяжело дышать.

Они оба выглядели так, будто пережили этот день вместе со мной.

— Я не сумасшедшая.

Ой. Вот дерьмо.

Кажется, последнюю мысль я произнесла вслух.

Адам и Энни одновременно посмотрели на меня. Причем с абсолютно одинаковыми выражениями лиц. Именно такими обычно смотрят на человека, который только что заявил, что его похитили инопланетяне.

— Детка...

— Кэт...

Они заговорили одновременно.

— Конечно, ты не сумасшедшая, — осторожно сказал Адам.

— Ты уверена, что нормально себя чувствуешь? — спросила Энни.

Вот же бяда.

— Я просто о том, что чувствовала это.

Я нахмурилась.

— Чувствовала, что случится что-то плохое. И оно *случилось*.

Энни тяжело выдохнула.

— Кэт.

Ее голос снова стал твердым.

— Это был несчастный случай.

— Но...

— Нет.

Она перебила меня.

— Вы просто оказались не в том месте и не в то время.

Такое происходит. Это нельзя предугадать. Нельзя контролировать. Нельзя предотвратить.

— Любимая, Энни права, — тихо добавил Адам.

— Ты очень впечатлительная. Но это не делает тебя сумасшедшей.

Я посмотрела сначала на него. Потом на Энни. Потом снова на него. Они мне совершенно не верят. Вообще ни капли.

Просто замечательно. Так держать.

Теперь я еще и единственный человек в этой палате, который понимает, что был прав.

Глава 10

У меня не было ни сил, ни желания спорить. Доказывать что-то. Объяснять. Я просто знала, что права. Пусть не верят.

Мне сейчас, что надо сделать?

Наш молчаливый спор продолжался до тех пор, пока в палату не вошла медсестра. Она молча подошла ко мне, резким движением вытащила иглу из вены и тут же прижала к месту укола кусок ваты.

Недостаточно быстро.

На белоснежной простыне почти сразу расплылось темно-красное пятно.

— Ау.

Я поморщилась.

Медсестра даже не подняла на меня взгляд. Поправила что-то в карте и вышла.

Очень милая женщина.

Хотя кого я обманываю. Наверное, таких как я у нее за смену десятки. Сотни. На всех сочувствия не напасешься.

К счастью, врачи обещали выписать меня уже через пару дней. Не придется долго торчать здесь. И это хорошо.

Наверное.

Хотя...

Мне нравится болеть.

Господи, как ужасно это звучит.

Но это правда. Мне нравится, когда вокруг начинают суетиться. Спрашивать, как я себя чувствую. Приносить воду. Поправлять одеяло. Переживать. В такие моменты я чувствую себя нужной. Любимой. Особенной.

Будто в обычной жизни этого ощущения не хватает.

Или я этого просто не чувствую? Или не хочу чувствовать? Любить должны по какой-то определенной причине, да? Ну меня точно.

Но одновременно с этим мне становилось стыдно. Потому что стоило посмотреть на Адама или Энни, как чувство собственной важности моментально сменялось виной.

Они выглядели измученными. Испуганными. Словно эти несколько дней дались им не легче, чем мне.

И я опять не понимала, что должна чувствовать.

Радость?

Стыд?

Благодарность?

Вину?

— Я останусь с вами на пару дней.

Голос Энни выдернул меня из мыслей.

— У меня небольшой отпуск. Так что наконец побудем вместе.

Я невольно улыбнулась. А потом мне захотелось сказать: «Надо было раньше попасть в больницу, чтобы ты приехала». И да, в моей голове это звучало как шутка. Но я пре-

красно знала, что на самом деле это упрек. И довольно мерзкий. Поэтому я промолчала. Как раз вовремя!

У Адама зазвонил телефон. Он посмотрел на экран. И почти сразу поднялся.

— Я сейчас вернусь.

Дверь закрылась за ним. И вместе с ней из палаты словно ушло что-то важное для меня и моего спокойствия. Разочарование накрыло меня мгновенно. Снова. Как и каждый раз в последнее время.

Я даже не заметила, что смотрю на дверь. Пока не поймала вопросительный взгляд Энни.

— Кэт?

Я перевела взгляд на нее.

— У вас с Адамом что-то случилось?

Я тяжело выдохнула.

— Не знаю.

— Это не ответ.

— Потому что я правда не знаю.

Несколько секунд я молчала. Потом все-таки сдалась.

— Он странно себя ведет.

— В каком смысле?

— Ему постоянно кто-то звонит. Пишет. Он уходит разговаривать отдельно. После разговоров выглядит напряженным. Иногда даже испуганным.

Я потеряла лоб.

— Раньше такого не было. Ты же знаешь Адама. Он бол-

тает без остановки. Рассказывает все подряд. Даже то, что лучше было бы оставить при себе.

Энни задумалась.

— Я не собираюсь говорить, что ты накручиваешь себя. Хотя ты это умеешь.

Я закатила глаза.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Она усмехнулась. Потом вдруг стала серьезной.

— Но если честно... Я тоже заметила.

Мое сердце неприятно кольнуло.

— Что заметила?

— Что он что-то скрывает.

В палате повисла тишина.

— Проверяла телефон?

Я отвела взгляд. До недавнего времени вопрос звучал бы абсурдно. Мы доверяли друг другу. Могли брать телефоны друг друга когда угодно. Знали пароли. Никогда ничего не прятали. Иногда мне даже было скучно от отсутствия поводов для ревности. Хотя Адам умудрялся звучать как флиртующая сволочь даже когда спрашивал у кассира пакет.

— Проверяла.

Энни удивленно подняла брови.

— И?

— Ничего.

— Совсем?

— Почти. В переписках только время. Места встреч. Иногда время звонка. Все номера неизвестные.

— Странно.

— Очень.

Энни нахмурилась.

— Надеюсь, он никуда не вляпался.

Я тяжело вздохнула.

— Я тоже. Но если честно, я уже ни в чем не уверена.

Несколько секунд мы молчали. Потом я вспомнила, что Энни и сама забыла мне рассказать подробности своих интрижек.

— Кстати.

Я посмотрела на нее.

— Что там с Люком? Расскажешь?

Энни опустила взгляд. Потом улыбнулась. Очень нехорошей улыбкой. Так улыбаются люди, которым больно.

— Мы расстались.

У меня внутри все оборвалось.

— Что?

— Он изменил мне, Кэт.

Несколько секунд я просто смотрела на нее.

Не понимая. Не принимая. Не веря.

А потом меня накрыла такая волна злости, что даже записали датчики рядом с кроватью.

— Конченный идиот.

— Это мягкая формулировка.

— Я серьезно. Я его уничтожу.

— Очень мило с твоей стороны.

— Я наведу на него порчу.

— Еще лучше.

Несмотря на шутки, глаза Энни оставались пустыми.

— Помнишь, я говорила про кризис?

Я кивнула.

— У нас начались постоянные ссоры. В основном из-за секса. Он хотел близости тогда, когда я не могла даже смотреть на него без раздражения.

Она усмехнулась. Горько.

— Трудно наслаждаться отношениями, когда ты не понимаешь, остались ли они вообще.

— И что было дальше?

Энни отвела взгляд к окну.

— После одной из ссор я уехала к маме. На пару дней. Мне нужно было остыть. Собраться с мыслями.

Она сглотнула.

— А когда вернулась домой...

Я уже знала ответ. Но все равно боялась услышать его.

— Увидела его с другой женщиной.

В палате стало тихо. Очень тихо.

— Он хотя бы раскаялся?

Энни коротко рассмеялась. Без капли веселья.

— Сначала испугался. Потом сказал, что это его биологическая потребность. И что я сама виновата, потому что не

смогла ее удовлетворить.

У меня буквально потемнело в глазах.

— Вот же ублюдок.

— Да.

— Конченный ублюдок.

— Да.

— Максимально конченный ублюдок.

Энни впервые за весь разговор искренне улыбнулась. Я протянула к ней здоровую руку.

— Энни...

— Мм?

— Ты как вообще?

Улыбка снова дрогнула.

— Не знаю.

И это был самый честный ответ из всех возможных.

— Где ты сейчас живешь?

— Пока у мамы.

Я сжала ее пальцы. Пока я лежала здесь и пыталась разобраться со своей жизнью...

Жизнь Энни успела развалиться на части.

Вот знаете, сначала ты думаешь, что катастрофы преследуют только тебя. Потом замечаешь, что неприятности случаются и у других людей. Потом открываешь ленту новостей и понимаешь, что в глобальном масштабе у страны, да и вообще у всего мира, тоже какие-то проблемы.

Я не знаю, может, это просто такой период? Ну знаете, как

говорят: чтобы оттолкнуться, сначала нужно достичь дна. Так вот, мне кажется, мы сейчас дружно спускаемся на это самое дно. Только вот не факт, что каждый найдет в себе силы оттолкнуться обратно. Я, например, не найду.

Мне кажется, одна из катастроф однажды просто добьет меня.

— Энни, тебе не кажется, что в мире какой-то кризис? — сама не заметила, как снова провалилась в собственные мысли. — У всех что-то происходит. И я сильно сомневаюсь, что что-то хорошее.

Энни тяжело вздохнула и почти закатила глаза.

— Кэт, это просто жизнь. Понимаешь? Неужели ты правда ждешь, что однажды у всех людей во всем мире одновременно станет хорошо?

— Вообще-то да, — честно ответила я. — Мне бы очень этого хотелось.

— Серьезно?

Я заметила, как она пытается сдержать улыбку. Получалось плохо.

— А что? Надо надеяться на лучшее и все такое.

— Это мне говорит человек, который не может прожить и дня без очередной воображаемой катастрофы?

На этот раз Энни не выдержала и рассмеялась. В данный момент она меня бесит, но хотя бы несколько секунд она думала не о Люке.

Не о предательстве.

Не о своей разрушенной жизни.

Но мне все равно не нравилось, что меня снова не воспринимают всерьез.

Хотя, если смотреть объективно, сейчас я и правда выгляжу довольно абсурдно.

Я буквально лежу в больничной палате после одной из тех самых катастроф, которых боялась всю жизнь.

Самое смешное, что именно это почему-то не убеждает никого вокруг.

Ни Адама.

Ни Энни.

Ни врачей.

Никого.

А мне просто хочется, чтобы вся эта долбаная хрень наконец закончилась. Хочется проснуться однажды утром и не ждать беды. Не искать подвох. Не просчитывать последствия. Не держать мир за горло, лишь бы он не развалился на куски.

Мне очень хочется узнать, как выглядит внутреннее спокойствие. Для начала Адаму стоило бы перестать скрывать от меня своих демонов. А Энни — срочно найти какого-нибудь сочного мужика и хорошенько потрахаться.

Зная Энни, она сейчас бросит в меня подушкой за такой совет. Но я ее все равно люблю.

Глава 11

Оказывается, выписка из больницы совсем не похожа на сцены из фильмов. Никто не встречает тебя с воздушными шарами. Никто не включает торжественную музыку.

Никто не кричит: «Поздравляем! Вы выжили!» Тебе просто отдают документы и говорят быть осторожнее. Будто ты специально решила устроить себе небольшое приключение в виде пожара и массовой паники.

Каждый шаг до машины отдавался тупой болью где-то между ребрами и лопаткой. Я старалась не показывать этого.

Хотя кого я обманываю? По моему лицу было прекрасно видно, что мне больно.

Адам помог мне устроиться на пассажирском сиденье. Энни забралась назад.

Так странно, но мне было спокойно. Может потому что мы были вместе. Может потому что после больницы даже поездка в машине казалась достижением. А может потому что мой организм наконец устал бояться или я все же долбанулась головой?

Дорога домой прошла на удивление тихо. Даже как-то слишком тихо. Раньше я бы обязательно отвлекала Адама разговорами. Следила бы за дорогой. Вздрагивала от каждого перестроения. Но сейчас мне не хватало сил даже на тревогу.

Я просто смотрела в окно. На прохожих. На машины. На людей, которые жили свою обычную жизнь и даже не подозревали, что несколько дней назад мой мир чуть не закончился.

Забавно.

Для кого-то это был обычный вторник. Для меня — день, когда мои кошмары наконец стали реальностью.

Когда мы поднялись в квартиру, я первым делом рухнула на диван. И поняла, что больше никуда не пойду. Никогда.

Ну хорошо. По крайней мере до завтра.

Энни рассмеялась.

— Господи, Кэт, ты выглядишь так, будто тебя переехал грузовик.

— Не будто.

Я повернулась на бок и поморщилась от боли.

— Меня буквально переехала толпа людей.

— Справедливо.

Адам ушел на кухню. Кажется, ставить чай. Или искать еду. Или просто сбегать от двух женщин одновременно. Я бы его не осуждала.

Несколько минут мы с Энни молчали и тупо пялились друг на друга. Просто наслаждались тем, что можем находиться рядом. Без звонков. Без видеосвязи. Без тысяч километров между нами.

Я уже почти задремала, когда услышала голос Энни. Тихий. Непривычно осторожный.

— Я скучала по тебе.

Я повернула голову. Энни смотрела куда-то в пол. Будто призналась в чем-то постыдном. И от этого у меня болезненно сжалось сердце, почки, желудок, вообще все внутри.

— Я тоже скучала.

Она улыбнулась. Слабо. Устало. Совсем не так, как раньше. Что-то в ней сломалось. Я вижу, насколько сильно она изменилась за последние недели.

Не внешне. Внутри.

Словно кто-то потушил часть ее света.

Это заставляет перестать думать о своих проблемах, где большая часть вообще не существует и подумать о ней. Потому что пока я пыталась спасти мир от очередной воображаемой катастрофы, жизнь Энни успела развалиться на куски.

Мне очень хочется понять, насколько больно ей было собирать себя заново. Собрала ли она себя?

— Эй, Энни? Ты в порядке?

Меня тревожит её состояние. Его почти никто никогда не замечает. Энни прекрасно носит свою маску. Настолько хорошо, что иногда мне кажется, будто её окружение состоит либо из идиотов, либо из людей, которым просто всё равно.

Лично я чувствую и вижу её насквозь.

— Да будешь тут в порядке, — она пожимает плечами. — Когда всё вот так сразу наваливается. Но я знаю, что это временно. Нужно просто пережить.

Вот это её фирменное «нужно просто пережить» сопровождает меня ещё со школы. Именно этой фразой она успокаивала меня перед экзаменами. Перед важными мероприятиями. После очередного маминого представления.

Однако я ей верила. Настолько, что иногда даже не готовилась к экзаменам.

Ну а зачем? Если Энни сказала, что всё будет хорошо, значит, так и будет.

Кое-как мы проходили первые серьёзные испытания в своей жизни.

Хотя нет. Кое-как проходила я.

Энни проходила их блестяще. Потому что эта сучка всегда училась на отлично. Мне кажется, Энни вообще не умеет жить без учёбы. Иначе как объяснить её желание получить второе высшее образование?

Когда у тебя, Кэт, в биографии целых три месяца университета. Три. Рекорд достойный книги рекордов.

Хотя я не жалуясь. Я взяла от студенческой жизни всё самое интересное. Тусовки. Секс. Чужие разбитые сердца.

Энни тоже проходила через этот этап. Жаль только, что не вместе со мной. Но в отличие от меня она потом не остановилась. Работа. Учёба. Курсы. Новые проекты. Будто она постоянно куда-то бежала.

Вот же блядь.

Она снова занимается самоуничтожением. Не так, как я. По-своему. Но результат получается одинаково паршивым.

— Энни? А Расскажи мне, пожалуйста, как ты сейчас питаешься?

Она подозрительно щурится.

— В смысле?

— Когда ты последний раз ела пиццу? Или картошку фри?

— Эм... пару месяцев назад, наверное. А что?

Ага. Попалась.

Я складываю руки на груди.

— Дорогая моя, я правильно понимаю, что ты сейчас живёшь на кофеине и силе воли?

— Кэт...

— Сколько кружек кофе в день?

— Не знаю.

— Больше пяти?

— Возможно.

— А еда?

— Я ем.

— Что именно?

Энни тяжело вздыхает. Точно так же тяжело вздыхает преступник, которого поймали с поличным.

— Ты заметила, что я похудела?

Она пытается улыбнуться. Получается ужасно.

Так я и знала.

Когда в жизни Энни начинается полный пиздец — будь то учёба, работа или очередной мужчина, решивший испытать

её нервную систему на прочность, — она заболевает трудоголизмом. Это её способ убежать от боли. Загрузить себя настолько сильно, чтобы на переживания просто не осталось времени.

Энни работает. Учится. Почти не спит. Почти не ест. А потом закономерно сваливается с какой-нибудь простудой или температурой под сорок. Я её ругаю. Она обещает исправиться. Мы обе врем друг другу. Потом всё повторяется заново. Классика.

Но я до сих пор удивлена, что сейчас она сидит рядом со мной. Не закрылась. Не сбежала в работу. Не спряталась за своими бесконечными делами. Потому что обычно в моменты, когда ей больно, Энни исчезает первой.

— Энни, у тебя не получится сейчас выключить телефон и сделать вид, что ничего не происходит только потому, что ты не хочешь травмировать меня своей трагедией. Я переживаю.

Я правда переживаю. Я не могу бесконечно радоваться тому, что катастрофа всё-таки случилась и тем самым подтвердила мою вменяемость и потрясающую интуицию. Энни для меня семья. А её проблемы всегда ощущаются как мои собственные.

Я не понимаю, почему она так убивается по этому конечному идиоту. Сама ведь говорила, что эти отношения её душат. Что она устала. Что хочет уйти.

Возможно, я никогда этого не пойму, потому что мне не

изменяли.

Бог? Я благодарна за весь жизненный опыт, который ты мне подкидываешь. Но этот урок можешь оставить себе.

Да и вообще...

Можно ли считать это изменой, если между вами всё давно закончилось, а остались только пустые формальности?

— Кэт... — Энни устало потерла глаза. — Я тоже задавала себе этот вопрос.

Она некоторое время смотрела в окно. Небо становилось всё темнее. Тяжёлые облака медленно затягивали горизонт.

Кажется, собиралась гроза.

— Я пыталась понять, почему мне так больно, если всё давно умерло. — Она горько усмехнулась. — И знаешь что? Мне кажется, дело вообще не в любви.

Я молча слушала.

— Просто... вчера этот человек говорил, что любит меня. Говорил, что хочет провести со мной всю жизнь. Говорил, что мы всё переживём.

Она сглотнула.

— А сегодня он уже спит с другой женщиной.

В квартире стало как-то особенно тихо. Даже холодильник перестал гудеть. Или мне просто показалось.

— Это заставляет задуматься, были ли правдой все предыдущие слова.

Я увидела, как её пальцы нервно сжимают край пледа.

— Понимаешь? Если он так легко смог заменить меня за

один день... то что тогда вообще было настоящим?

Вот оно! Не измена. Не секс. Не другая женщина.

Предательство.

Осознание того, что человек, которому ты доверяла, оказался совсем не тем, кем казался.

— И я совру, если скажу, что не привязалась к нему, — её голос стал совсем тихим. — Я отдала ему все свои первые разы. Первый поцелуй. Первый секс. Первую совместную квартиру. Первые серьёзные планы на будущее.

Она невесело усмехнулась.

— Звучит ужасно глупо, да?

— Нет.

— А мне кажется, что да.

Мрачность разговора только подчёркивала погода за окном. Серая квартира. Серое небо. Серый день. Будто весь мир решил поддержать её настроение.

Я не знала, что сказать. Правда не знала. Никакие мои саркастические шутки сюда не подходили. Никакие советы тоже. Я никогда не была на её месте. И мне оставалось только смотреть на неё с этой бесполезной жалостью, которая никому ещё не помогала.

— Девочки, я ненадолго отойду, — голос Адама неожиданно выдернул меня из мыслей. Он уже стоял в коридоре, натягивая куртку.

Сейчас мне было совершенно не до его странностей. Не до неизвестных звонков. Не до загадочных встреч. Я нужна

Энни.

Дверь закрылась. Мы снова остались вдвоём.

— Детка... — наконец произнесла я. — Ты достойна большего.

Господи. Какая же это тупая фраза, Кэт. Ты меня поражаешь.

Настолько шаблонная, что меня саму чуть не стошнило. Но Энни почему-то улыбнулась. По-настоящему. Совсем немного.

— Спасибо.

После чего решительно хлопнула ладонями по коленям.

— Так. Хватит страдать.

— Согласна.

— Предлагаю объесться до полусмерти какой-нибудь вредной дрянью.

— Вот это уже разговор.

— Пицца?

— Да.

— Картошка фри?

— Обязательно.

— Молочные коктейли?

— Энни, я тебя умоляю, не задавай вопросы, ответы на которые очевидны.

Она впервые за весь вечер тихо рассмеялась. Я еще раз убедилась в том, что совершенно не умею копать в чужих головах.

Энни всегда справлялась с этим гораздо лучше меня.

Зато я умею быть рядом.

Психотерапевты наверняка меня осудят, но поедание фастфуда без чувства меры — самая приятная терапия на свете.

Шопинг еще недавно занимал почетное первое место в списке моих способов справляться с жизнью, но после торгового центра я пока даже думать о нем не хочу.

Спасибо, хватит приключений.

Весь оставшийся вечер мы с Энни усердно трудились над будущим наших задниц, потому что количество съеденных калорий уже давно вышло за пределы разумного.

На журнальном столике громоздились пустые коробки из-под пиццы, смятые упаковки от картошки фри, несколько соусов и стаканы из-под молочных коктейлей. Но мне казалось, что если сейчас начать считать калории, то организм воспримет это как личное оскорбление.

Ты даже два плюс два без калькулятора не посчитаешь, Кэт. Какие нахрен калории?

Мне безумно не хватало таких вечеров рядом с Энни. Когда она находится рядом, внутри становится тихо. Будто кто-то убавляет громкость всех тревожных мыслей сразу.

Было бы еще спокойнее, если бы её жизнь прямо сейчас не напоминала горящую помойку. Хотя, если быть честной, моя тоже. И я вполне могу являться одной из причин её головной боли.

После проливного дождя квартира наполнилась теплым оранжевым светом. Солнце уже почти скрылось за домами, но последние лучи всё еще цеплялись за подоконник, окрашивая стены в медовый цвет. Мокрый асфальт за окном блестел так, будто кто-то покрыл его лаком. Капли воды всё ещё стекали по стеклу тонкими дорожками. Гроза ушла дальше, оставив после себя свежий запах мокрой земли и летней прохлады.

На телевизоре шел фильм, который мы смотрели примерно миллион раз. Наверное, даже больше. Я уже могла наизусть цитировать половину диалогов. Но фильм был нужен не для просмотра. Он был нужен для атмосферы. Для ощущения нормальности. Для ощущения дома.

Я тяжело плюхнулась на кровать и тут же поморщилась. Ребра всё ещё напоминали о себе тупой болью.

Тот бургер определенно был лишним. Хотя если бы мне предложили повторить, я бы повторила.

Энни рухнула рядом со мной.

Матрас жалобно скрипнул.

Несколько секунд мы просто лежали и смотрели в потолок. Без разговоров. Без тревожных мыслей. Без необходимости кого-то спасать.

Наверное, именно так и выглядит счастье. Маленькое. Очень временное. Но настоящее.

— Что-то Адама долго нет?

Не то чтобы мне было всё равно, где он сейчас. Просто

весь вечер я сознательно избегала мыслей о нём.

Точнее, избегала тех самых мыслей. Ядовитых. И навязчивых. Тех, что жужжат где-то внутри головы, пока не сведут тебя с ума. Кажется, мои внутренние осы наконец уснули.

Может, это обезболивающее так на них действует.

Или впервые за долгое время мне просто хорошо.

— Пожалуй, это уже стало для него привычным поведением, — пожимаю плечами я.

Получается слишком небрежно. Слишком наигранно. Будто мне действительно всё равно. Но внутри уже что-то неприятно шевельнулось. Маленькое. Колющее.

Я быстро тянусь за картошкой фри. Просто чтобы занять руки. Просто чтобы отвлечься. Просто чтобы не дать Энни увидеть, как начинает просыпаться тревога.

— Он так ничего и не рассказал?

Конечно.

Она всё заметила.

Энни всегда замечает.

Именно поэтому я не хочу, чтобы она сейчас копалась в моей голове. Там слишком много мусора. И слишком мало ответов.

— Нет... — тихо отвечаю я. — Но я так устала, Энни.

Я смотрю на золотистую картошку в своей руке так, будто она сейчас способна решить все мои проблемы.

Спойлер: не способна.

— Давай не будем сегодня в этом копать. Хотя бы один

вечер. Хотя бы несколько часов. Без катастроф. Просто я, ты и огромный риск умереть от переедания.

— Ладно, — усмехнулась Энни. — Но только потому, что сейчас ты выглядишь как человек, который готов подраться за последнюю картошку.

— Не готов.

Я демонстративно сунула её в рот.

— Я уже дерусь.

Я вижу, как у Энни разыгралось любопытство. Последние полчаса она буквально требует, чтобы я позвонила Адаму. Будто они любовники.

Не надо так думать, Кэт. Умоляю.

Я прекрасно понимаю, что мои проблемы для неё сейчас такой же способ сбежать от собственных мыслей, как её проблемы для меня. Мы обе этим пользуемся. Но она не понимает, что звонки, сообщения и допросы — это бессмысленно.

Если бы Адам хотел рассказать правду, он бы уже рассказал. А если не хочет — никакие вопросы его не заставят.

Эта женщина, кажется, пришла к такому же выводу и решила перейти к физическому воздействию.

— Ну хотя бы смсочку отправь ему, — она тянется к моему телефону. — Интересно же.

В её глазах столько азарта, что я невольно начинаю смеяться. Она похожа на ребёнка, которому показали фокус, но отказались раскрывать секрет.

— Нет.

Я пытаюсь выглядеть строгой. Получается нелепо. Настолько отвратительно, что мы обе начинаем хохотать.

— Кэт!

— Энни!

— Одну смсочку!

— Нет!

— Маленькую!

— Нет!

Она всё-таки выхватывает телефон. Я тут же бросаюсь за ней. Боль в рёбрах напоминает о себе настолько резко, что я шиплю сквозь зубы.

— Ауч! Всё, сдаюсь. Верни телефон.

— Победа!

— Ты чудовище.

— Зато я весёлое чудовище!

В этот момент входная дверь знакомо щёлкает. Мы обе мгновенно замираем.

— Я дома, — раздаётся голос Адама.

Он даже не заглядывает в комнату. Сразу проходит на кухню. Пакет в его руках тихо шуршит. Потом открывается холодильник. Звякает посуда.

Он что, избегает нас? Или меня? Я не успеваю развить эту мысль.

— Эй, Адам! — громко кричит Энни.

О нет.

Её азарт только усилился. Теперь перед ней не телефон. Теперь перед ней настоящий подозреваемый.

— Что тебе надо, Энн? — доносится с кухни.

Господи.

Если бы они родились в одном городе, я бы давно решила, что они родственники. Или любовники.

Не надо, Кэт. Серьёзно. Заткнись.

— Где ты был так долго? Мы тут чуть не умерли от передания!

Я тут же закрываю ей рот руками. Она только смеётся и пытается вырваться.

— Помогите! Меня душат!

— Я тебя убью.

— Видишь, Адам? Она агрессивная.

— Это потому что ты невыносима.

Из кухни доносится смех.

— Мне нужно было отойти по делам.

— По каким? — тут же спрашивает Энни.

— Ты такая заноза.

— Спасибо.

— Надо было встретиться кое с кем.

— С кем?

Я слышу, как открывается бутылка воды. Адам явно пытается делать вид, что разговор совершенно обычный.

— Какая тебе разница?

— Огромная.

— Почему?

— Потому что мне скучно.

Я утыкаюсь лицом в подушку. Пожалуйста. Пожалуйста, остановись. Но остановить Энни уже невозможно. Она чувствует кровь.

— Нам интересно, Адам! — театрально восклицает она.

— Вдруг ты попал в беду и тебе нужна помощь.

С кухни снова слышится смех. Я уверена, что сейчас он закатил глаза.

— Поверь мне, если бы я оказался в такой беде, где под угрозой жизни не смог доесть пиццу, вы бы узнали первыми, девочки.

Он снова уходит от ответа. Так красиво и легко, что становится почти обидно.

— Не лезь, Энни.

— Просто Кэт говорила, что ты стал часто куда-то пропадать.

Я замираю. Сердце пропускает удар. Потом ещё один.

Вот сучка. Вот же сучка.

Я медленно поворачиваю голову к Энни. Она уже хохочет, потому что прекрасно понимает, что только что сделала.

С кухни не доносится ни звука. Ни скрипа стула. Ни звона посуды. Ничего.

А потом:

— Кэт?

И повисает тишина. Та самая. Неприятная и тяжёлая. От

которой хочется срочно начать говорить хоть что-нибудь.

Я жестами показываю Энни, что её ждёт мучительная смерть. Она показывает мне язык.

Вот ведь дрянь.

Но, если честно... Хотя кто-то из нас всё-таки осмелился устроить Адаму допрос. Жаль только, что он снова ни к чему не привёл. Или привёл.

Просто я пока этого не понимала.

Не желая больше с нами контактировать, Адам надел наушники и сел за компьютер.

Раньше меня ужасно раздражали его бессмысленные игры перед монитором. Часами сидеть, уставившись в экран. Стрелять. Бегать. Собирать какой-то лут. Разговаривать с незнакомыми людьми через микрофон.

Но со временем я поняла, что для него это примерно то же самое, что для меня болтать с Энни. Способ выключить голову. Способ хотя бы ненадолго перестать думать о реальности. Хотя мои разговоры с Энни занимают гораздо больше времени. И куда больше нервов окружающих.

До самой ночи я мысленно насылала проклятия на Энни. Но в глубине души была ей благодарна. Совсем немного. Прямо капельку. Кто-то же должен был задать те вопросы, которые я сама боялась произнести вслух.

Мы немного пообсуждали её отвратительное поведение, а потом она ушла спать в свою комнату.

И мы с Адамом остались вдвоём. Вот тут мне резко рас-

хотелось быть благодарной. Потому что я совершенно не понимала, как теперь он будет вести себя.

Искренне надеялась, что он поступит как обычно. Сделает вид, что ничего не произошло. На серьёзные разговоры у меня не осталось ни сил, ни смелости.

Входная дверь комнаты тихо щёлкнула. Я услышала, как Энни пожелала нам спокойной ночи. Потом её шаги стихли в коридоре.

Тишина. Только вентиляторы компьютера гудели где-то в углу комнаты. И стрекотала клавиатура. Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Потом всё прекратилось. Я подняла взгляд. Адам снял наушники. Отодвинул кресло и встал.

У меня внутри всё неприятно сжалось. Он словно ждал момента, когда мы останемся одни. Конечно ждал.

Его шаги звучали слишком громко.

Слишком уверенно.

Слишком быстро.

Он остановился возле кровати.

— Какого хрена, Кэт?

Вот и всё. Не сделает он вид. Не сделает!

— Что?

Лучший способ избежать конфликта — вовремя притвориться тупым. Обычно работает. Сегодня нет.

— Кэт, скажи мне, какого хрена ты жалуешься Энни, что я куда-то пропадаю?

Вот же блядь. Неужели его это настолько задело?

Или дело в том, что вопрос действительно серьёзный? Я вдруг поняла, что никогда раньше не видела его настолько раздражённым. Не уставшим. Не недовольным. Не злым на ситуацию. А именно раздражённым мной.

Стало неприятно.

— Мы же договаривались, — продолжил он, не дожидаясь ответа. — Если есть проблема, мы обсуждаем её друг с другом. Разве нет?

— Двойные стандарты, Адам.

Я сказала это раньше, чем успела подумать. Его брови нахмурились.

— Не понял.

Он смотрел на меня сверху вниз. И дело было даже не в его росте. Хотя когда перед тобой стоит двухметровый мужчина, это тоже не помогает чувствовать себя уверенно. Просто сейчас в его взгляде не было привычного тепла. Это пугает.

— Ты действительно постоянно пропадаешь, — огрызнулась я. — И действительно ничего не объясняешь. Откуда мне знать, где ты и с кем? Может, у тебя вообще тайные свидания.

Я старалась говорить уверенно. Получалось плохо, как обычно. Под наигранной злостью уже начинал просыпаться не наигранный страх.

— Господи, Кэт.

Он провёл рукой по лицу. Устало. Будто этот разговор его

выматывал.

— Ты за последний год вообще хотя бы пытаешься себя услышать?

Я вздрогнула.

— Мы сейчас даже не будем говорить о том, сколько раз ты чуть не устроила аварию, когда хватала меня за руку во время вождения. Не будем говорить о том, что ты проверяешь мою геолокацию двадцать четыре часа в сутки.

Каждое его слово било сильнее, чем хотелось признать.

— Ты можешь в любой момент посмотреть, где я нахожусь. Можешь взять мой телефон. Можешь проверить что угодно. Я ничего такого от тебя не скрываю.

Он сделал паузу.

— И какая ещё любовница? Энни тебе это в голову вбила?

— Не приплетай сюда Энни.

Голос дрогнул. Мне не понравилось, что дрогнул.

— И мы оба знаем, что в твоём телефоне неизвестные номера и сообщения из двух слов. Время. Место. Встреча.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Впервые за весь разговор.

— Так где ты был, Адам?

Тишина. Такая тяжёлая, что стало трудно дышать.

Я видела, как напряглась его челюсть. Как дёрнулся кадык. Как он отвёл взгляд.

А потом...

Бах.

Кулак врезался в стену так резко, что я вскрикнула. Комната словно вздрогнула вместе со мной.

Сердце моментально провалилось куда-то в живот.

Глава 12

Я никогда не боялась Адама.

Никогда.

Но сейчас мне стало страшно. По-настоящему страшно. Слезы хлынули сами собой. Без предупреждения. Без разрешения. Без возможности остановиться.

Несколько секунд он просто стоял. Тяжело дышал. Смотрел куда-то мимо меня. А потом развернулся. Молча. Без единого слова. Вернулся к компьютеру. Надел наушники. Снова сел в кресло.

Клавиатура застрекотала почти сразу. Будто ничего не произошло. Будто он не ударил стену. Будто я не плачу. Будто мы только что не разбили друг об друга что-то очень важное.

Я подтянула колени к груди. Вытерла мокрые щеки рукавом. И посмотрела ему в спину.

Ты же этого хотела, Кэт?

Чтобы всё было как обычно.

Чтобы никто ни о чём не говорил.

Чтобы все делали вид, что проблем нет.

Вот. Получай.

Нужно ли мне объяснять, что я не смогла уснуть после этого ужасного разговора? У меня и без того проблемы со сном, а сейчас я просто не знаю, как выключить голову.

Я просто не понимаю, что мне делать.

Подойти и попросить прощения? Но тогда это будет означать, что я была не права, переживая за него.

Игнорировать ситуацию? Но тогда это будет означать, что мне всё равно.

А мне не всё равно.

Что мне сейчас думать? Что мне сейчас делать?

Правда в том, что если почистить голову от всякого мусора в виде мыслей о его изменах и прочего дерьма, я вижу, что Адаму морально очень тяжело. Он в последнее время плохо спит. *Тож же.*

В голове сражаются две крайности, и я не понимаю, какой из них мне доверять. Той, что нацепила на себя розовые очки, или той, что драматизирует.

Ответа не было.

За окном давно наступила глубокая ночь. Из соседнего дома напротив исчезли последние огни. Даже фонари во дворе будто светили ленивее обычного, размывая асфальт бледно-жёлтыми пятнами.

Я перевернулась на другой бок.

Потом ещё раз.

И ещё.

Безрезультатно.

Сон обходил меня стороной так же упорно, как налоговая богатых людей.

Из гостиной доносились приглушённые щелчки клавиша-

туры. Быстрые. Нервные. Иногда всё затихало на несколько секунд, а потом начиналось снова.

Я посмотрела на часы. Три часа семнадцать минут. Нормальные люди в это время спят. Даже тревожные люди вроде меня обычно хотя бы пытаются.

Я тяжело вздохнула и села на кровати. Спина всё ещё неприятно ныла после больницы. Рёбра тоже периодически напоминали о себе тупой тянущей болью, будто обижались за то, что по ним когда-то пробежалась целая толпа.

В квартире стояла тишина.

Та самая тишина, которая почему-то всегда звучит громче любого шума.

Я поднялась и осторожно выглянула в коридор. Из-под двери кабинета пробивалась полоска холодного белого света.

Он всё ещё не лёг.

Злость внутри постепенно начала уступать место чему-то другому.

Потому что сколько бы я ни пыталась убедить себя в том, что Адам что-то скрывает, выглядел он совсем не как человек, который весело проводит время на стороне. Он выглядел как человек, который разваливается на части.

Я тихо подошла ближе. Дверь была приоткрыта буквально на пару сантиметров.

Адам сидел за компьютером. Только на экране не было ни игр, ни фильмов. Какие-то таблицы, документы, цифры, почта.

Он снял очки и устало провёл ладонями по лицу.

Медленно.

Словно пытался стереть с себя этот день.

На столе стояли три пустые кружки из-под кофе.

Святое дерьмо. Я даже не помню, когда он успел столько выпить.

Телефон завибрировал. Тот самый. С неизвестными номерами. Сердце мгновенно подпрыгнуло к горлу.

Адам посмотрел на экран несколько секунд. Будто решал, отвечать или нет. Потом всё же провёл пальцем по дисплею.

— Да.

Тишина. Я слышала только его голос.

— Нет. Пока нет.

Пауза.

— Я сказал, что разберусь.

От его интонации по спине пробежал холодок. Он не звучал злым. Он звучал загнанным. Так говорят люди, которых уже прижали к стене.

— Нет. Не сейчас.

После этих слов он резко сбросил вызов. Телефон с глухим стуком лёг на стол. Адам опустил голову. И просто сидел неподвижно. Секунду. Другую. Третью. Словно забыл, как дышать.

Мне стало страшно за него.

Я хотела войти. Хотела подойти. Хотела сказать хоть что-нибудь. Даже простое «ты в порядке?» подошло бы. Но если

бы я действительно умела разговаривать с людьми о том, что чувствую, то большая часть моих проблем давно бы исчезла.

Поэтому я просто стояла в темноте коридора. Как трусливое привидение. Наблюдала за человеком, которого любила больше собственной жизни. Но совсем не понимала, что с ним происходит сейчас.

Моё тело уже начинает дрожать. От холодного пола вверх по ногам пробирается озноб.

Или это не от холода?

Но я не могу уйти вот так. Всё равно не усну.

Я не могу перестать наблюдать за Адамом. Как будто чего-то жду. Как будто сейчас буду смотреть на него ещё немного — и на все мои вопросы каким-то образом найдутся ответы.

— Кэт?

Адам посмотрел через плечо в сторону двери, и я вздрогнула от неожиданности.

Можно было стучать зубами потише, Кэт.

Я приоткрыла дверь. Меня всё равно уже спалили.

— Почему ты не спишь? — спросил он.

— Ты тоже не спишь.

— Справедливо.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

— Ты придёшь в спальню?

Адам тяжело выдохнул и посмотрел на экран.

— Мне нужно кое-что доделать. Я лягу позже.

— Угу.

— Иди спать. Наверняка уже замёрзла, пока шпионила за мной.

На долю секунды уголок его губ дрогнул. Почти улыбка.

Нелепый получился разговор. Как будто нам по шестнадцать лет и мы не можем признаться друг другу в чувствах, поэтому обсуждаем погоду, домашку и всё что угодно, кроме того, что действительно важно.

Я молча кивнула и вернулась в спальню. После этого выпила обезболивающее. Не знаю, от напряжения или от нервов, но тело снова заняло старой болью.

Я помню, как первые солнечные лучи начали пробираться сквозь щели в шторах. А потом, должно быть, уснула.

Наверное, таблетка всё-таки подействовала, но спала я недолго.

Так же резко, как провалилась в сон, я из него вынырнула. Сердце бешено колотилось. Лёгкие жадно хватали воздух.

Я слегка повернулась и опрокинула руку на вторую половину кровати.

Пусто.

Адам не приходил. Или уже ушёл? Он вообще спал?

В горле было сухо, будто кто-то засыпал туда горсть земли, поэтому я решила сразу отправиться за водой. Пол-литра. Не меньше!

Я встала с кровати и уже направилась на кухню, когда заметила, что в кабинете по-прежнему горит тусклый свет.

Голова Адама лежала на столе. Руки застыли ровно в том положении, в котором я видела их ночью. Правая на мышке. Левая на клавиатуре.

Я стащила с себя плед и осторожно накрыла его. Несколько секунд просто стояла рядом. Смотрела, как он спит. Измученный. Осунувшийся. Словно последние несколько недель кто-то понемногу вытаскивал из него жизнь.

Я уже почти не злилась. Обида испарилась ещё ночью. Осталось только беспокойство. Мне было его жалко. Я переживала за него. И понятия не имела, как помочь человеку, который не говорит, что с ним происходит.

Хотя, зная Адама, он вполне мог залезть в какую-нибудь невероятную задницу.

Тишину резко разорвал телефонный звонок. Экран вспыхнул. Тот самый номер. Я уже почти выучила эти цифры наизусть.

Адам открыл глаза. Посмотрел на дисплей. И буквально за секунду кровь отхлынула от его лица. Он стал серым. Не бледным. Именно серым.

Он даже не посмотрел на меня. Молча встал. Молча начал одеваться.

— Адам?..

Никакой реакции.

— Адам, что случилось?

Он словно вообще меня не слышал.

Через несколько секунд входная дверь хлопнула. Потом

раздался первый щелчок замка. Следом второй. Меня уже тошнит от этого звука.

Вопросов стало в тысячу раз больше, чем было вчера.

Я не выдерживаю. Моё сердце не выдерживает. Моё тело не выдерживает.

— Что с тобой, Адам?! — почти в истерике выкрикиваю я в пустую квартиру.

Ответа, разумеется, не последовало.

Только тишина. *Если бы я могла, то послала бы её нахрен.* От неё меня тоже уже тошнит.

Я медленно сползла по стене на пол. Сколько времени я так просидела — не знаю. Минут десять. Может быть час.

В последнее время время вообще работает странно. То несётся вперёд, то растягивается до бесконечности.

На кухне тихо гудел холодильник. За окном просыпался город. Первые машины лениво катились по дороге. Кто-то выгуливал собаку. Кто-то спешил на работу. Обычная жизнь продолжалась. Только моя будто застряла где-то между вчера и сегодня.

Чего именно ты боишься, Кэт?

Если бы я застучала Адама с любовницей — это было бы ужасно. Но хотя бы понятно.

Если бы он признался, что разлюбил меня — больно. Но понятно.

Если бы он сказал, что устал от меня и хочет уйти — я бы хотя бы знала, с чем бороться.

Но сейчас я боролась с неизвестностью. А неизвестность всегда была страшнее правды.

Телефон на столе коротко завибрировал. Я вздрогнула.
Сообщение.

От Энни.

«Доброе утро. Не спишь?»

Я посмотрела на время. 06:12. Конечно не сплю.

Нормальные люди в шесть утра либо ещё спят, либо уже собираются на работу.

Мы с Энни в это время обычно обсуждаем жизненные катастрофы. У каждой свои таланты.

— Погоди, ты чего не спишь, Энни? — пишу я.

Ответ приходит почти сразу.

— Да знаешь, когда я вернулась вчера домой, то не могла найти себе места. Мне, конечно, было безумно весело, но как только осталась одна и включила мозги, поняла, в какую задницу тебя затащила тем разговором с Адамом. Прости меня. Но мне правда было очень весело.

Я невольно усмехнулась.

— Я рада, что тебе было весело. Потому что потом веселье было уже у меня.

— В самых драматичных смыслах?

— В самых. Мы поругались. Адам всю ночь просидел за компьютером, а утром ему позвонили. И угадай что?

— Адам сделал лицо идиота и свалил из дома?

— Ага. Только лицо было не идиотское. Серое, как у тру-

па.

Сообщение улетело. Энни прочитала его и тут же исчезла из сети. Странно. Я уже собиралась написать ей что-нибудь язвительное, когда телефон завибрировал.

Входящий вызов. Энни.

Давно пора. Я устала описывать свои эмоции текстом.

— Алло, Кэт!

— Вообще-то невежливо так резко прерывать переписку, если что.

— Кэт, послушай меня внимательно.

От ее тона внутри все сжалось. Желудок скрутило узлом.

Что, черт возьми, происходит?

Мозг моментально выбрал самый ужасный вариант. Что они с Адамом все-таки любовники. Клянусь, если узнаю такое — сначала всех перестреляю, а потом вскроюсь сама.

Да. Так даже справедливее.

— Кэт! Ты меня слушаешь?

— Ну?

— Я не сказала тебе вчера только потому, что не хотела заставлять тебя нервничать.

Отлично.

Поздно.

Я уже нервничаю.

Очень.

— Короче. Мне кажется, я кое-что заметила на рабочем столе Адама. Но тогда решила не придумывать теории заго-

вора. А сейчас ты говоришь, что ему утром позвонили и он сразу куда-то сорвался...

— Энни, ближе к делу.

— Если я правильно увидела... а я обычно вижу правильно... у него были открыты документы для оформления визы.

Я замерла.

— Визы?

— Да. Я узнала их случайно. Мы с Люком оформляли похожие документы перед отпуском в прошлом году.

В комнате вдруг стало слишком тихо. Даже холодильник перестал гудеть. Или мне просто так показалось.

— Визы... — повторила я.

— Кэт! А вдруг он готовит вам поездку?

Я ничего не ответила.

— Господи... — внезапно завопила Энни. — Да он тебе предложение собирается делать!

— Энни...

— Точно! Поэтому нервничает! Поэтому скрывает! Поэтому ведет себя как придурок!

Я закрыла глаза. Пока Энни уже мысленно выбирала мне свадебное платье и рассаживала гостей по столам, я пыталась собрать логическую цепочку.

Теряешь хватку, Энн.

— Послушай. Я буду счастлива, если окажется, что ты права. Но есть несколько проблем.

— Каких?

— Во-первых, он выглядит не как человек, который готовит сюрприз. Он выглядит как человек, которого сейчас расстреляют.

— Ну...

— Во-вторых, мои документы никто не трогал. Для поездки ему понадобился бы хотя бы мой паспорт.

На том конце повисла тишина.

— Проверь.

— Что?

— Паспорт. Прямо сейчас.

Я поднялась с дивана и направилась к ящику, который был полностью забит бумагами. Паспорт лежал там же, где всегда. Рядом с медицинскими справками. Свидетельством о рождении. Старыми квитанциями. И прочим бумажным мусором, без которого почему-то невозможно существовать в нашем бюрократическом мире.

— На месте.

— Точно?

— Точно.

Энни шумно выдохнула.

— Тогда это похоже на то, что Адам собирается куда-то один.

— Блядь.

— Блядь.

Мы помолчали. За окном медленно двигались облака. Серые. Тяжелые. Почти такие же, как мои мысли.

— Как думаешь, у него есть кто-то на стороне? — тихо спросила я.

— Не похоже.

— Почему?

— Потому что мужики с любовницами обычно выглядят счастливыми. Или хотя бы довольными собой. А твой выглядит так, будто последние пару месяцев носит на спине мешок с трупами.

Я невольно хмыкнула. Очень образно. Очень по-эннивски.

— Что тогда происходит?

— Не знаю, Кэт. Но мне почему-то кажется, что дело вообще не в измене.

— Наверное, ты права.

Я потерла переносицу. Голова снова начала ныть.

— Я просто уже не понимаю, о чем думать.

— Твою мать! — внезапно вскрикнула Энни.

— Что?

— Я опаздываю в аэропорт!

Я посмотрела на часы.

Точно.

Ее внеплановый экзамен.

— Беги уже.

— Прости, детка.

— Напиши, когда долетишь.

— Обязательно.

Звонок оборвался.

Снова стало слишком тихо. Слишком. Тишина вообще отвратительная штука. Она дает мыслям слишком много пространства.

Я опустилась обратно на диван и уставилась в окно.

Жалко, что именно сейчас Энни пришлось уехать.

Вчера ей позвонили из университета и сообщили о внеплановом зачете. Для Энни учеба была чем-то вроде религии. Она могла пережить расставание, бессонные ночи, нервный срыв, но пропустить важный экзамен — никогда.

Внутри меня было одновременно пусто и больно. И физически. И морально.

Ребра до сих пор отзывались тупой тяжестью. Плечо ныло. Спина тоже напоминала о себе при каждом неудачном движении.

Таблетки лежали совсем рядом. Я могла бы выпить одну. Наверное, даже должна была. Но в последнее время я принимала обезболивающее только тогда, когда не могла уснуть.

Сейчас все было наоборот. Физическая боль удерживала меня в реальности. Не давала окончательно утонуть в мыслях. Не позволяла строить слишком страшные сценарии.

Хотя сколько бы я ни убеждала себя в этом, неприятное чувство никуда не исчезало. Будто в происходящем не хватает одной детали. Одной маленькой детали, которая объяснила бы всё.

Я взяла телефон и открыла геолокацию Адама. Точка дви-

гальсась. Быстро. Слишком быстро.

Я увеличила карту. Потом еще раз. И еще.

Сердце пропустило удар.

Адам ехал не на работу.

И не домой.

Он ехал в аэропорт.

Глава 13

Я пребывала в полном шоке.

В тот момент, когда увидела, что Адам со скоростью света мчится в аэропорт, а Энни, кстати, тоже, связь с реальностью просто оборвалась.

Меня накрыла такая волна эмоций, что в ней смешалось всё сразу. Злость. Обида. Страх. Ревность. Паника.

Началась самая настоящая истерика.

Я не знаю, сколько это продолжалось. Не знаю, что делала. Не знаю, в какой момент оказалась сидящей на полу между кроватью и журнальным столиком.

Помню только, что мне было больно.

Очень больно.

Из того состояния меня выдернул телефонный звонок.

Пошли все нахрен.

Но телефон продолжал звонить.

Раз.

Другой.

Третий.

И чем дольше он надрывался, тем сильнее я возвращалась в реальность.

Чёрт. Мои руки были разбиты в кровь.

На костяшках уже выступили тёмные ссадины, а кожа мечами лопнула тонкими полосами.

Я перевела взгляд ниже. На бёдрах поверх старых желтоватых синяков проступали новые багровые пятна.

Ты как обычно, Кэт. Ничего не собираешься менять, правда?

Я взяла телефон, даже не посмотрев на экран.

— Что?! — огрызнулась я, продолжая рассматривать следы собственной истерики.

— Кэт, я сейчас в... Стоп. Ты чего там? Ты в порядке? — Энни не успела закончить одну мысль, как тут же переключилась на другую.

— Что ты хочешь, Энн? Я очень грущу из-за того, что ты уезжаешь.

Сарказм получился настолько ядовитым, что даже мне стало не по себе.

Пошла нахрен эта шлюха.

Мне так больно. Будто из меня вынули все внутренности и оставили только оболочку.

— Кэт, я не понимаю поче... Хотя, блядь, подожди. Дай сказать.

На заднем фоне звучали объявления аэропорта. Колёса чемоданов катились по плитке. Чьи-то голоса. Смех. Обычная жизнь. Та самая жизнь, которая почему-то продолжалась, пока моя разваливалась на куски.

— Я сейчас нахожусь в аэропорту, и ты ни за что не угадаешь, кого вижу буквально в нескольких метрах от себя.

Она издевается?

Они решили добить меня окончательно?

Прямо сейчас?

— Здесь Адам, Кэт.

Я закрыла глаза. Конечно здесь Адам. Где ему ещё быть?

— Я знаю, что Адам в аэропорту, Энни.

Мой голос звучал пусто.

— После нашего разговора я посмотрела его геолокацию.

Очень интересный сюрприз оказался. Особенно учитывая, что ты тоже направляешься в аэропорт.

На несколько секунд воцарилась тишина.

Потом Энни громко выдохнула.

— Господи, Кэт. Что ты опять успела придумать? Ты просто настоящая королева драмы.

Телефон завибрировал. Пришла фотография. На снимке Адам стоял возле стойки регистрации. Один. В нескольких метрах от Энни. Судя по ракурсу, он вообще её не видел.

Я смотрела на фото несколько секунд. Потом ещё несколько.

Наверное, они действительно ничего не подстраивали. Но отпустить эту мысль до конца я всё равно не могла.

— Прости... Я... я...

Горло сжалось. Слезы снова потекли по щекам.

— Кэт, мы во всём разберёмся, слышишь? Не переживай.

Голос Энни стал мягче.

— Я уже хотела подойти к нему и высказать пару ласковых. Но он ушёл на досмотр.

Я невольно усмехнулась сквозь слёзы.

Да. Это очень похоже на Энни.

— Спасибо.

Я шумно вдохнула.

— Я просто... впала в шок. Сложила пазл. Только сложила его неправильно. И мне стало так больно.

— Я знаю.

Несколько секунд мы просто молчали.

— Кэт, пожалуйста. Доверяй мне. Хотя бы мне.

От этих слов внутри что-то болезненно сжалось.

— У меня есть только ты. И, если что, Адам вообще не в моём вкусе. Ничего личного.

Я фыркнула. Но это была правда. Наверное, ничто не способно уничтожить нашу связь с Энни. Хотя бы потому, что мужчин мы всегда выбирали абсолютно разных. И внешне. И внутренне.

Судя по всему, катастрофы тоже.

Внутри меня было так много всего. И одновременно — ничего.

Я не знала, что мне делать.

Энни предложила связаться с Адамом, пока самолёт ещё не взлетел и связь окончательно не пропала. Но я не знала, стоит ли.

Если я для него стала пустым местом, зачем тратить на него остатки своих нервов?

Я почти отпустила мысль о том, что он что-то скрывает.

Хотя не одобряла этого. Мне кажется, я имею право знать.

Еще бы ты умела реагировать адекватно, Кэт. Тогда жизнь вообще заиграла бы яркими красками.

Неужели вот так просто? Неужели Адам действительно оставил меня? Неужели я для него больше ничего не значу? Когда это произошло? Когда он решил, что я ему больше не нужна? Я настолько ничтожна, что даже не заслуживаю последнего разговора?

Ляля всегда говорила, что за своё счастье нужно бороться. Она вообще любит цитировать любовные романы так, будто лично участвовала во всех этих историях.

Но осталось ли то, за что я ещё могу бороться?

Во мне снова столкнулись две противоположности. Одна не хотела бегать за человеком, которому всё равно. Я не собираюсь быть чьей-то собачкой.

Другая любила Адама. До боли. До дрожи. До желания простить ему всё ещё до того, как он объяснится. Он был моим домом. Моим человеком. Моей семьёй.

Но кто я для него сейчас?

Ты теряешь время, Кэт.

Я не позволила себе думать дальше. Пусть это будет наш последний разговор. Пусть мне будет больно. Но я должна услышать его голос.

Я открыла контакты и нажала вызов. Поймала себя на мысли, что уже давно ему не звонила. Обычно звонил он.

Гудки тянулись бесконечно долго.

Но они были. Значит, Адам просто не брал трубку.

Наверное, решает, отвечать или нет.

В последнюю секунду, когда я уже собиралась швырнуть телефон в стену, в динамике раздался щелчок.

— Адам! — выкрикнула я прежде, чем он успел сказать хоть слово. — Ты идиот, если пытаешься скрыться от меня и при этом забываешь отключить GPS.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Кэт, послушай меня. У нас мало времени. Я полагаю, ты уже знаешь, что я в самолёте.

— Нет, Адам, это у тебя мало времени, чтобы объяснить-ся. Потому что сейчас ты ведёшь себя как последняя скотина, и я не...

— Любимая.

Он перебил меня так спокойно, что я моментально замолчала.

— Я знаю, что напугал тебя.

Голос Адама звучал уставшим. Невероятно уставшим.

— Я знаю, что поступил неправильно, ничего тебе не сказав. Но я не собирался от тебя сбежать. Не собирался скрываться. И, опережая все твои подозрения, отвечу сразу: у меня нет никакой любовницы.

Моё сердце болезненно дёрнулось.

— Я люблю тебя.

Я застыла. Буквально. Словно кто-то выключил звук внутри моей головы.

— Я не могу рассказать тебе всё сейчас. Но мне нужно, чтобы ты доверилась мне. Мне очень жаль, что пришлось оставить тебя вот так. Без предупреждения. Но дело серьёзное. На несколько дней мне нужно улететь в другую страну.

Каждое его слово рождало ещё десять новых вопросов.

— Я не хочу, чтобы ты придумывала несуществующие истории. Но рассказать всё сейчас тоже не могу.

Он тяжело выдохнул.

— Поэтому сделай мне одолжение. Не думай.

Я едва не рассмеялась. Попросить меня не думать — это как попросить пожар не гореть.

— Ты всё узнаешь. Обещаю.

Я открыла рот. Хотела сказать хоть что-нибудь. Спросить куда он летит. Почему. С кем. Зачем. Когда вернётся.

Но мысли толкались в голове огромной беспорядочной толпой. Совсем как люди в том торговом центре. И я снова ничего не успела. Связь оборвалась. Просто исчезла.

Я ещё несколько секунд смотрела на экран телефона. Будто звонок мог вернуться. Будто сейчас он снова наберёт меня и всё объяснит нормально.

Не объяснил. Только оставил после себя ещё больше вопросов.

Я медленно опустилась на диван и прижала телефон к груди.

Смешно.

Пять минут назад я была уверена, что он меня бросил.

Теперь знала, что не бросил.

И мне всё равно было плохо. Наверное, даже хуже. Потому что раньше у меня была хотя бы теория. Страшная. Болезненная. Но понятная.

А теперь не было ничего.

Кроме бесконечного: «Я не могу рассказать».

Ненавижу эту фразу.

Ненавижу секреты.

Ненавижу неизвестность.

Я подняла взгляд на окно. Небо за ним было серым. Таким же серым, как лицо Адама утром, как стены больничной палаты, как мысли в моей голове.

Что может быть настолько серьёзным, что он улетел в другую страну?

Что может быть настолько важным, что он даже не смог предупредить меня?

Я снова открыла приложение с геолокацией. Точка уже исчезла с карты. Теперь там была только короткая надпись: «Геопозиция недоступна».

В груди неприятно кольнуло.

Вот и всё. Он действительно улетел.

В квартире стало тихо и пусто. Без Энни. Без Адама. Без чужих голосов. Без ощущения, что рядом есть кто-то ещё.

Только я. И мои мысли. Самая опасная компания на свете.

Я поднялась с дивана и медленно прошла по квартире. На кухонном столе стояла кружка Адама. В раковине лежала

тарелка, которую он так и не помыл. На спинке стула висела его толстовка.

Казалось, что он просто вышел на пять минут. Но я знала, что это не так.

Я подошла к окну. На улице шла обычная жизнь, как всегда.

Люди куда-то спешили. Кто-то выгуливал собаку. Возле магазина ругалась какая-то пара. Мир продолжал существовать. А мой будто снова завис на паузе.

Телефон завибрировал. Сердце мгновенно подпрыгнуло. Адам.

Я даже улыбнулась.

Но улыбка исчезла так же быстро, как появилась.

На экране высветилось сообщение: «Абонент временно недоступен для определения местоположения».

Спасибо. Очень полезная информация.

Я нервно усмехнулась и отбросила телефон на диван.

— Не думай, — передразнила я Адама.

Легко сказать.

Я легла поверх покрывала и закрыла глаза.

Не думать.

Не проверять телефон.

Не строить теории.

Не искать катастрофу там, где её может не быть.

Хотя бы один день.

Хотя бы несколько часов.

Хотя бы до вечера.

Потому что сил бояться у меня больше не осталось.

Первые дни совсем одной дома оказались не такими трудными, как я ожидала. Наверное, потому что я давно привыкла к тому, что Адама почти никогда нет рядом. Он постоянно где-то пропадает: работа, дела, встречи. А я остаюсь здесь. В своей коробке.

Труднее всего становится вечером. В то время, когда он обычно должен вернуться домой после тяжелого дня. Именно тогда квартира начинает казаться слишком большой. Слишком тихой. Слишком пустой.

Я чувствую себя мокрой половой тряпкой, которую забыли где-то в углу. Не выжали, не повесили сушиться. Просто бросили на пол медленно гнить.

Фу.

Я рассказала Энни о нашем последнем разговоре с Адамом. Она тоже взяла с меня обещание не думать.

Конечно. Я даже пообещала. Немного врать я всё-таки умею.

Ещё я обещала ей, что не буду игнорировать существование еды. Но вместе с Адамом из квартиры будто исчез и мой голод. Есть не хочется. Спать не хочется. Даже дышать иногда лень.

Телефон практически прирос к моей руке. Я таскаю его за собой в ванную, на кухню, в кровать. Боюсь пропустить сообщение или звонок. Будь это Адам. Или Энни. Да кто угод-

но. Лишь бы напомнить мне, что мир за пределами этих стен всё ещё существует.

Но если Энни хотя бы раз в день выходит на связь, то Адам — нет. Он исчез. Словно растворился в воздухе после того разговора. Не был в сети. Не писал. Не звонил. Ничего.

Я не понимаю, там что, действительно нет интернета? Зачем вообще ехать в страну, где нет вайфая?

Хотя кого я обманываю. Наверное, дело не в интернете. Может быть, он просто не хочет со мной разговаривать.

Или хочет, но не сейчас.

Или ждёт чего-то.

Блядь.

Я не знаю.

Сегодня третий день моего одиночества. И если в первый день я наслаждалась тишиной, то сейчас она начинает меня жрать.

Кэт, ты идиотка и вообще не можем ничем наслаждаться.

Уже темнеет.

Я выпиваю таблетку обезболивающего и думаю, что, наверное, сегодня стоит лечь спать пораньше.

Хотя кого я *опять* обманываю? Сон давно перестал быть тем, что приходит по собственному желанию.

Возвращаясь с кухни, я снова замечаю комнату Адама. Дверь приоткрыта. Всё осталось ровно так, как было.

Кресло. Монитор. Наушники. И толстовка, небрежно бро-

шенная на спинку стула.

Я подхожу ближе. Сначала хочу просто закинуть её в стирку. Но стоит взять ткань в руки, как меня накрывает знакомым запахом. Его запахом.

Я закрываю глаза. Вдыхаю. Раз. Потом ещё раз. И ещё.

Господи. Как же сильно я скучаю. По его голосу. По его рукам. По тому, что он просто находится рядом.

Я сама не замечаю, как возвращаюсь в спальню уже с этой толстовкой. Снимаю одежду и натягиваю её через голову. Она оказывается слишком большой. Рукава полностью скрывают ладони.

Ткань касается кожи. От её прикосновения мне становится легче. Будто часть Адама всё ещё здесь. Будто он обнимает меня со спины.

Глупость. Но сейчас я готова цепляться за любые глупости.

Я забираюсь под одеяло. По телевизору идёт какая-то очередная мелодрама. Там двое красивых людей страдают из-за любви. Мы тоже страдаем. Только без красивой музыки на фоне.

Я должна признать одну очень неприятную вещь. Я скучаю по Адаму абсолютно во всех смыслах. Даже в тех, о которых приличные девушки обычно молчат.

Но мне не стыдно.

Последние недели словно специально испытывают нас на прочность. То мои бесконечные подозрения. То пожар. То

больница. То эта отвратительная разлука.

Я переворачиваюсь на другой бок. Толстовка перекручивается на теле. Тяжёлая ткань скользит по коже. И я тихо стону от собственного раздражения.

— Ох, боги, Кэт...

Я прячу лицо в подушку.

— Как ты вообще можешь думать о таком сейчас?

Ответа, разумеется, нет. Только знакомое чувство пустоты. И тоска по человеку, которого нет рядом.

Всего каких-то три дня, но ощущается как целая вечность.

— Кэт, ты там как? Не сошла ещё с ума?

Звонок Энни в шесть утра давался мне с трудом. Я легла всего пару часов назад, и сейчас мой мозг ощущался как старая батарейка, которую забыли зарядить. Но она выполняла мою просьбу — звонить мне всегда, когда появляется свободная минутка. Сейчас у неё как раз утро. Наверняка собирается на учёбу.

— Энни, я уже давно сошла с ума. Просто я хороший актёр, — хрипло отвечаю я.

— Точно. Я и забыла.

Энни смеётся.

— Адам не появлялся?

Я тяжело вздыхаю и тру глаза. Такое чувство, будто кто-то ночью залил в них строительный клей.

— Нет. Я даже не знаю, жив ли он.

На несколько секунд в трубке повисает тишина.

— Учитывая всё произошедшее, ты отлично справляешься. Я тобой горжусь, Кэт.

Энни не знает, что каждый вечер я рыдаю до тех пор, пока просто не заканчиваются силы.

Энни не знает, что синяки под моими глазами уже стали частью лица.

Энни не знает, сколько крови я себе пустила за эти дни, пытаюсь хоть ненадолго заглушить внутренний шум.

«Ценим, когда теряем». Снова одна из бесконечных цитат Ляли всплывает в голове.

Но я ведь никого не потеряла.

Пока что.

Просто всё это даётся мне гораздо тяжелее, чем я готова признать.

— Спасибо, — тихо говорю я. — Спасибо, что рядом, Энни. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, детка. Ладно, я побежала получать образование за нас двоих.

— Да иди уже. Кто-то из нас должен иметь мозги.

Мы обе смеёмся. Моя тревога немного ослабевает.

Совсем чуть-чуть, но этого хватает, чтобы дать телу передышку. Поэтому после звонка я снова проваливаюсь в сон.

Станный сон.

Такой, в котором ты вроде бы спишь, но одновременно понимаешь, что всё происходит не по-настоящему.

Я стою возле старого телефонного автомата. Таких уже

давно нигде нет. Но точно такой же когда-то стоял возле магазина на окраине посёлка, где жила Ляля. Даже краска на нём такая же облупившаяся. Даже ржавчина в тех же местах.

Вокруг пусто. Ни людей. Ни машин. Ни звуков. Только ветер.

Откуда-то появляется мужчина. Сначала я замечаю его спину. Она настолько согнута, что кажется, будто его позвоночник сломали пополам много лет назад. Если бы он выпрямился, наверняка оказался бы выше меня. Но сейчас я смотрю на него сверху вниз.

И тут понимаю, что он абсолютно голый.

— Ох ты ж блядь...

Даже во сне первая мысль именно такая.

Он выглядит отвратительно. Серая сморщенная кожа. Длинный нос с загнутым вниз кончиком. Редкие волосы. И улыбка.

Господи. Эта улыбка. Слишком широкая. Слишком неправильная. Будто рот растянули руками. Он напоминает какого-то черта из старых сказок, которыми меня в детстве пугали взрослые.

Мужчина начинает что-то говорить. Губы шевелятся. Я вижу это. Но слов не слышу. Словно кто-то выключил звук.

Сначала мне даже не страшно. Я просто стою и смотрю на него. Но потом меня накрывает понимание, что передо мной не человек. Или человек, который давно перестал им быть.

Внутри всё резко холодеет.

Я начинаю вспоминать молитву, которую Ляля когда-то заставила меня выучить. Слова всплывают в памяти сами собой. С трудом. Обрывками. Но всплывают.

И чем больше я их повторяю, тем сильнее расплывается окружающий мир.

Телефонный автомат исчезает первым. Потом дорога. Потом мужчина.

Последнее, что остаётся — его улыбка. Она будто висит в пустоте отдельно от всего остального. А затем исчезает и она.

Я резко просыпаюсь.

Лоб покрыт липким потом.

Футболка прилипла к телу.

Сердце колотится так сильно, будто я только что бежала.

Несколько секунд я просто сижу на кровати и пытаюсь понять, где нахожусь.

В квартире тихо. Только часы на кухне отсчитывают секунды.

Тик.

Тик.

Тик.

В детстве, когда происходило что-то плохое, мне часто снились подобные кошмары. Тогда мама говорила, что это от нервов. И я почти забыла об этом. Почти. До сегодняшнего дня.

Я провожу ладонью по лицу и пытаюсь успокоиться.

Это просто сон.

Просто сон.

Никаких знаков.

Никаких предсказаний.

Никакой мистики.

Я взрослый человек.

Я в это не верю.

Но почему тогда внутри остаётся такое ощущение, будто что-то уже произошло? Или вот-вот произойдёт. Что-то очень плохое. Я смотрю на телефон. Новых сообщений нет. Новых звонков тоже.

— Отлично, — шепчу я в пустую квартиру. — Просто отлично, Кэт.

Это новый уровень паранойи или старый решил выйти на новый круг?

— Так! Я запрещаю себе думать о плохом.

Я решительно ткнула пальцем в воздух, будто подписывала какой-то официальный указ.

— Я вообще запрещаю себе думать.

Звучит как отличный план. Позавтракаю сегодня пиццей просто потому, что могу это сделать.

Адам обещал приехать? Обещал.

Обещал всё рассказать? Тоже обещал.

Если быть честной, за всё время наших отношений я не могу вспомнить ни одного случая, когда он действительно меня подводил. Раздражал — да. Бесил — постоянно. Заставлял нервничать — вообще профессионально.

Но не подводил.

Поэтому хватает.

Нужно просто пережить эти проклятые длинные дни.

Я почему-то чувствую, что он скоро вернётся. Не знаю откуда взялось это ощущение. Может быть, я просто очень хочу в него верить. Но внутри словно поселилась странная уверенность, что совсем скоро входная дверь снова щёлкнет два раза, а потом я услышу: «Любимая, я дома».

От одной этой мысли настроение немного поднялось. Или мне просто стоило нормально поесть? Тоже вариант.

Я жую свою пепперони и смотрю в окно. Какой это кусок по счёту?

Понятия не имею.

Меня это совершенно не волнует.

Мне вкусно. По-настоящему вкусно.

Впервые за последние дни. На фоне играет музыка.

Старая подборка, которую когда-то собрал Адам. Обычно она меня раздражает, потому что половину песен там исполняют какие-то ноющие мужики с гитарой. Но сегодня даже они меня не бесят.

За окном удивительно хорошая погода. Солнечно. Небо чистое. Ни одного намёка на дождь. Будто весь мир решил взять выходной от катастроф.

Я уже начинаю думать, что жизнь наконец решила дать мне передышку. Именно в этот момент звонит телефон.

Я морщусь. Если это очередной рекламный звонок, то я

найду этих людей лично.

На экране высвечивается слово: «Мама».

— О нет.

Аппетит исчезает мгновенно.

Телефон продолжает вибрировать по столу. Я смотрю на него несколько секунд. Не беру.

Если мама звонит среди белого дня, есть два варианта. Либо ей срочно нужны деньги. Либо она пьяна. Иногда оба варианта одновременно.

Телефон замолкает. Я облегчённо выдыхаю.

Но он тут же начинает звонить снова.

Настойчиво.

Долго.

Слишком долго.

Что-то внутри неприятно сжимается.

Я вспоминаю свой сон. Телефонный автомат. Горбатого старика. То мерзкое чувство, с которым проснулась утром.

Нет. Не начинай, Кэт.

Это просто совпадение. Просто звонок.

Я беру трубку.

— Что случилось?

На другом конце несколько секунд тишины.

Странно.

Обычно мама начинает говорить раньше, чем я успеваю ответить.

— Мам?

В трубке слышится тяжёлое дыхание.

А потом её голос.

Трезвый.

Абсолютно трезвый.

И от этого мне становится страшнее, чем если бы она была пьяна.

— Кэт...

У меня внутри всё холодеет.

— Что произошло?

Мама всхлипывает.

Один раз.

Потом второй.

И я уже знаю.

Ещё до того, как она произносит следующие слова.

Знаю настолько отчётливо, будто кто-то ударил меня в грудь.

— Ляли больше нет...

Глава 14

Я не помню как закончился разговор. Кажется мама еще что-то говорила. Что-то про сердце. Про скорую. Про соседку. Про документы.

Но слова перестали иметь значение. Они превратились в белый шум. Как телевизор, который забыли выключить в другой комнате.

Я сидела на кухне. Передо мной стояла недоеденная пицца. Третий или четвертый кусок так и остался лежать на тарелке. Сыр застыл.

Я смотрела на него и думала только об одном.

Ляля не любит когда еда пропадает.

Странная мысль.

Наверное самая тупая мысль которая могла прийти мне в голову в такой момент. Но именно она крутилась в голове снова и снова.

Ляля не любит когда еда пропадает.

Я даже усмехнулась.

Сейчас позвоню ей. Расскажу. Она скажет что я бездельница и транжира. Скажет доедать. Потом спросит почему у меня такой голос. И все будет как раньше.

Я взяла телефон. Нашла ее номер. Большой палец завис над экраном. А потом до меня дошло. Позвонить некому. Потому что бабушки больше нет.

Телефон выпал из рук. Ударился о пол.

Я даже не подняла его.

В квартире было настолько тихо, что я слышала как работают часы в гостиной.

Тик.

Тик.

Тик.

Я ненавижу эти часы. Ляля подарила их мне на новоселье. Сказала что в доме обязательно должно быть что-то живое. Тогда я смеялась над ней. Сейчас мне хотелось разбить их о стену. Чтобы они наконец заткнулись.

Тик.

Тик.

Тик.

Я закрыла лицо руками.

Я больше никогда не услышу голос человека, который любил меня даже тогда, когда я сама себя не любила.

Не могу в это поверить. Просто не могу.

Кто угодно.

Но не Ляля.

Осуждайте меня сколько хотите, но смерть моей матери не потрясет меня так сильно, как смерть бабушки.

Это ужасная мысль. Неправильная. Наверное даже жестокая. Но она честная.

Маму я теряю понемногу уже много лет. Каждая бутылка отнимает у меня по маленькому кусочку того человека, ко-

торым она когда-то была. Алкоголь рано или поздно закончит начатое. Я всегда это знала.

Но Ляля... Ляля была моей константой. Человеком, который никогда не исчезал. Никогда не предавал. Никогда не пропадал. Даже когда весь мир превращался в дерьмо. Она всегда была рядом.

Поэтому это какая-то ошибка. Недоразумение. Мама наверняка что-то перепутала. Скорая ошиблась. Врачи ошиблись. Да кто угодно мог ошибиться. Потому что Ляля не может умереть. Она же была всегда.

Я резко встаю со стула и почти бегу на кухню.

Если уж моя жизнь решила окончательно превратиться в дешевую драму, то хотя бы позвольте мне выпить.

Руки дрожат так сильно, что бутылка едва не выскальзывает.

Я наливаю настойку в первую попавшуюся кружку и выпиваю залпом.

Горло обжигает.

Желудок сводит.

Я кашляю. Почти задыхаюсь. И сразу наливаю еще.

Вторую кружку пью медленнее.

Мне нужно хоть что-нибудь. Хоть что-нибудь, что заставит голову заткнуться.

Я отправляю два сообщения. Сначала Энни. Потом Адаму.

Всего несколько слов. Ляля умерла.

После этого блокирую их обоих. Я не хочу слышать «мне очень жаль». Не хочу слышать сочувствие. Не хочу слышать человеческие голоса.

Сейчас нет.

Сейчас мне кажется, что если кто-нибудь произнесет хоть одно доброе слово, я просто развалюсь на куски.

Мне нужно домой. В мой город. К Ляле.

Нужно попрощаться. Даже эта мысль звучит как бред.

Прощаться.

Будто она куда-то уезжает. Будто потом можно будет снова встретиться.

Бог? Это очень не вовремя. Надеюсь, ты понимаешь это. Позаботься о ней. Пожалуйста. Сделай так, чтобы ей не было страшно. Сделай так, чтобы дедушка встретил ее. Сделай так, чтобы она не была одна.

Потому что я уже одна.

Слезы текут непрерывно. Я даже не вытираю их. На полу остаются капли. На футболке остаются мокрые пятна.

Я мечусь по квартире. Из комнаты в комнату. Открываю шкаф. Зачем-то достаю чемодан. Потом забываю зачем. Открываю сайт с билетами. Минут пять смотрю в экран и не могу понять, что там написано. Пытаюсь собрать вещи. Нахожу зарядку. Начинаю плакать потому что ее когда-то покупала Ляля. Нахожу старую фотографию. Плачу сильнее. Нахожу пакет из магазина. Тоже плачу. Потому что кажется весь этот чертов мир связан с ней.

Все вокруг напоминает о ней. Все.

В какой-то момент силы заканчиваются. Я просто сползаю на пол.

Секунда.

Вторая.

Третья.

А потом меня разрывает. Я кричу так громко, что сама пугаюсь собственного голоса. Меня будто выворачивает наизнанку. Как будто кто-то залез рукой мне в грудную клетку и выдрал сердце вместе с ребрами.

— Как я без тебя буду, Ляля?

Голос срывается.

— Кто теперь будет говорить, что я драматизирую?

Всхлип.

— Кто будет ругать меня за сигареты?

Еще один.

— Кто будет звонить мне по сто раз подряд?

Я уже почти не могу дышать.

— Кто будет любить меня просто потому что я есть?

От этого вопроса становится так больно, что меня буквально сгибает пополам.

В дверь начинают стучать соседи. Кажется я кого-то напугала.

Плевать.

— Идите нахрен! — ору я.

Стук прекращается. Я поднимаюсь на ноги. Меня шата-

ет. Снимаю одежду прямо по дороге в ванную. Один носок остается на ноге. Я замечаю это только потом.

Включаю горячую воду до упора. Кипяток обжигает кожу. Настолько сильно, что я вскрикиваю. Но не выхожу. Наоборот. Делаю шаг вперед. Еще один.

Мне хочется почувствовать хоть какую-нибудь другую боль. Любую. Потому что с той, что внутри, я не справляюсь.

Пар заполняет ванную комнату. Зеркало полностью запотеваает. По стеклу стекают капли. Будто даже стены плачут вместе со мной. Я сижу под струями воды час. Потом второй. Потом перестаю понимать сколько прошло времени.

Мне кажется, если просидеть здесь достаточно долго, то вместе с грязью смоется и эта боль.

Но она остается. Она сидит внутри.

Тяжелая.

Черная.

Неподъемная.

Никакая катастрофа не пугала меня по-настоящему. Они были не настоящими. А тот факт, что человек, которого ты любишь больше собственной жизни, исчезает, вот это настоящая катастрофа.

И ничего уже нельзя исправить.

Понятия не имею, что происходило в последние часы, пока я оставалась одна в квартире с мыслью о том, что Ляли больше нет. Но должна признать — когда я очнулась ранним утром, результат моей работы впечатлял.

В квартире царил полный хаос. На полу валялись вещи. На кухне стояла гора грязной посуды. Пустая бутылка настойки одиноко лежала в углу комнаты.

А на экране ноутбука светилось письмо: «Поздравляем с успешной оплатой».

Спасибо, мать твою.

Я несколько секунд тупо смотрела на экран, пытаюсь понять, что вообще произошло.

Потом вспомнила. Билеты. Бог ты мой...

Я что, действительно купила билеты?

Открыла бронь. Вроде всё правильно. Вроде.

Честно говоря, я бы не удивилась, если бы обнаружила билет на другой конец света или бронь на круиз для пенсионеров.

Мозг работал отвратительно.

Я не стала умываться. Не стала переодеваться. Даже не проверила, что вчера напихала в сумку. Мне было всё равно. Абсолютно всё равно. Я просто вызвала такси, натянула кеды и вышла из квартиры.

Кажется, впервые за долгое время мне было плевать вообще на всё. На внешний вид. На людей. На тревогу. На последствия. На саму себя.

Я просто хотела прилететь домой и убедиться, что всё это какая-то чудовищная ошибка. Что мама перепутала. Что врачи перепутали.

Что Ляля сейчас откроет дверь и скажет своим недоволь-

ным голосом: «Ну и вид у тебя, Катрина».

От этой мысли снова защипало глаза.

Нет.

Нет.

Нет.

Это не может быть правдой.

Просто не может.

В отражении стеклянных дверей аэропорта я случайно увидела себя. На секунду даже замерла.

Господи.

Я выглядела так, будто меня нашли под завалами. Под глазами огромные синяки. Лицо опухло от слёз. Губы искусаны почти до крови. На руках свежие царапины. На ногах старые и новые синяки. Следы от пожара ещё не успели исчезнуть. На мне действительно можно изучать все виды человеческих повреждений.

Синяки разных цветов. Ссадины разной глубины. Ожоги. Шрамы.

Блядь.

Я вдруг начала смеяться. Громко. Неестественно. До дрожи.

Охранник у входа посмотрел на меня так, словно решал вызвать помощь или просто сделать вид, что ничего не заметил.

Честно говоря, я сама не знала, какой вариант лучше.

В самолёте я попросила стюардессу принести виски. Ска-

зала, что боюсь летать. До усрачки.

Она понимающе кивнула. Забавно. Я действительно боюсь летать. Обычно весь полёт представляю, как самолёт падает, горит или разваливается прямо в воздухе.

Но сегодня мне было всё равно.

Если бы пилот объявил, что у нас отказали оба двигателя, я бы, наверное, просто отвернулась к окну. Потому что сейчас внутри меня уже происходила катастрофа гораздо страшнее любой авиакатастрофы.

Пару часов спустя самолёт приземлился в моём родном городе. В этой гнилой дыре, из которой я когда-то так отчаянно мечтала сбежать. Меня здесь ничего не держало.

Ничего. Кроме боли. Кроме плохих воспоминаний. Кроме Ляли. И теперь даже её здесь больше нет.

Маме я сразу написала, что остановлюсь в гостинице. После похорон уеду обратно. Я не смогу сейчас спасти ещё и её. Потому что сама тону.

А мама... Я слишком хорошо знаю маму. Она будет переживать по-своему. Через бутылку. Через слёзы. Через попытки забыться. И помочь ей я сейчас не способна.

Единственный человек, который всегда умел спасти нас обеих, умер.

Пока такси везло меня через знакомые улицы, я смотрела в окно и почти ничего не узнавала. Город остался прежним. Изменилась я. Или, может быть, наоборот.

Несколько раз меня накрывали слёзы. Потом приходила

пустота. Потом снова истерика. Будто внутри кто-то постоянно переключал каналы.

Но одна мысль не исчезала ни на секунду. Через несколько часов я увижу дом Ляли.

И тогда мне придётся окончательно признать то, во что я до сих пор отказываюсь верить.

Она действительно ушла.

Глава 15

Я заселилась в гостиницу и швырнула сумку куда-то в угол комнаты. Там всё равно не было ничего важного. Да и если честно — сейчас для меня вообще не существовало ничего важного, кроме одного дома на окраине города.

Я разделась и пошла в душ. Снова в горячий. Настолько горячий, что кожа почти сразу покраснела. Мне казалось, если сделать воду достаточно обжигающей, она сможет перебить другую боль. Не смогла. Ничего не смогло.

После душа я не стала сушить волосы. Просто собрала их в тугую пучок, надела чёрное платье до колен с длинными рукавами и посмотрела на своё отражение.

Передо мной стояла какая-то незнакомая женщина.

Уставшая.

Опухшая.

С пустыми глазами.

Я отвернулась первой.

Через двадцать минут такси уже ехало по знакомым улицам. Настолько знакомым, что от этого становилось ещё хуже.

Вот магазин, возле которого мы с Лялей покупали мороженое.

Вот остановка, где она ругалась на меня за порванные колготки.

Вот аптека, где она заставляла меня покупать витамины, потому что я, цитирую: «ем как бездомный енот».

Каждое место било по памяти.

Каждое.

Когда водитель остановился возле её дома, я не смогла выйти сразу.

Просто сидела. Смотрела в окно. И пыталась заставить себя открыть дверь машины. Потому что пока я сидела здесь, все ещё существовала маленькая возможность, что мама ошиблась.

Что всё это недоразумение. Что сейчас откроется калитка и Ляля выйдет во двор поливать свои цветы. Но калитка оставалась закрытой. А дом молчал.

Я расплатилась и вышла. Под ногами захрустел гравий. Тот самый. Ничего не изменилось.

Мир продолжал существовать так, будто ничего не произошло. Калитка всё так же скрипнула, когда я её открыла. Словно поздоровалась со мной. Во дворе всё осталось на своих местах.

Справа — самодельные клумбы. Ляля обладала какой-то нечестной магией. Всё, что она сажала, обязательно начинало цвести. Я уверена, дай ей пару лет — она бы и бананы здесь выращивать научилась.

Я провела пальцами по лепесткам цветов. Они были живыми. Тёплыми от солнца.

А Ляля нет.

От этой мысли у меня подкосились ноги.

Вдоль дома по-прежнему тянулись к небу подсолнухи. Возле сарая стояла старая ржавая тележка. На лавке лежали инструменты дедушки. После его смерти бабушка так и не тронула их. Говорила:

— Пусть лежат. А то ещё вернётся и будет ругаться.

И сейчас всё это продолжало ждать людей, которых уже не было.

Я поднялась на крыльцо. Дверь оказалась не заперта. Внутри стояла тишина. Густая, как кисель.

В доме находилась тётя Эмма. Сестра бабушки. Странная женщина, которая могла утром рассказывать про сглаз, а вечером цитировать священное писание.

Увидев меня, она лишь молча кивнула. В её глазах было что-то такое, отчего мне сразу захотелось отвернуться. Наверное это была жалость. Я не хотела, чтобы меня жалели. Только не сейчас.

Я прошла дальше.

И замерла.

Дом пах точно так же, как много лет назад. Цветочными духами Ляли. Дедушкиным керосином. Старым деревом. Пирогами. Дом пах домом.

В прихожей висела её куртка. Возле дивана лежали шерстяные носки. На тумбочке стояли очки. Рядом лежала раскрытая книга. словно бабушка просто вышла в магазин и вот-вот вернётся.

Я медленно подошла к креслу. Провела рукой по подлокотнику. Села. Слез больше не осталось. Оставалась только одна чудовищная мысль.

Если сейчас открыть дверь спальни... Там уже действительно не будет Ляли. Её смерть станет моим настоящим.

Нехотя я всё-таки поднялась и пошла в её комнату.

Наверное, я надела на себя десять пар скептических очков, раз во мне до сих пор жила какая-то тупая надежда.

Я открыла дверь. Пусто.

Не заправленная кровать. стакан воды на тумбочке. Какие-то таблетки рассыпались по полу. И больше ничего.

Я замерла.

Ляле бы это не понравилось. Она всегда заправляла кровать. Всегда. Даже если плохо себя чувствовала. Даже если собиралась лечь обратно через десять минут.

Я медленно подошла к постели и провела рукой по смятому одеялу. Оно давно остыло. Но мне всё равно казалось, что если закрыть глаза, то можно представить, будто она только что вышла из комнаты.

Я снова расплакалась. Начала поднимать таблетки. Потом зачем-то поправлять подушку. Расправлять одеяло. Разглаживать складки на простыне. Будто порядок способен отменить смерть. Будто если сделать всё правильно, бабушка вернётся и снова будет ворчать на меня за кривые углы.

Я подняла её подушку и прижала к лицу. Цветочные духи. Шампунь. Что-то ещё. Что-то неуловимо её. Я вдохнула

глубже. Потом ещё раз.

И ещё.

Словно пыталась забрать с собой хотя бы несколько невидимых молекул человека, которого любила больше всего на свете.

Спальня находилась в самом конце дома. Но даже отсюда я уже слышала приглушённые голоса. Шаги. Возню. Скрип половиц. Дом постепенно наполнялся людьми.

А я не хотела выходить.

Совсем.

Пока я сидела здесь, оставалась маленькая возможность продолжать врать самой себе. Произошла ошибка. Сейчас откроется дверь. Ляля скажет:

— Катрина, чего ревёшь?

Я закрыла глаза. Мне показалось, будто кто-то коснулся моего плеча. Совсем слегка.

Я резко обернулась.

Никого.

Конечно никого. У меня просто начинал плавиться мозг.

Я вытерла лицо ладонями и заставила себя выйти из комнаты.

Сделала шаг.

Второй.

Третий.

Я снова замерла.

Посреди гостиной стоял гроб. Мир вокруг словно пере-

стал существовать.

Не было ни дома.

Ни родственников.

Ни голосов.

Ни звуков.

Только гроб. И человек внутри.

Мои ноги подкосились раньше, чем я успела что-либо понять.

Я рухнула на колени.

В гробу лежала Ляля.

Бог мой. Она выглядела почти живой. Будто просто уснула после тяжёлого дня. Лицо спокойное. Глаза закрыты. Губы сложились в едва заметную улыбку. Ту самую.. Которой она обычно встречала меня на пороге.

Сейчас откроет глаза. Сейчас обязательно откроет.

Потому что это невозможно.

Невозможно.

Невозможно.

— Ляля... — выдохнула я.

Голос сорвался.

— Ляля, вставай...

Я сама не поняла, когда поднялась на ноги. Когда бросилась к ней. Когда протянула руки. Мне казалось, что нужно просто помочь ей. Уложить в кровать. Укрыть одеялом. Дать лекарства. Сделать хоть что-нибудь. Потому что люди не могут вот так исчезать. Просто не могут.

— Ляля! Пойдём, я тебя уложу...

Кто-то резко схватил меня за руку. Сильнее, чем следовало. Я дёрнулась. Обернулась.

Передо мной стояла мама. На её лице был такой ужас, будто она сейчас потеряет ещё и меня.

Реальность наконец догнала меня. Ляля не спала. Она не откроет глаза. Не улыбнётся. Не скажет, что я опять всё драматизирую. Не обнимет. Никогда больше не обнимет.

Во мне что-то окончательно сломалось. И следующий час я помню обрывками. Чьи-то руки. Чьи-то голоса. Капли воды. Таблетку. Плач. Потом ещё одну таблетку. А затем я уже сидела в углу дивана. Тяжёлая. Пустая. Без единой мысли. И смотрела на гроб. Не отрываясь.

Будто если отвернуться хоть на секунду, Ляля исчезнет окончательно. Поэтому я не хочу ехать на кладбище.

Пусть все едут. А мы с Лялей останемся здесь.

Она заварит свой дурацкий травяной чай, который почему-то успокаивает лучше любой аптечной химии. Потом мы откроем бутылку вина и выйдем курить во двор.

Наш маленький секрет. Никто не знал, что Ляля иногда курит. Никто не знал, что я курю вместе с ней. Да и вообще никто толком не знал мою Лялю. Для всех она была доброй старушкой. Для меня — целым миром.

Кто-то берёт меня под руку. Потом ещё кто-то. Меня мягко, но настойчиво поднимают с дивана. Куда-то ведут. Что-то говорят. Я почти ничего не слышу. Будто вокруг меня тол-

стый слой ваты.

В какой-то момент понимаю, что меня снова усаживают в машину. Четвёртый раз за сегодня. Четвёртый.

Просто прекрасно.

Я смотрю в окно. На дорогу. На встречные машины. На деревья. Мне совершенно не страшно. Даже наоборот. Пусть уже врежется кто-нибудь. Пусть. Хотя бы на пару секунд станет тише.

— Пойдём, Кэт. Надо попрощаться.

Чей-то голос пробивается сквозь шум в голове.

— Не хочу.

Мой собственный голос звучит тихо. Почти по-детски.

— Кэт...

Я отворачиваюсь к окну.

Не хочу.

Не хочу.

Не хочу.

Но даже на сопротивление у меня не осталось сил. А какая-то крошечная адекватная часть сознания всё ещё понимает: это необходимо.

Всю дорогу кто-то разговаривает. Я не слушаю. До тех пор пока одна из фраз не долетает до меня.

— Боже, как она похудела...

— Да, я тоже заметила...

Серьёзно? Сейчас? Именно сейчас?

Я медленно поворачиваю голову. Мои дорогие родствен-

ники. Никогда не меняются. Им дай повод обсудить мой вес.

Похудела.

Поправилась.

Прыщи.

Волосы.

Ногти.

Что угодно.

Лишь бы не говорить о том, что действительно важно.

Лишь бы не говорить о смерти.

Я даже не злюсь. Мне просто противно. Настолько, что становится смешно. Ляля ещё даже не похоронена, а они уже обсуждают мою фигуру.

Прекрасно.

Мы приезжаем. Я выхожу из машины. Земля после дождя сырая и липкая. Обувь проваливается в грязь. Ветер холодный. Небо серое. Будто даже оно сегодня не хочет здесь находиться.

Нас подводят к могиле. Рядом уже лежит дедушка. Я смотрю на его памятник и чувствую новый приступ боли.

Теперь они снова вместе. А я осталась здесь. Одна.

Кто-то начинает говорить речь. Священник. Или родственник. Или ещё кто-то. Я не знаю. Не слышу ни слова. Перед глазами только гроб. Только Ляля.

Прости. Я не могу произнести красивую прощальную речь. Я не могу подобрать правильные слова. Я вообще не могу думать.

Потом кто-то подходит к гробу. Крышку начинают закрывать. Меня накрывает настоящий ужас.

Потому что это последний раз.

Последний.

Больше никогда.

Я жадно смотрю на её лицо. Запоминаю каждую морщинку. Каждую прядь волос. Каждую черту. Словно пытаюсь сохранить её внутри себя навсегда.

Крышка закрывается. Глухой стук.

Внутри меня всё обрывается.

Потом гроб начинают опускать вниз. Медленно. Слишком медленно.

Я смотрю и понимаю, что сейчас её заберут.

По-настоящему. Окончательно. Навсегда.

— Не надо!..

Голос вырывается сам собой.

— Не надо! Она же спит!

Я бросаюсь вперёд. Не думая. Не понимая. Просто пытаюсь остановить всё это.

Остановить время.

Остановить людей.

Остановить смерть.

Но чьи-то руки хватают меня раньше. Держат. Не отпускают. Я вырываюсь. Кричу. Плачу. Умоляю. Сама не знаю кого. Бога. Людей. Вселенную. Кого угодно. Лишь бы вернуть её обратно. Но гроб продолжает опускаться. Сантиметр

за сантиметром.

Вместе с ним куда-то проваливается весь мой мир. Силы заканчиваются. Я перестаю вырываться. Перестаю кричать. Просто стою и смотрю. Пока первые комья земли не начинают падать сверху.

Глухо.

Тяжело.

Окончательно.

Ляли действительно больше нет.

Мне становится так больно, что хочется лечь рядом с ней и больше никогда не вставать.

Глава 16

Не знаю сколько времени прошло после похорон. Час. Два. Может быть целая вечность.

В какой-то момент люди начали расходиться. Кто-то обнимал маму. Кто-то говорил ей какие-то слова поддержки. Кто-то плакал. А кто-то уже обсуждал свои дела на завтра.

Меня это взбесило.

Как можно думать о завтра, когда сегодня умерла Ляля? Как вообще может существовать завтра?

Меня снова посадили в машину.

Пятый раз за день.

Я даже не обратила внимания на дорогу обратно. Просто смотрела в окно. Деревья. Заборы. Старые дома. Все то же самое. Мир вокруг не изменился. Только мой рухнул к чертовой матери.

Когда мы вернулись, дом встретил нас тишиной. Той самой. Неправильной. Болезненной. Без Ляли.

Люди постепенно исчезали. Кто-то забрал контейнеры с едой. Кто-то вынес цветы. Кто-то громко прощался в прихожей.

Дверь открылась, потом закрылась. И стало снова по-настоящему тихо.

Я села на кухне. На том самом месте, где бабушка каждое утро пила чай. Передо мной стояла кружка с отколотой руч-

кой. Ляля не разрешала её выбрасывать.

— Ещё меня переживет, — смеялась она.

Пережила.

От этой мысли меня скрутило так резко, что пришлось согнуться пополам.

Нет.

Нет.

Нет.

Пожалуйста.

Я не хочу привыкать к тому, что её больше нет.

Не хочу.

Я подняла взгляд. На подоконнике лежали её очки. Рядом раскрытый кроссворд. Несколько клеточек оставались пустыми. Наверное она собиралась закончить его завтра. Или послезавтра. Или через неделю.

Только никакого завтра для неё уже не будет.

Меня затрясло. Я вскочила из-за стола и практически выбежала из кухни. Мне казалось, что если я останусь там еще хотя бы минуту, то просто задохнусь.

Я бродила по дому. По комнате. По коридору. Снова по комнате. Как привидение. Как потерянная собака. В спальне всё еще пахло её духами. На кровати лежал плед. На тумбочке стояла чашка с недопитой водой. Таблетки. Расческа. Книга. Вещи человека, который должен был сейчас сидеть здесь и ругать меня за красные глаза. Но её не было. И никогда больше не будет.

Меня снова накрыло.

Я опустилась на пол рядом с кроватью и заплакала. Без криков на этот раз. Без истерики. Внутри закончились силы даже на страдание.

Я просто сидела, прислонившись к кровати. Смотрела в одну точку. И не двигалась.

Телефон завибрировал где-то рядом. Я даже не сразу поняла, что это мой. Потом снова. И снова.

Наверное мама. Или Энни. Или кто-то из родственников.

Я не хочу ни с кем разговаривать. Но телефон продолжал настойчиво дрожать.

Я устало потянулась к нему.

Незнакомое чувство кольнуло где-то под ребрами. Потому что на экране светилось имя, которое я не видела уже несколько дней и не ожидала увидеть, если честно.

Адам.

Я смотрела на экран. Долго. Очень долго.

Еще неделю назад я бы отдала что угодно за этот звонок.

А сейчас...

Сейчас я не знала, хватит ли у меня сил поднять трубку. Я и не стала проверять, просто сбросила вызов. Потом еще раз. И еще.

Мне не хотелось уезжать отсюда. Но сегодня ночью самолет домой.

Прости, Ляля. Этот город я больше не могу назвать домом. Особенно теперь, когда *тебя* здесь нет.

Все время, пока я добиралась до гостиницы, Адам звонил и писал какие-то сообщения.

Без понятия как часто.

И его, и Энни я заблокировала еще вчера. Не потому что злилась. Просто мне хотелось, чтобы весь мир оставил меня в покое хотя бы на несколько часов.

Но телефон продолжал вибрировать.

Снова.

И снова.

И снова.

В конце концов я все-таки взяла трубку. На другом конце линии Адам настойчиво пытался мне что-то сказать.

Как же он не понимает... Мне сейчас абсолютно все равно на любые его слова.

Никакие объяснения не вернут Лялю. Никакие обещания не сделают мне легче. Ничего не исправит то, что произошло.

— Алло, — тихо ответила я.

— Детка, наконец-то. Я испугался. Думал, что-то случилось. Я увидел твое сообщение, но не смог дозвониться. Я уже вылетаю домой. С тобой все в порядке?

Он говорил быстро. Слишком быстро. Слова налетали друг на друга. Наверное он боялся, что я сброшу вызов, боялся не успеть.

— Да.

Это единственное, что я смогла из себя выдать. Хотя

какое, к черту, «да»? Как вообще можно быть в порядке после такого?

— Ты прилетаешь сегодня? Скажи во сколько. Я встречу тебя в аэропорту.

Я закрыла глаза. Раньше я бы начала спорить. Сказала бы, что справлюсь сама. Или наоборот разрыдалась бы от облегчения. Но сейчас внутри было слишком пусто.

— Хорошо.

И всё. Без времени. Без подробностей. У меня нет ни сил ни желания на долгие и подробные разговоры. У меня вообще больше ничего нет.

Честно говоря, я уверена, что если Адаму действительно нужно меня встретить, то он каким-то образом узнает, когда прилетает мой самолет.

Мне абсолютно все равно. Я научилась вызывать такси. Научилась добираться из точки А в точку Б. Научилась плакать так, чтобы потом никто не заметил. Наверное, еще немного — и научусь существовать без людей.

На другом конце линии повисла короткая пауза.

— Кэт...

В его голосе появилось что-то такое, от чего раньше у меня бы сжалось сердце. Сейчас — нет. Я просто слушала.

— Мне очень жаль.

Я зажмурила глаза.

Нет.

Он говорит не про себя. Не про нас. Не про свой отъезд.

Он говорит про Лялю.

От этого стало только хуже. Впервые за весь день кто-то произнес это вслух. Признал, что она действительно умерла.

Я почувствовала, как к горлу снова подкатывают слезы.

— Мне пора, Адам.

— Я скоро буду рядом, Кэт.

— Хорошо.

Нихрена. Ничего. Хорошего.

Я сбросила вызов. Но ещё несколько секунд смотрела на черный экран телефона. Я бы отдала что угодно, чтобы услышать эти слова, раньше.

«Я скоро буду рядом».

Сейчас, даже если он действительно будет рядом...

Ляли все равно больше нет.

На каком-то автоматизме мое тело посадило меня сначала в такси, потом в самолет.

Удивительно, что меня вообще пустили на борт.

Я выглядела как человек, который несколько дней подряд не спал, не ел и пил все, что попадалось под руку. Наверное, так оно и было.

Люди что-то говорили мне. Спрашивали билет. Просили показать документы. Желали хорошего полета.

Я отвечала. Наверное. По крайней мере, меня никто не останавливал.

Жалко, что я не богачка с частным самолетом. Сейчас мне не хотелось видеть никого. Не хотелось слышать чужие го-

лоса, чувствовать чужие взгляды. Не хотелось существовать рядом с другими людьми.

Самолет приземлился. Удачно. Не разбился. Не загорелся. Даже в турбулентность не попал. Просто сел на посадочную полосу.

Какая скучная надежность.

Ноги сами понесли меня к выходу.

Я была благодарна хотя бы за то, что оказалась в знакомом городе. Если бы самолет приземлился где-нибудь еще, я бы, наверное, даже не заметила.

Мое тело находилось здесь. Сознание — где-то очень далеко. Будто между ними натянули километры пустоты.

В какой-то момент кто-то схватил меня за руку. Резко. Уверенно. И потянул в сторону.

Я машинально попыталась выдернуться, но хватка только усилилась. Глубоко внутри вспыхнуло раздражение. Не страх. Не тревога. Даже не злость. Просто раздражение. Потому что даже для страха нужны силы. А сил у меня больше не осталось.

Человек продолжал тянуть меня через парковку. Мимо людей. Мимо машин. Мимо реальности. Наверное, он что-то говорил. Я не слушала. Мне было все равно. Пусть ведет куда хочет. Пусть делает что хочет. От меня уже и так почти ничего не осталось.

Бум.

Лоб пронзила резкая боль.

Я ударилась головой о дверь какой-то машины. Перед глазами вспыхнули белые пятна. Чья-то рука начала усаживать меня внутрь. До меня наконец дошло, что происходит что-то неправильное. Очень неправильное. Но я все равно не сопротивлялась.

— Эй! — раздался чей-то крик. Громкий. Резкий.

— Отпусти ее! Сейчас здесь будет охрана!

— Спокойно! — раздраженно ответил мужчина. — Я помогаю девушке доехать до дома. Я обычный таксист.

Таксист? Я успела вызвать такси? Когда? Зачем?

— Она тебя об этом не просила.

Голос стал ближе. Очень знакомый голос.

— Отпусти ее. Я тебе сказал.

В следующую секунду все произошло слишком быстро. Мужчина отшатнулся назад. Послышалась ругань. Глухой удар. Чье-то тело впечаталось в автомобиль. Кто-то выругался.

— Кэт?

Голос дрогнул.

— Детка, ты меня слышишь?

Я подняла голову.

Адам.

Настоящий. Не галлюцинация. Не воспоминание. Не сон.

Адам.

Несколько секунд я просто смотрела на него. Пыталась убедиться, что он действительно существует. Что это не оче-

редная жестокая шутка моего мозга. Что он не исчезнет, если я моргну.

В этот момент во мне что-то надломилось окончательно. Не осталось ни злости. Ни обиды. Ни вопросов. Ничего.

Я сделала шаг вперед и просто рухнула ему в руки. Буквально рухнула. Если бы он не поймал меня, я бы упала на асфальт.

Адам прижал меня к себе так крепко, словно боялся, что я исчезну. Или словно сам только что нашел кого-то, кого уже успел потерять.

От него пахло самолетом. Холодным воздухом улицы. И домом.

Господи. Домом.

Я вцепилась пальцами в его куртку. И заплакала. По-настоящему. Не как в гостинице. Не как на похоронах. Не как в самолете. Тогда из меня выходило отчаяние. Сейчас выходила боль. Вся. Сразу. Целиком.

Меня трясёт так сильно, что зубы стучат друг о друга с какой-то невероятной силой. Я задыхаюсь. Не могу остановиться. Не могу вдохнуть нормально. Не могу произнести ни слова.

— Я рядом, Кэт.

Его голос звучал совсем близко.

— Я рядом.

Он повторял это снова и снова. Будто заклинание. Будто если повторить достаточно много раз, можно собрать меня

обратно по кускам.

Я не знаю, сколько времени мы простояли посреди парковки. Минуту. Десять. Час.

Мне все равно.

Потом Адам осторожно повел меня к машине. Точнее, почти понес. Я еле переставляла ноги. Мир продолжал качаться. В глазах темнело.

Где-то между шагами я заметила его руку. Правую.

Костяшки разбиты. Свежая кровь уже подсохла тонкими темными полосами. Кожа содрана. Пальцы слегка дрожат.

Я уставилась на них. Потом перевела взгляд туда, где стоял тот самый мужчина. Его рядом уже не было. Только несколько прохожих что-то обсуждали в стороне.

— Адам...

Мой голос звучал хрипло. Почти неузнаваемо.

— Ты что... ударил его?

Он на секунду замолчал. Сжал челюсть. А потом открыл мне дверь машины.

— Садись, Кэт.

Что-то изменилось в нем за те дни, пока его не было рядом. Что-то изменилось во мне.

Не уверена, что смогу теперь существовать как раньше. Из меня выдернули кусок и даже не попытались зашить рану. О какой прежней жизни вообще может идти речь?

Всю дорогу я тупо пялюсь в окно. Вожу указательным пальцем по стеклу, представляя, что это я двигаю автомоби-

ли по полосам.

Ты сошла с ума, Кэт.

Адам ничего не говорил. Время от времени смотрел то на меня, то на дорогу. Я знаю, он удивлен, что я спокойно сижу в машине и не пытаюсь взять управление под свой контроль. Я тоже удивлена. Хотя нет.

Мне все равно.

Не то чтобы я перестала думать о катастрофах. Конечно нет. Я все еще представляю, как в нас влетает грузовик. Как машину заносит на встречную полосу. Как мы переворачиваемся где-нибудь в кювете. Просто впервые в жизни эти мысли меня не пугают. Если это случится — значит, уже сегодня я увижу бабушку.

— Эй, Кэт...

Адам осторожно потянулся правой рукой к моему бедру. Обычно он всегда делал так, когда видел, что я начинаю нервничать. Но сейчас я не хочу, чтобы он меня трогал. Мне и так спокойно, точнее безразлично.

Я чуть отодвинулась. Совсем немного.

Рука Адама зависла в воздухе на пару секунд, а потом вернулась обратно на руль.

Он ничего не сказал. Но я заметила, как напряглись его скулы. Как он крепче сжал челюсть. Как начал чаще моргать. Наверное, у него тысяча вопросов. Наверное, он хочет помочь.

Только как мне сейчас помочь?

Вернуть Лялю?

Вернуть тот день, когда она была жива?

Вернуть меня прежнюю?

Машина остановилась возле дома. Нашего дома. Я смотрела на него несколько секунд. Обычная многоэтажка. Обычный подъезд. Обычные окна. Только почему-то все выглядело чужим. словно я вернулась не домой, а в место, где когда-то жила другая девушка.

Та, которая боялась автомобилей.

Та, которая спорила с Адамом.

Та, которая верила, что любую беду можно предотвратить, если достаточно сильно переживать заранее.

Я больше не была уверена, что знаю эту девушку.

— Пойдем, — тихо сказал Адам.

Я кивнула.

Мы поднялись наверх. Он открыл дверь. В квартире было темно. Тихо. Пусто.

А мне стало страшно.

Я боялась вернуться в жизнь. Потому что она почему-то продолжалась. Будто ничего не произошло. Будто мир не заметил, что моя бабушка умерла.

На кухне все так же стояла кружка. На диване лежал плед. В холодильнике наверняка все еще лежала та самая пицца. От этого хотелось кричать.

Мир обязан был остановиться! Хотя бы на минуту. Хотя бы из уважения к Ляле. Но ему было плевать. Он продолжал

крутиться дальше.

Я молча сняла обувь. Прошла в гостиную. Заметила, что Адам ни разу не выпустил меня из поля зрения. Он буквально следовал за мной взглядом.

Будто боится оставить одну даже на секунду. Будто ожидает, что я сейчас исчезну. Или сделаю что-то *страшное*. Честно говоря, я и сама от себя такого ожидаю.

— Кэт...

Я не обернулась.

— Не сейчас.

Тишина.

— Хорошо.

Я заметила, что уколола Адама. Сделала ему больно. Знаю, он переживает. Так же сильно, как я переживала за него все эти дни. Возможно, даже сильнее.

Но что я могу сделать? Во мне не осталось ничего живого. Какая-то часть меня умерла вместе с Лялей. Ее вырвали из меня вместе с корнями, оставив внутри дыру, которую уже никогда ничем не заполнить.

У меня нет сил на разговоры. Нет сил на объяснения. Нет сил рассказывать кому-то, как мне больно. Потому что если я начну говорить об этом вслух, то придется признать, что все произошло по-настоящему.

А я пока не готова.

Я легла в кровать и натянула одеяло почти до самых глаз. Свернулась клубком. Так маленькие животные прячутся от

опасности. Будто ткань могла защитить меня от смерти. От памяти. От самой себя.

Мне хотелось всего и сразу.

Плакать.

Кричать.

Уснуть.

Исчезнуть.

Но ничего из этого не получалось.

Стоило закрыть глаза, как я снова видела Лялю. То живую. То мертвую. То снова живую. Она улыбалась мне через кухонный стол. Потом лежала в гробу. Потом опять сидела на лавочке возле дома и перебирала какие-то травы. Мозг будто заело. Он отказывался принимать реальность. Отказывался верить, что человек может просто взять и исчезнуть. Навсегда.

В квартире было темно. Только из кухни пробивалась полоска желтого света. Она падала на пол и тянулась через коридор прямо к двери спальни. Кто-то невидимый пытался выманить меня обратно в мир живых. А я не хочу возвращаться. Не хочу туда, где Ляли больше нет.

Я резко села.

Нет.

Мне нужно что-нибудь, чтобы выключить голову. Хотя бы на пару часов. Я потянулась к сумке. Пальцы дрожали. Слишком сильно. Настолько сильно, что я дважды не смогла расстегнуть молнию.

Наконец сумка открылась. Я начала перебирать содержимое. Чеки. Наушники. Помада. Зарядка.

Ничего.

Я проверила еще раз. Потом еще. Потом вытряхнула все на кровать.

Ничего.

Злость вспыхнула мгновенно. Такая же черная и тяжелая, как все остальное внутри меня. Я схватила сумку и швырнула ее через комнату. Она ударилась о шкаф и глухо упала на пол.

— Детка, я их забрал.

Я вздрогнула. Только сейчас заметила, что Адам стоит в дверях. Он выглядел не лучше чем я. Плохо. Под глазами залегли темные тени. Щеки осунулись. На подбородке проступила щетина. А в глазах было что-то такое, чего раньше я никогда не видела.

— Не надо больше, — тихо сказал он. — Ты перебарщиваешь.

Я посмотрела на него исподлобья. Как загнанное животное. Он наблюдал за мной. Не осуждая. Не ругая. Просто наблюдал. И боялся оставить одну даже на минуту.

Я отвернулась к стене.

Я злилась на него.

На себя.

На весь этот проклятый мир.

Но сильнее всего меня бесило другое.

Я видела, что ему тоже больно, но не могла заставить себя пожалеть его. Вся моя жалость сейчас принадлежала одному человеку.

Ляле.

— Боль хочет, чтобы ее чувствовали.

Голос бабушки всплыл в голове так отчетливо, словно она сидела рядом на краю кровати. Словно сейчас поправит мне волосы и заставит выпить свой отвратительный травяной чай.

Я закрыла глаза.

— Я знаю, Ляля...

Голос сорвался.

— Знаю...

И заплакала.

Тихо. Слезы просто стекали по лицу и впитывались в подушку.

На кухне двигалась посуда. Зашумел чайник. Что-то звякнуло. Обычные домашние звуки. Но сейчас они казались мне издевательством.

Как можно заваривать чай? Как можно мыть кружки? Как можно жить дальше? Мир должен был остановиться. Хотя бы из уважения к Ляле.

Но ему было плевать. Солнце продолжало вставать. Люди продолжали есть свои завтраки. Самолеты продолжали летать. А моя бабушка *умерла*.

— Кэт.

Дверь снова приоткрылась.

— Я налил тебе чай.

Я даже не повернулась.

— Иди нахрен, Адам.

Слова прозвучали глухо. Жестоко. Несправедливо. Я это понимала. Он тоже.

Несколько секунд было тихо. Потом я услышала его удаляющиеся шаги. Спокойные. Понимающие. Без обиды.

Я уткнулась лицом в подушку и закричала. Сдавленно. Так, словно пыталась вырвать боль из собственного тела. Но она не выходила. Она уже пустила корни. Стала частью меня.

— Адам!

Я сама не поняла, как выкрикнула его имя. Сразу же пожалела. Сразу же испугалась.

А вдруг он действительно уйдет? Снова исчезнет. Снова оставит меня одну. В квартире. В этом мире. В этой жизни без Ляли.

Он молчал несколько секунд. А потом из коридора донесся его голос. Усталый. Хриплый. Такой же сломанный, как и я сама.

— Да, детка?

Я зажмурилась.

— Не уходи.

Адам снова замолчал. Наверное потому, что сам едва держался.

— Не уйду.

Ляля ушла. И если мир такой не справедливый, он, вероятнее всего, попытается забрать у меня и Адама тоже. Я всю жизнь знала, что рано или поздно чертова Вселенная уничтожит меня.

Глава 17

Интересно, как долго организм способен жить в таком состоянии? Сколько еще он способен выдержать прежде чем сломается?

Я буквально живу на кровати. Постельное белье не менялось уже черт знает сколько времени. Но наши с Адамом запахи смешались, въелись в подушки и одеяло, поэтому мне казалось, что я лежу внутри какого-то кокона, который еще помнит нормальную жизнь.

Знаю. Звучит отвратительно.

Я то смотрела в одну точку, то проваливалась в беспокойный сон. Ничего вокруг меня не существовало. Я даже не знала где мой телефон и что там с Энни. Наверное она переживает.

От этой мысли становилось только хуже.

Одной части меня хотелось, чтобы рядом были любимые люди. Другой — чтобы исчезли вообще все.

Не уверена, но кажется Адам уже несколько дней не спал рядом со мной. Я бы тоже не спала рядом с собой.

От меня пахло лекарствами, потом и какой-то болезненной безысходностью. В комнате стоял спертый воздух. На тумбочке копились кружки с недопитым чаем. Повсюду валялись упаковки от таблеток.

Каждый день я говорила себе одно и то же: «*Кэт, подни-*

майся. Жизнь, будь она проклята, продолжается. Ляля бы отвесила тебе таких люлей за это представление, что ты неделю сидеть не смогла бы».

Но ничего не работало.

Абсолютно ничего.

Я не знала как выйти из этого состояния. Не знала как заставить себя жить дальше. Самое ужасное заключалось даже не в том, что мне было больно. К боли человек привыкает.

Самое ужасное было в том, что я начинала забывать. Сначала я поймала себя на том, что не могу вспомнить звук ее смеха. Потом долго пыталась восстановить в памяти ее голос. Потом испугалась, что когда-нибудь забуду запах ее духов.

Я резко села на кровати.

Нет.

Нет-нет-нет.

Только не это.

Я вскочила и начала судорожно рыться в телефоне, который нашелся где-то между матрасом и стеной. Фотографии. Видео. Старые сообщения. Мне нужно было убедиться, что она существовала. Что она была настоящей. Что я не придумала себе всю эту жизнь.

На экране появилось видео двухлетней давности. Ляля стояла во дворе с каким-то ведром в руках и ругалась на дедушкину ржавую тележку.

— Не выбрасывай! — кричала я за кадром.

— Да кому нужна эта рухлядь?!

Потом она сама же начала смеяться.

Господи...

Я поставила видео сначала. Потом еще раз. И еще. Пока не разрыдалась так, что начала задыхаться. Я сползла на пол, прижимая телефон к груди.

— Я не хочу тебя забывать... — прошептала я.

В этот момент дверь спальни тихо открылась. Я даже не подняла голову. По шагам поняла, что это Адам. Он ничего не сказал. Просто сел рядом на пол. Не обнял. Не начал успокаивать. Не сказал ни одной правильной фразы. Просто сидел рядом.

А я плакала.

Я благодарна Адаму за то, что он не ударяется в сантименты. За то, что не пытается лечить меня красивыми словами. Не говорит, что время поможет. Не говорит, что Ляля сейчас в лучшем месте. Не говорит вообще почти ничего. Он просто рядом. Как и обещал.

Иногда мне кажется, что он проживает часть моей боли вместе со мной. Будто пытается взвалить себе на плечи хоть несколько килограммов этого кошмара, чтобы мне осталось не так много.

Наверное, это работает. Раз я до сих пор жива. Хоть и не очень этому рада.

Прекрати, Кэт. Блядь, просто прекрати.

— Детка?

Голос Адама заставил меня открыть глаза. Я даже не заметила, что снова уснула. Или потеряла сознание. В последнее время я плохо различала эти вещи.

— Мы всё сделаем так, как ты скажешь. Но давай я поменяю нам постельное, а ты примешь душ. Это становится опасным для здоровья.

Он говорил осторожно. Слишком осторожно. Будто шел через минное поле и боялся сделать лишний шаг.

Я недовольно поморщилась. Вставать. Куда-то идти. Что-то делать. Уже звучало как непосильная задача.

— Тебе-то что? Ты всё равно здесь не спишь.

Мой голос прозвучал грубо. Но сил смягчить его у меня не было.

Адам устало потер переносицу.

Под глазами у него залегли темные круги. Щетина отросла сильнее обычного. Рубашка была помята. Он выглядел не лучше меня, но по крайней мере держался.

— Ну так давай исправим это.

Он слабо улыбнулся.

— Кэт... Я тебя очень люблю. Правда. Со всеми твоими яблоками, тараканами и катастрофами мирового масштаба.

Уголок моих губ дрогнул. Совсем чуть-чуть. Наверное впервые за несколько дней. Улыбка продержалась всего секунду. Мне казалось, что я вообще разучилась это делать.

Адам будто тоже это заметил. На мгновение в его глазах мелькнуло облегчение. Словно он увидел, что я всё еще где-

то здесь. Не исчезла окончательно.

Он набрал мне ванну. Теплее чем обычно. Но не такую кипящую, как я делала сама. Не такую, после которой кожа краснеет и болит еще несколько часов.

Я попыталась подняться с кровати. Ноги подогнулись почти сразу. Мышцы отвыкли работать. Организм существовал в режиме энергосбережения.

— Кэт, давай помогу.

— Не надо.

Он не стал спорить. Просто подошел ближе. Осторожно. Будто я была сделана из стекла. Снял с меня одежду, собрал её с пола и отправил в стирку. Потом придержал за локоть, помогая добраться до ванной.

Какая же ты сука, Кэт.

Вода встретила меня облаком горячего пара. Я медленно опустилась в нее. Горячая тяжесть обняла тело. Мне показалось, будто меня обнимает кто-то живой. Не Ляля. Не Адам.

Просто кто-то. Кто-то, кто не требует от меня держаться.

Я закрыла глаза. Почувствовала как постепенно расслабляются плечи. Как отпускает челюсть. Как перестает болеть шея. Будто вместе с грязью с меня смывалось что-то еще. Что-то тяжелое. Что-то липкое.

Я подняла взгляд. Адам стоял у двери. Усталый. Осунувшийся. С разбитыми костяшками на правой руке. С покрасневшими от недосыпа глазами. С таким видом, будто последние дни он тоже вел войну. Только свою. И тоже проигрывал.

— Останься...

Почти шепотом попросила я.

Он ничего не ответил. Просто сел на пол рядом с ванной. Спина к стене. Взял меня за руку. И остался.

Иногда добавлял горячей воды. Иногда поправлял полотенце. Иногда просто смотрел в одну точку.

Мы молчали. Долго. Наверное час. А может пять минут. Я больше не чувствовала времени.

Адам невероятно заботливый. Измученный. Израненный. Но всё ещё любящий.

Я не понимаю, как у него хватает сил разбираться со своими проблемами и одновременно удерживать меня на плаву.

Наверное не хватает.

Просто он, как и я, делает вид.

Должна признать, что я упрямая дура. Потому что слишком долго сопротивлялась тому, чтобы начать возвращать себя к жизни.

Но сейчас, когда я вышла из душа — чистая, распаренная и даже немного расслабленная — я чувствовала себя гораздо лучше. Не хорошо. Просто лучше.

Впервые за несколько дней я смогла уснуть сама. Без таблеток. Без алкоголя. Без попыток отключить собственную голову. Вот так просто легла после душа и уснула.

Перед этим я долго гладила себя по рукам, плечам, животу. Мне было непривычно ощущать себя такой... чистой.

Последние недели я носила на себе не только грязь, но и

весь пережитый ужас. Адам будто снял с меня старую кожу и надел новую.

Когда он помог мне переодеться в чистое, я еще несколько минут ерзала по кровати. Ощущение свежей кожи в его чистой футболке, да еще и на чистом постельном белье оказалось почти неприлично приятным. Я почти забыла, как это.

— Поглядите на нее. Вот до чего ты себя довела, Кэт.

Голос Ляли всё еще жил где-то внутри меня. И странно, но я была благодарна. Наше общение продолжалось. Пусть теперь только так. Пусть только в моей голове.

Все это время, пока я вела себя как сумасшедшая, а надо заметить — я ей и являлась, Адам наблюдал за мной с каким-то терпением святого.

Иногда даже улыбался.

От неловкости момента я тоже пару раз ловила себя на улыбке. Мимолетной. Будто лицо только вспоминало как это делается. Жаль нельзя сохранить такое состояние как сохранение в компьютерной игре. Нажать кнопку. Заморозить момент. И завтра проснуться ровно там же. В той же чистой постели. С тем же спокойствием внутри.

Но жизнь так не работает.

Каждое утро начинается заново. И пока что ни одно не началось со спокойствия.

Я проснулась уже ближе к ночи. За окном город тонул в темноте. В квартире было тихо.

Я протянула руку на соседнюю половину кровати.

Пусто. Конечно пусто.

Адам под предлогом возвращения совместного сна буквально затащил меня в ванную. Но сам ночью так и не лег. Он уже практически живет за компьютером. Еще немного и у них появятся дети.

С возвращением, Кэт?

Я усмехнулась собственным мыслям. Да. Пожалуй. Немного. Совсем чуть-чуть.

Я переживаю за него. Мне страшно смотреть на то, как он медленно уничтожает себя. Но самое ужасное заключается в том, что я ничего не делаю. Вообще ничего. Не спрашиваю. Не поддерживаю. Не вытаскиваю его за руку обратно в жизнь так же, как он пытается вытаскивать меня. Я словно застряла глубоко внутри собственной головы. Сажу где-то на дне. И наблюдаю за происходящим через толстое мутное стекло.

Мне до сих пор больно.

Очень.

Настолько, что эта боль занимает всё пространство внутри меня. Каждую мысль. Каждую эмоцию. Каждый вдох.

Боль больше не заполняет меня целиком. Где-то внутри появилось крошечное свободное место. Совсем маленькое. Размером с вдох. Размером с улыбку. Размером с человека, который уже несколько недель не отпускает мою руку, даже когда я сама пытаюсь оттолкнуть его.

Что если я снова начну чувствовать жизнь?

Утром или в обед — понятия не имею, сколько сейчас вре-

мени, — я открыла глаза, когда солнце уже пыталось проткнуть шторы насквозь.

Хоть бы для приличия полежал рядом полчаса, чтобы я думала, что ты спишь со мной, Адам..

Адама рядом не было. Но из кухни доносились приглашенные голоса и звон посуды.

Двери в комнаты были приоткрыты. После моего возвращения Адам вообще запретил их закрывать. Чтобы быть у него на виду. Пару раз я решила, что его правила на меня не распространяются, и захлопнула дверь спальни. После чего этот псих просто выдернул дверные петли.

Урок был усвоен. Он переживает. Очень. И это даже мило. Кажется, судьба все-таки подкинула мне хорошего человека.

Все эти дни, пока я разваливалась на части, пока существовала где-то между сном, слезами и воспоминаниями, Адам терпеливо собирал меня обратно. Не починил. Нет. Такое не чинится. Но хотя бы не дал окончательно рассыпаться.

Боль никуда не исчезла. Я все еще плачу каждый день. Иногда по несколько раз. Иногда просыпаюсь уже в слезах. Но вроде как начинаю учиться жить рядом с этой болью. Она теперь не гость, а новый сосед, который въехал без приглашения и никуда не собирается уезжать.

Правда у Адама по-прежнему остается куча секретов. А у меня по-прежнему не так много нервных клеток.

Обычно утром меня ждет стакан воды или кружка чая на тумбочке. Но сейчас там ничего не было. А горло пересохло

настолько, будто ночью я жевала песок.

Два варианта. Либо Адам здесь еще не был. Либо я встала слишком рано и он не успел подготовить свой утренний набор заботливой мамочки.

Я выбралась из кровати и поплелась на кухню. Хотелось посмотреть на лицо любимого человека, когда он увидит свое утреннее чудовище вне клетки. От этой мысли я даже немного улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Но улыбнулась.

Я уже собиралась войти на кухню, когда замерла в дверном проеме. Адам разговаривал с какой-то девушкой по громкой связи.

Вы сильно удивитесь, если я скажу, что вообще ничего не почувствовала? Ни ревности. Ни тревоги. Ни злости. Пусто.

Вот я удивилась.

Стоп. Я могу ошибаться, но по-моему это Энни.

В этот же момент чувство вины впилося в меня своими железными когтями. Стало мерзко.

Я не отвечала ей на звонки и сообщения с того самого дня. С того самого дня, когда...

Ляля.

Имя вспыхнуло в голове как открытая рана.

— Ты уже рассказал ей? — спросила Энни.

Этот вопрос мгновенно выдернул меня из мыслей.

Рассказал что? Что они любовники?

Блядь.

Клянусь. Мне стало смешно. Мой мозг до сих пор спосо-

бен выдавать этот бред даже после всего произошедшего.

— Еще нет, — ответил Адам, одновременно заваривая чай.

— Она имеет право знать, Адам!

Понятия не имею о чем речь. Но я с ней согласна. Я имею право знать!

— Энн...

— Нет. Даже не начинай.

— Сейчас не время.

Чайник тихо зашипел. На кухне повисла пауза.

— Не время? — фыркнула Энни. — Ляля умерла почти три недели назад. Кэт медленно приходит в себя. Когда будет время?

Я смотрела на спину Адама, заметила насколько он выглядит уставшим. Не просто уставшим. Изношенным.

Будто последние месяцы он живет на каком-то внутреннем резерве.

Под глазами темные круги. Плечи постоянно напряжены. Даже волосы отросли сильнее обычного. Кажется он давно перестал обращать внимание на себя.

— Она и так считает, что ты скрываешь что-то ужасное, — продолжала Энни.

Адам поставил кружку на стол. Очень медленно.

— Я и скрываю что-то ужасное.

У меня внутри все сжалось. Сердце ударило где-то под ребрами.

— Просто не то ужасное, которое она себе придумала.
Тишина. Даже Энни ничего не ответила сразу.

— Ты хоть спишь? — наконец спросила она.

Адам коротко усмехнулся. Без намека на веселье.

— Иногда.

— Врешь.

— Немного.

Я заметила седой волос возле его виска. Совсем тонкий. Едва заметный. Но раньше его точно не было.

— Она рядом? — неожиданно спросила Энни.

Адам обернулся. Наши взгляды встретились. Он вздрогнул. Совсем чуть-чуть. Но я заметила.

— Теперь даа, — тихо ответил он.

— Тогда передай ей телефон.

— Энн...

— Передай. Немедленно.

Несмотря на все происходящее, уголок моих губ дрогнул. Потому что только Энни способна разговаривать с Адамом таким тоном и остаться после этого живой.

Он тяжело вздохнул и протянул мне телефон.

— Привет, детка, — сразу заговорила Энни. — Судя по лицу этого идиота, ты только что подслушала то, что не должна была подслушать.

— Возможно.

— Отлично. Значит хотя бы один из вас двоих сегодня вышел из режима овоща.

Я неожиданно хмыкнула. Настоящим смехом это назвать было нельзя. Но это был первый живой звук, который вырвался из меня за последние дни.

Совсем немного, но стало легче. Пожалуй, впервые с момента смерти Ляли мне показалось, что жизнь не закончилась. Она просто стала другой.

Глава 18

Эти двое, кажется, окончательно спелись. Энни так и не рассказала мне о той сверхсекретной тайне, которую они обсуждали с Адамом.

Но я и не просила.

Если честно, между горячим чаем в постели и расследованием очередного заговора я сейчас выбираю чай. Хотя любопытство, конечно, грызёт меня изнутри. Мне правда интересно. Но какой толк от моего интереса?

Если бы я могла на что-то повлиять, Адам и Энни давно бы уже рассказали мне всё и, возможно, даже попросили помощи. Но я была бесполезной раньше. А сейчас и подавно.

Голос Энни сегодня утром вернул мне маленький кусочек меня самой. Оказывается, я ужасно по ней скучаю.

Я взяла телефон. Несколько секунд просто смотрела на экран. Вспоминала, как им пользоваться.

Потом всё-таки напечатала:

— Я тебя люблю.

Этого было мало. Но это казалось самым главным.

Она ответила почти сразу.

— И я тебя люблю, Кэт. Я так скучаю по тебе, как ты?

В груди неприятно кольнуло. Наверное, потому что я разделяю с ней эти чувства. Тоже безумно скучаю. По Энни. По нормальной жизни. По себе.

— Я в порядке, — написала я.

И тут же закатила глаза. Интересно, на что я рассчитывала? Что смогу так тупо соврать человеку с двумя высшими образованиями? Или человеку, который знает меня лучше, чем я сама?

Сообщение от Энни прилетело спустя несколько секунд.

— Кэт, мне надо сделать вид, что я поверила?

Я невольно фыркнула.

Следом пришло ещё одно.

— Даже я не в порядке.

Ну вот. Я же говорила. На что я вообще надеялась? Я отправила ей несколько смеющихся смайликов.

Социальные сети — самое лицемерное место на планете. Ты можешь танцевать в ночном клубе до утра и писать о том, как тебе плохо. А можешь рыдать на полу ванной комнаты и рассказывать всем, какая у тебя прекрасная жизнь.

— Почти горжусь тобой, — написала Энни.

Следом появилось ещё одно сообщение.

— Когда съешь что-нибудь горячее примерно на тысячу калорий, я начну гордиться тобой по-настоящему.

Я уставилась на экран. Потом перевела взгляд на кружку чая. Потом снова на телефон. Эти двое точно спелись. Адам обманом затаскивает меня в ванну. Энни манипулирует едой. Ещё немного — и они начнут составлять расписание моего существования.

Потрясающе. Меня окружают два тирана.

Что ж, я, конечно, проверю, есть ли у меня в холодильнике что-нибудь на тысячу калорий, но глубоко сомневаюсь в успехе этой миссии.

Впрочем, идти против Энни — всё равно что идти на встречу ядерному взрыву.

Итог всегда один.

Ты умрёшь.

Я снова перетащила своё тело на кухню. Адам как раз накрывал на стол.

— Командир дал указания накормить тебя, — сообщил он и поставил передо мной тарелку горячего супа. — Полагаю, с Энни ты спорить не станешь.

И ведь не поспоришь. Я действительно слушаюсь её куда лучше, чем Адама. Плюс она взяла с меня обещание прислать фотографию еды. Она тоже переживает. Просто делает это как курица-наседка с синдромом гиперопеки.

Не хочу расстраивать её ещё сильнее. Поэтому да. Я её слушаюсь.

С Адамом так почему-то никогда не работало. Хотя, если уж быть честной, эмоционального урона он мне нанёс значительно больше. Но ещё в начале наших отношений я за чем-то начала эту дурацкую игру в упрямство. Типа: «Ты меня так просто не возьмёшь, Адам». С тех пор и страдаем оба.

Я плюхнулась за стол. Сделала фотографию супа и отправила Энни. Пусть захлебнётся слюной. Уверена, завтрак она сегодня благополучно проигнорировала.

— Давай, детка, он вкусный, — сказал Адам. — Но ты смотришь на суп так, будто перед тобой куча дерьма.

Это было абсолютно справедливое замечание. Суп выглядел вполне аппетитно. Проблема была во мне. Меня утомляла даже мысль о том, что придётся жевать.

Я продолжала смотреть на тарелку так, будто она лично виновата во всех моих жизненных проблемах. Даже ложка казалась неподъёмной. Килограммов десять. Не меньше.

Адам заметил это. Молча забрал столовую ложку и заменил её чайной. Я посмотрела сначала на ложку. Потом на него. *Мило.*

Хочу такое же терпение, когда сама стану родителем.

— Мне снова закусать тебя в плед и кормить принудительно? — поинтересовался он.

Одна бровь приподнялась вверх.

Господи.

Такие скулы у него были всегда?

Я отрицательно помотала головой. Потому что прекрасно знала: он не шутит. И если понадобится, действительно будет сидеть рядом и кормить меня по ложке. Наверное, благодаря его упрямству и великой любви ко мне я до сих пор не умерла от голода.

Я взяла ложку. Первая порция далась тяжело. Меня слегка мутило. Но я заставила себя прожевать. Проглотить. Потом ещё раз. И ещё.

Ляля бы уже давно справилась с тем, что ты ничего не

ешь, Кэт.

От этой мысли внутри что-то болезненно дрогнуло.

Ляля.

Да для этой женщины вообще не существовало невозможных задач.

Хотя супы у тебя были отвратительные, бабуль.

Я невольно усмехнулась.

С каждой новой ложкой суп становился вкуснее.

Адам тем временем ушёл в спальню. Сказал, что соберёт мою коллекцию грязных кружек. Подозреваю, археологи потом будут изучать её как отдельную цивилизацию.

Я доела суп. Сидела перед пустой тарелкой и ждала его возвращения. Как пятилетняя девочка, которая надеется, что её сейчас похвалят за то, что она съела брокколи.

Но Адам не возвращался.

Странно.

Учитывая скорость, с которой я ела, он уже должен был успеть десять раз собрать все кружки мира.

— Адаааам! — крикнула я. — Я всеее!

Тишина.

Я нахмурилась.

Подождала ещё немного.

Ничего.

Тревога внутри подняла голову быстрее, чем я успела её остановить.

Нет.

Нет-нет.

Не начинай.

Я встала из-за стола и пошла в спальню.

— Адам?

Он лежал на кровати в какой-то странной позе. С закрытыми глазами. Совершенно неподвижно. У меня внутри всё оборвалось.

Боже.

Нет.

Только не это. Пожалуйста, только не это.

Я рванула к нему.

— Адам!

Схватила за плечи. Начала трясти.

Он что-то недовольно пробубнил. Поморщился. Но глаза не открыл.

Через секунду до меня дошло. Он не умер.

Боже..

Он просто уснул.

Нет. Не уснул. Его вырубил.

Я медленно выдохнула. Настолько резко, что самой стало смешно.

Вот дерьмо. Как же он устал. Или это я его так замучила?

Нет. По-любому есть что-то ещё. И Энни наверняка об этом знает. Конечно знает. Энни всегда знает больше, чем говорит.

Я осторожно накрыла его пледом. Поправила край у пле-

ча. На секунду задержала взгляд на его лице. Даже во сне он выглядел уставшим. Слишком уставшим.

Потом вернулась на кухню. Взяла телефон. Пора звонить начальству. Докладить о съеденном супе. И заодно устроить небольшой допрос.

Я набрала Энни и спустя пару гудков она взяла трубку. По голосу было слышно, что она чем-то занята. Скорее всего чем-то важным. Но она никогда не лишит нас возможности поговорить.

Тем более сейчас. Тем более когда я сама сделала шаг навстречу.

— Энни? Докладываю. Суп съеден.

— Вот теперь я горжусь тобой, Кэт.

— Энни. Давай поговорим.

Я решила начать издалека, чтобы её внезапные важные дела не стали причиной очередного побега.

— Давай, Кэт. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

Я покрутила кружку в руках.

— А вот Адам нет.

— Адам? А что с ним?

— Энни... а что с ним?

На другом конце повисла тишина. Такая длинная, что я даже успела пожалеть о вопросе.

— Энни, мы можем сколько угодно делать вид, что всё прекрасно. Но он выглядит как живой труп. Он буквально

отрубился сейчас. Не уснул. Вырубился. Понимаешь?

— Кэт... на него сейчас столько всего взвалилось. Плюс он переживает за тебя.

— А я переживаю за него. И за тебя, кстати, тоже.

Я замолчала. Странно. Раньше я бы никогда такого не сказала вслух.

— У меня больше никого не осталось, Энн. И моя боль не означает, что вы перестали для меня существовать.

Энни вздохнула. Не раздраженно. Её голос смягчился.

— Я знаю, детка.

Голос Энни стал тише.

— Правда знаю.

— Тогда расскажи мне.

— Не могу.

Я застонала и откинулась на спинку стула.

— Да господи...

— Это не моя тайна, Кэт.

— Вы сговорились.

— Да.

— Энни!

Я услышала её смех. Настоящий. Живой. Такой, которого мне ужасно не хватало.

— Адам взял с меня обещание. Он сам тебе всё расскажет.

— Вы ужасные люди.

— Мы прекрасные люди.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

Я уже собиралась придумать ещё какой-нибудь весомый аргумент, когда на том конце вдруг что-то грохнуло. Потом послышался мужской голос. Очень далеко. Не разобрать слов. Просто голос.

Энни резко закашлялась. Подозрительно резко. Я даже прищурила глаза.

— Что это было?

— Что?

— Мужчина.

— Где?

— У тебя.

— Это телевизор.

— Энни.

— Что?

— Ты живёшь одна и ты никогда не смотришь телик. Нахрена, кстати, ты его вообще покупала?

Повисла пауза. Очень подозрительная пауза. Потом снова что-то стукнуло. И тот же голос сказал что-то ещё. Уже ближе.

Я улыбнулась.

— Энни.

— Кэт.

— Ты покраснела?

— Мы разговариваем по телефону, идиотка.

— Значит покраснела.

— Кэт...

— Кто он?

— Никто.

— Ага.

— Клянусь.

— Энни.

— Кэт.

— Я сейчас чувствую себя тобой.

— Это ужасно.

— Да. Теперь ты понимаешь, каково было мне.

На другом конце кто-то тихо рассмеялся. Не Энни. Муж-чина. Совсем негромко.

Кажется теперь, Энни действительно запаниковала.

— Мне пора!

— ЭННИ!

— Люблю тебя!

— ЭННИ!

— Пока!

И она сбросила вызов. Эта сучка отключила меня!

Я ещё несколько секунд смотрела на телефон. А потом неожиданно для себя снова улыбнулась.

Если у Энни действительно кто-то появился... То, возможно, жизнь всё-таки продолжалась. Даже после таких потерь.

Подумать только, пару недель назад я злилась, что жизнь продолжается, когда у Ляли её больше нет. Когда моя жизнь встала на паузу, а у всех остальных текла своим чередом.

Хотя откуда мне знать, что там у других.

Но вчера, когда я позвонила Энни и услышала, что рядом с ней кто-то есть... мужчина... и я почти уверена, что они там не учебники обсуждали, мне вдруг стало тепло.

Пусть у неё всё получится. Пусть это окажется её человек. Она заслужила любовь. Аминь.

Адам всё ещё спал. Четырнадцать часов. Я специально проверяла. И будить его не собиралась.

Пока что.

Хорошо, что его вырубил именно в нашей кровати. Я наконец снова спала рядом с его запахом. Знаю, Я сначала сама его оттолкнула. До сих пор иногда колю своими иголками. Но признаться, насколько он мне нужен, всё ещё не могу.

Почти месяц прошёл...

Почти месяц с тех пор, как какая-то часть меня умерла вместе с Лялей.

Благодаря армейскому режиму, который Адам устроил в квартире, я теперь не могу начинать утро без чая. Мне что, придётся делать его самой?

Как лень.

Кэт, ты зазналась. В курсе?

К хорошему быстро привыкаешь.

Я поплелась на кухню. Поставила чайник. И едва не спа-

лила его, потому что даже не проверила, есть ли внутри вода.
— Блядь...

Даже чайник для меня сейчас какая-то инженерная задача повышенной сложности.

Сегодня захотелось сладкого чая. И тут выяснилось, что я понятия не имею, где у нас сахар. Мы вообще покупаем сахар? Я когда-нибудь стану полноценным взрослым человеком?

Делаю ставку, что мой двухметровый мужчина засунул его куда-нибудь под потолок.

Открыв холодильник, я начала искать глазами хоть что-то сладкое.

Вижу банку. Варенье. Клубничное. Домашнее.
Я замерла.

Медленно взяла банку в руки.

На крышке всё ещё держалась выцветшая бумажка, приклеенная скотчем. Неровная надпись синей ручкой: «Котёнку. Не сожри всё сразу.» Лялин почерк.

У меня сразу защипало глаза. Потом горло. Потом будто весь воздух закончился. Я провела пальцами по этим буквам. По её буквам. По тем самым кривоватым "т", которые она всегда писала одинаково.

Боже.

Она ведь держала эту банку в руках. Закручивала крышку. Подписывала её. Думала обо мне. Планировала будущее, в котором будет ещё сто таких банок. Ещё сто приездов. Ещё

сто разговоров. Ещё сто раз скажет мне, что я слишком худая. Ещё сто раз заставит есть.

А теперь...

Теперь у меня осталась только эта банка.

Слёзы начали капать на крышку. Одна. Вторая. Третья.

Я попыталась открыть варенье. Крышка не поддавалась. Попробовала ещё раз. Потом ещё.

Пальцы дрожали так сильно, что банка едва не выскользнула.

— Ну же...

Не открывается.

— Ляля...

Я уже ревела. По-настоящему. Не тихо. Не красиво. Не как в кино. А так, как плачут дети, когда теряют что-то важнее целого мира.

— Ну пожалуйста...

Я даже не понимала, к кому обращаюсь. К банке. К Богу. К бабушке. Ко всей этой чёртовой вселенной. Лишь бы хоть что-нибудь вернулось назад.

Крышка наконец сорвалась. В нос ударил запах клубники. Обычный запах. Самый обычный. Но для меня это был запах её кухни. Её рук. Её дома. Её самой.

Я прижала банку к груди и медленно сползла на пол.

Я больше никогда не попробую варенье, которое Ляля приготовит следующим летом. Следующего лета для нас уже не будет.

— Я скучаю по тебе... - прошептала я. И заплакала так сильно, что даже не услышала шагов за спиной.

Адам появился на кухне тихо. Наверное, стоял там уже какое-то время. Но ничего не говорил.

Просто сел рядом на холодный пол. И осторожно обнял меня.

В этот раз я не стала отталкивать его. Он ощущался как опора, которое мне была жизненно необходимо, чтобы остаться здесь.

Я прижимала банку к груди так сильно, словно внутри неё хранилось что-то гораздо более ценное, чем клубничное варенье. Последний подарок. Последнее лето. Последняя забота.

Адам ничего не спрашивал. Не говорил, что всё будет хорошо. Не просил успокоиться. Наверное потому, что мы оба понимали — хорошо уже не будет. Будет просто по-другому.

Я всхлипнула и закрыла глаза.

— Она подписала её для меня...

Голос сорвался.

— Я знаю.

— Она всегда так делала.

— Знаю, любимая.

— А теперь больше не сделает.

Последнюю фразу я произнесла шёпотом. Почти беззвучно. Будто боялась услышать её вслух.

Рука Адама сильнее сжала мои пальцы.

Я посмотрела на него. Он все еще выглядел уставшим. Очень. Под глазами залегли тени. Щетина давно перестала быть аккуратной.

Кажется, пока я разваливалась на части, он тоже не особенно заботился о себе. Только продолжал держаться. За нас двоих.

— Мне страшно, Адам.

Он поднял взгляд.

— Знаю, Кэт.

— Нет. Не из-за смерти.

Я покачала головой. Слезы снова начали течь.

— Мне страшно, что я забуду её голос. Страшно, что забуду, как она смеялась. Как ругалась. Как пахнет её дом. Как она меня называла. Мне страшно, что однажды проснусь и пойму, что не могу вспомнить её лицо.

Господи...

От одной этой мысли внутри всё оборвалось.

Адам придвинулся ближе.

— Не забудешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я до сих пор помню голос своего деда.

Я удивлённо посмотрела на него. Он редко рассказывает о себе. Очень редко. Почти никогда.

— Иногда память становится единственным местом, где человек продолжает жить.

Я снова расплакалась. Это прозвучало слишком правиль-

но. И слишком больно.

Некоторое время мы просто сидели на полу кухни. Молча. Солнце светило через окно. Где-то шумели машины. У соседей лаяла собака. Мир продолжал жить так, будто ничего не произошло. И это всё ещё бесило. Но уже не так сильно.

Я прислонилась лбом к плечу Адама. Он осторожно поцеловал меня в макушку.

Ляля умерла. Это никогда не перестанет быть правдой. Но если я сейчас отпущу ещё и Адама... Тогда я потеряю уже двоих. А этого я не переживу.

Глава 19

Я сама не заметила, как уснула. Прямо на кухне. Сидя на полу рядом с Адамом.

Наверное организм решил, что если хозяйка отказывается отдыхать добровольно, придётся выключать её принудительно.

Когда я открыла глаза, солнце уже сместилось к соседнему дому. На плечах лежал плед.

Адам сидел за столом. Ноутбук был открыт. На экране мелькали какие-то таблицы, графики, письма. Он смотрел в монитор так сосредоточенно, будто от этого зависела чья-то жизнь. Может быть даже наша.

Какое-то время я наблюдала за ним молча. Просто наблюдала. И чем дольше смотрела, тем меньше мне нравилось то, каким Адам становился.

Он похудел. Очень. Щёки стали острее. Под глазами закрепились темные синяки. Плечи напряжены так сильно, словно он носил на них мешок цемента.

Когда он в последний раз нормально спал? Когда нормально ел? Когда вообще отдыхал?

Адам провёл ладонью по лицу. Закрыв глаза. Буквально на пару секунд. Но выглядело это так, будто сил не осталось даже держать веки открытыми.

Мне стало неприятно. Потому что я увидела себя со сто-

роны.

Все эти недели он вытаскивал меня из болота. Кормил. Следил чтобы я мылась. Спала. Пила воду. Дышала. Жила. А кто следил за ним? Никто. Включая меня.

Адам поднял голову и заметил, что я проснулась. Улыбнулся. Сразу. Как будто только этого и ждал.

— Привет, соня.

— Привет.

— Как себя чувствуешь?

— Отвратительно.

— Тогда всё идёт по плану.

Я фыркнула.

Он широко улыбнулся.

Потом экран ноутбука снова привлёк его внимание. Что-то мигнуло. Появилось уведомление. Адам резко захлопнул крышку. Слишком резко.

Я замерла. Он тоже.

Блядь. Вот оно.

Тот самый разговор с Энни. Те самые документы. Тот самый переезд. Или что-то ещё. Что-то достаточно серьёзное, чтобы скрывать это месяцами.

— Ты опять это сделал.

— Что?

— Посмотрел на меня как человек, которого поймали.

Адам тихо выдохнул. Потёр переносицу.

— Кэт...

— Нет, всё нормально.

Я подняла руку.

— Правда нормально. Просто скажи честно.

Он поднял взгляд.

— Что именно?

— Это связано с тем, почему ты уехал?

Молчание. Очень красноречивое молчание.

— Да.

Я кивнула.

Странно. Раньше от такого ответа меня бы уже разорвало на части. Сейчас нет. Сейчас мне просто хотелось правды.

— И это опасно?

Он задумался. Надолго. Слишком надолго.

— Для тебя нет.

Очень интересная формулировка. *Для тебя нет.* Значит для него — возможно да.

Внутри снова шевельнулась тревога. Та самая, которую я почти месяц пыталась похоронить вместе со всеми остальными чувствами.

— Адам...

— Мм?

— Ты ведь не умираешь?

Он моргнул. А потом неожиданно рассмеялся.

— Нет, детка.

— Хорошо.

— Это был твой единственный вариант?

— Ты выглядишь как человек на последнем издыхании.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Он покачал головой. Но улыбаться не перестал.

Поймала себя на мысли, что мы разговариваем почти как раньше. Не идеально. Не без боли. Но как раньше. Этого ужасно не хватало.

Кажется, в заботе нуждаюсь не только я.

Ты долбанная эгоистка, Кэт.

Сегодня, когда я ненадолго вернулась в реальность, вид Адама меня напугал. Очень напугал. Меньше всего мне хочется верить в то, что он так измучился из-за меня. Пусть берёт пример со своего сообщника. Энни зря время не теряет, судя по всему.

— Я приму ванну.

Мне понравился эффект, который она даёт. Я, блядь, только сейчас осознала все прелести горячего водоснабжения и ощущения чистоты. А мне, между прочим, уже двадцать четыре.

— Вау, детка. Ты просто умница.

Адам похвалил меня так, будто я совершила какой-то подвиг.

— А ты в кровать!

Я ткнула в него пальцем.

— Командир сменился.

— Кэт, мне надо...

Я перебила его прежде, чем он успел договорить. Потому что ничего, кроме здорового сна, ему сейчас не надо.

— А тебе, мой дорогой, надо в кровать. Без обсуждений.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

— Это шантаж?

— Нет.

— Тогда что?

— Забота.

Он посмотрел на меня так, словно это слово прозвучало максимально подозрительно.

— Звучит опасно.

— Ещё как.

Я скрестила руки на груди.

— Или ты идёшь спать сам, или я звоню Энни.

Адам сразу прищурился.

— Это грязный приём.

— Я училась у лучших.

— Вы обе чудовища.

— Спасибо.

Он тяжело выдохнул и откинул голову назад.

— Господи, дай мне сил.

— Не поможет.

— Почему?

— Потому что Господь тоже на нашей стороне.

На секунду мне показалось, что он сейчас рассмеётся. Но

улыбка быстро исчезла. Усталость победила. Он прикрыл глаза всего на мгновение.

Я увидела. Увидела то, что он так старательно прятал. Дрожащие пальцы. Серое лицо. Напряжённые плечи. Бесконечное истощение. Как будто внутри него что-то медленно ломалось. Прямо сейчас. И никто этого не замечал. Но я замечала.

В груди неприятно кольнуло. Я слишком хорошо знала это состояние. Когда тебе настолько плохо, что уже всё равно. Когда окружающие видят только оболочку. Когда силы уходят даже на то, чтобы делать вид, что всё нормально.

— Адам.

Он открыл глаза.

— Мм?

— Ты меня пугаешь.

На этот раз улыбаться он не стал. Только долго смотрел на меня. Очень.

— Прости.

Мне стало совсем не по себе. Звучало все так, будто извинялся он не только за усталость. Будто за что-то гораздо большее. Но я не стала спрашивать.

— Иди спать.

Уже тише сказала я.

— Пожалуйста.

Что-то в моём голосе заставило его перестать спорить. Он поднялся. Подошёл ко мне. Осторожно убрал волосы с моего

лица. И осторожно поцеловал в лоб.

— Хорошо.

Я уже собралась идти в ванную, когда он вдруг взял меня за руку.

— Только долго не пропадай.

Я подняла бровь.

— Боишься?

— Конечно.

— Чего?

— Что ты снова решишь жить в ванной.

Я фыркнула.

— Тогда тащи подушку туда.

— Не провоцируй меня.

Мы оба улыбнулись. По-настоящему.

Когда я вернулась из ванной, квартира была непривычно тихой. Настолько тихой, что я сначала испугалась. Потом вспомнила, что сама отправила Адама отдыхать.

Спальня встретила меня приглушённым светом ночника. Адам лежал поверх одеяла. В одежде. Даже не укрылся. Будто собирался просто прикрыть глаза на минуту. И провалился.

Я замерла в дверях.

Господи. Да он действительно выжат досуха. В груди появилось неприятное чувство вины. Сколько недель я была занята только собственной болью? Сколько раз он вот так сидел рядом, когда я спала? Сколько раз смотрел, дышу ли

я? Сколько раз боялся оставить меня одну?

Я осторожно подошла. Потянула край одеяла. Укрыла его. А потом легла рядом. Очень осторожно. Чтобы не разбудить.

Но стоило мне устроиться на подушке, как он открыл глаза.

— Я же говорил, что не сплю крепко.

Голос был хриплым. Сонным..

— Извини.

— За что?

— Разбудила.

— Кэт.

Он посмотрел на меня так, будто я сказала какую-то глупость.

— Я рад, что ты рядом.

И всё. Никаких громких признаний. Никакой драмы. Но лично мне стало теплее.

Мы лежали молча. Смотрели в потолок.

Как раньше.

Когда жизнь ещё не развалилась на куски.

— Адам?

— Мм?

— Ты скучал по мне?

Он повернул голову.

— Серьёзно?

— Что?

— Я месяц таскал тебя в ванную, кормил с ложки и сле-

дил, чтобы ты не угробила себя.

— Это не ответ.

Он тяжело вздохнул.

— Безумно скучал.

Горло неприятно сжалось.

— Даже когда я вела себя как стерва?

— Особенно тогда.

Я тихо засмеялась. Он тоже усмехнулся.

— Адам?

— Да, детка.

— Обещай мне одну вещь.

Он напрягся. Я почувствовала это даже через матрас.

— Какую?

— Что если станет совсем плохо... ты расскажешь мне.

Молчание. Долгое. Очень долгое. Я уже решила, что он не ответит.

Но потом услышала тихое:

— Обещаю.

Я не знала, про что именно спрашиваю. Про его работу. Про его бесконечные секреты. Про то, что происходит в его голове. Про всё сразу. Но почему-то поверила.

— Хорошо.

Адам придвинулся ближе. Осторожно. Словно спрашивая разрешения. А я, неожиданно для себя, сама прижалась к нему. Потому что устала быть сильной. Потому что устала быть одна. Потому что иногда любить кого-то — это просто

позволить ему быть рядом.

Мы наконец уснули вместе. Без истерик. Без таблеток. Без кошмаров. Просто вместе.

Я впервые за долгое время провалилась в нормальный крепкий, не могу сказать, что совсем здоровый, но сон.

Было так спокойно. Так приятно.

Секреты оставались, тревожность оставалась, боль... боль тоже оставалась. Всё оставалось. Но это не помешало нам обоим наконец-то быть рядом. По-настоящему рядом.

Когда я проснулась, Адама рядом не было. Естественно. Это уже стало каким-то вариантом нормы.

Чёрт возьми. Да я выпалась. Я реально выпалась.

Каждая клетка моего организма будто благодарила меня за это.

— Бабуль? Я выпалась.

Горько это признавать, но только после смерти Ляли я впервые смогла нормально уснуть. Абсурдно звучит. Но боль, которая занимает большую часть моей души, будто учит меня жить рядом с собой. Не исчезает. Не становится меньше. Просто перестаёт душить каждую секунду.

Я села на кровати и потянулась. Мышцы неприятно тянуло, но это была естественная боль. Настоящая. Не та, что сидит внутри груди.

Я подошла к окну и распахнула шторы. Сегодня наша серая квартира заслуживает солнечного света. И свежего воздуха. Поэтому я открыла окно.

Прохладный ветер тут же ворвался внутрь, зашевелил занавески и коснулся моей кожи. По рукам побежали мурашки.

Это утро было прекрасно ещё и тем, что в нём не было тишины. Из кухни доносился звон посуды, шипение чайника и... Музыка?

Не громко. Думаю, Адам просто не хотел меня будить. Но если в этих стенах снова звучит что-то кроме моей истерики, значит ли это, что жизнь всё-таки продолжается?

Я пошла на кухню. Тело всё ещё было тяжёлым. Голова всё ещё была забита мыслями. Но мне легче.

Ляль? Мне легче.

Адам готовил завтрак.

Настоящий завтрак из продуктов. Не просто кипяток с заваркой. Не уверена, что хочу есть. Но надеюсь, у него самого появился аппетит.

Я подошла к нему со спины и обняла. Он вздрогнул. Испугался? Адам испугался меня? Он что, думает, что за ночь в квартире поселился кто-то ещё?

— Доброе утро, любимая.

Сегодня он выглядел лучше. Синяки под глазами всё ещё были, но уже не такими страшными. И цвет лица немного вернулся.

— Доброе.

— Выспалась?

— Ага.

— Вот видишь. Иногда сон полезнее саморазрушения.

— Зануда.

— Это наследственное.

Я нахмурилась.

— У тебя в семье все такие?

— Нет. Только те, кто тебя любят.

Чёртов подлиза. Я закатила глаза.

— Я в душ.

Адам тут же притянул меня к себе и поцеловал в макушку.

Потом слегка отстранился и посмотрел мне в глаза.

— Составить компанию?

Уголок его губ поднялся в знакомой наглой ухмылке.

Очень такой... Игровой.

Я почувствовала, как предательски краснеют щеки.

Боже.

Как можно смущаться одного и того же человека спустя столько лет?

Адам заметил. И от этого улыбнулся ещё шире.

— Займись завтраком, Адам. Иначе мы умрём либо от голода, либо от рук Энни.

— Ты зануда, Кэт.

— Это наследственное.

На этот раз рассмеялся уже он.

Я чмокнула его в плечо и ушла в ванную.

Горячий пар быстро начал заполнять помещение. Я уже почти разделась, когда со стороны стиральной машины раз-

далась вибрация.

Телефон.

Телефон Адама.

Наверное, забыл его здесь утром. Я не обратила внимания. Продолжила стягивать футболку. Но телефон завибрировал снова. Потом ещё раз. И ещё.

Словно специально не давал мне спокойно уйти.

Я ненавижу себя за это. Правда ненавижу. Но мне стало казаться, что я обязана посмотреть. Просто обязана.

Я взяла телефон. На экране высветилось имя. Макс. Друг детства Адама. Они не общались каждый день, как мы с Энни. Но Адам всегда говорил, что Макс — один из немногих людей, которым он доверяет. Пару раз мы пересекались. Весёлый парень. Лёгкий. Из тех людей, которые могут разговаривать даже кирпич.

Обычно они обсуждали какие-то компьютерные игры, машины или очередной гениальный план разбогатеть за неделю. Но сейчас сообщения выглядели иначе.

Я чувствовала себя отвратительно. Словно предаю Адама. Предаю нас. Но палец уже коснулся экрана.

— Адам, они снова приходили. Надо поговорить.

Ответ был отправлен несколько часов назад.

— Это твой косяк.

— Я не засовывал нас в эту задницу.

Следующее сообщение.

— Я серьёзно. Они знают адрес.

Я нахмурилась. Какие ещё "они"?

Следом ответ Адама. Холодный. Незнакомый. Совсем не похожий на того человека, который сейчас жарит мне омлет.

— Я рекомендую тебе решить этот вопрос в ближайшее время, Макс.

Несколько минут тишины. Потом новое сообщение.

— Ты идиот? Ты тоже на прицеле.

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод.

На прицеле? Что? О чём вообще речь? Ответ Адама появился почти сразу. Наверное отвечает со своего ноутбука. Или у него что, есть ещё один телефон?

Адам, ты странный!!!

— Из-за кого я на прицеле, Макс?

— Адам. Сегодня в шесть.

И всё. Конец переписки. Я несколько секунд просто смотрела на экран. Потом заметила кое-что ещё. История сообщений была слишком короткой. Слишком.

Кто-то регулярно удалял большую часть переписки.

В голове сразу всплыли неизвестные номера. Ночные звонки. Усталость Адама. Его синяки под глазами. Разбитые костяшки. Секреты. Переезд. Страх в его взгляде. И то, как он запрещал мне закрывать двери.

Телефон в моих руках вдруг стал тяжёлым. Очень тяжёлым.

Так что мне теперь делать? Выйти на кухню и устроить допрос? Признаться, что я рылась в его телефоне? Сделать

вид, что ничего не видела?

Из кухни донёсся голос Адама:

— Кэт? Ты там не утонула?

Я вздрогнула..

Учитывая, что я дохрена времени пялилась в телефон Адама, пришлось быстро окатить себя ледяной водой, чтобы прийти в себя и вернуться на кухню раньше, чем он сам придёт меня спасать.

— Кэт? — уже второй раз позвал Адам из-за двери. — Кэт?

— Я... я иду, Адам. Дай мне минутку.

Голос предательски дрогнул. Потому что моя внутренняя идиотка решила, что ледяной душ — прекрасное решение для человека с тревожностью.

Гениально.

Я ещё пыталась растереть полотенцем руки, когда дверь ванной приоткрылась.

— Ты в порядке?

Адам появился на пороге так быстро, словно был готов выбить дверь.

Его взгляд тут же пробежался по мне сверху вниз. По лицу. По плечам. По рукам. По ногам.

Он искал кровь, синяки или следы того, что я опять устроила себе маленький конец света. Я бы предпочла, чтобы он смотрел на меня так по другим причинам.

— Да, — слишком быстро ответила я. — Просто решила

взбодриться.

— Не пизди.

Я даже моргнула.

— Что?

— Ты вся дрожишь.

Только сейчас я заметила, что действительно дрожу. Мелко. Некрасиво. И совсем не соблазнительно. Как маленькая собачка, которая больше напоминает крыску.

— Это помогает от отёков.

— Кэт.

— Что?

— Ты похожа на замороженную курицу.

Я фыркнула.

— Очень романтично.

— А ты попробуй не устраивать себе арктическую экспедицию в ванной.

Я уже собиралась пройти мимо него, когда вспомнила: Телефон. Чёртов телефон.

— Адам.

— Мм?

— Телефон. Ты забыл телефон.

Он замер. Буквально на долю секунды. Но я заметила. Потому что теперь замечала всё.

Его взгляд метнулся к стиральной машине. Потом ко мне. Потом снова к телефону. Слишком быстро. Слишком внимательно. В груди неприятно кольнуло.

Он шагнул вперёд, взял телефон и почти сразу убрал его в карман. Даже не посмотрел экран. Словно заранее знал, кто ему пишет. Словно и так понимал, что там.

А потом сделал то, чего я совершенно не ожидала.

Подхватил меня на плечо. Просто взял и перекинул через плечо, как мешок картошки.

— Адам!

Я возмущённо ударила его ладонью по спине.

— Пусти меня!

— Нет.

— Почему?!

— Потому что я сказал тебе согреть свою задницу.

И шлёпнул меня по бедру.

— Адам!

— Молчи.

— Я взрослая женщина!

— Ты хуже.

— Это оскорбление?

— Это диагноз.

Ненавижу его. Люблю его. Ненавижу. Люблю.

Он донёс меня до спальни и аккуратно усадил на кровать. Потом завернул в одеяло. Потом в плед. Потом, кажется, ещё немного в чувство собственной беспомощности.

— Я не ребёнок.

— Конечно нет.

— Тогда перестань меня кутать.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты только что попыталась превратиться в ледышку.

Я закатила глаза.

Адам ушёл на кухню.

А я осталась сидеть. С Максом в голове. С этим проклятым "они знают адрес" в голове.

Раньше мне казалось, что секрет Адама касается работы. Переезда. Денег. Может быть каких-то проблем с документами. Чего-то скучного. Взрослого.

Но сейчас... Мне стало по-настоящему страшно. Потому что люди не пишут друг другу "ты тоже на прицеле", если речь идёт о коробках для переезда.

Через несколько минут Адам вернулся с подносом. Чай. Омлет. Тосты. Запах еды моментально заполнил комнату. Но сам он выглядел уже иначе. Совсем иначе. Собранный. Напряжённый. Будто внутри него щёлкнул какой-то переключатель.

Он поставил поднос на тумбочку. И начал искать ключи. Сердце неприятно сжалось.

Сердце, если ты продолжил так делать, я клянусь, я ударю тебя.

— Ты куда?

— Нужно ненадолго уйти.

Я почувствовала, как внутри меня снова просыпается тре-

вога. Медленно. Тихо. Как старая болячка, которая только ждала удобного момента.

— Надолго?

Адам поднял на меня взгляд. Улыбнулся, но не глазами. Только губами.

— Нет.

Это был плохой знак.

Потому что обычно, когда Адам врёт, он улыбается именно так.

Глава 20

Дверь захлопнулась. А мое утро полетело в помойку.

Оно должно было быть совсем другим. С завтраком. С солнечным светом. С глупыми шутками Адама. Может быть даже с тем самым ощущением, что жизнь понемногу начинает собирать меня обратно из осколков.

Вместо этого внутри снова разрасталась тревога.

Стоп. А куда вообще ушел Адам? Макс писал про шесть вечера. Разве нет?

Я опустила на край кровати и уставилась в стену.

Позвонить ему?

А что я скажу?

«Привет, любимый. Пока ты готовил мне завтрак, я лазила в твоём телефоне и теперь знаю чуть больше, чем должна знать?»

Отличный план, Кэт. Гениальный.

Привычный мандраж уже затягивал меня обратно в свой водоворот. Я ходила по квартире кругами. Из спальни на кухню. С кухни в гостиную. Потом обратно. Как зверь в клетке.

Мне хотелось что-нибудь сделать. Что угодно. Разбить кружку. Закричать. Выбежать на улицу. Сломать что-нибудь. Лишь бы выпустить это напряжение наружу.

Но я боялась.

Нет. Не себе навредить. Себя мне давно не жалко.

Я боялась новых следов. Боялась, что Адам увидит их. Увидит и поймет, что все его бессонные ночи, уговоры, чай, ванны, объятия — не помогли.

Не хочу делать ему больно. Не сейчас.

Телефон зазвонил.

Я чуть не навернулась об угол дивана, пока бежала к нему.

Энни.

Серьезно? Она же должна учиться. Или работать. Или спасать мир.

Но сейчас мне казалось, будто сам *Богот*правил её ко мне.

Очень вовремя.

Очень.

— Кэт? Ты в порядке? — сразу спросила она.

— Я? Да в полном.

— Врешь.

— Даже не поздоровалась.

— Потому что ты врешь.

Я закатила глаза.

Даже через телефон она каким-то образом видит меня насквозь. Ведьма.

— Кэт... Адам сказал, что ты осталась одна.

Я резко выпрямилась.

— Адам? Что значит "сказал"?

— Успокойся, пожалуйста. Он позвонил мне. Сказал, что переживает и попросил набрать тебя.

Я фыркнула.

Конечно.

Сам исчезает.

А сиделкой назначает Энни.

Прекрасно.

— Энни... я больше так не могу.

Мой голос дрогнул.

— Я серьезно. Мне кажется, мое сердце скоро сдастся.

Сначала Ляля. Потом эти его секреты. Теперь еще это. Скажи мне, что происходит.

На другом конце повисло молчание. Слишком долгое. Настолько долгое, что я уже знала ответ.

Она знает. Хотя бы часть, но знает.

— Детка, — наконец сказала Энни очень мягко, — тебе нужно успокоиться.

— Не говори мне успокоиться.

— Тогда приезжай ко мне.

Я замерла.

— Что?

— Приезжай ко мне.

— Сейчас?

— Да.

— Энни, ты ненавидишь спонтанность.

— Неправда.

— Ты составляешь список покупок в алфавитном порядке.

— Это называется организация.

— Это называется психическое расстройство.

Она посмеялась, я и сама неожиданно улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

— Серьезно, Кэт. Приезжай.

— А работа?

— Работа никуда не денется.

— А учеба?

— Тоже.

— А Адам?

— Особенно Адам.

Странная фраза. Очень странная. Она прозвучала так, будто смысл был гораздо глубже, чем должен был быть.

Я нахмурилась.

— Энни...

— Да?

— Ты что-то знаешь.

— Конечно знаю.

— И не расскажешь?

— Не расскажу.

— Ненавижу вас обоих.

— Знаю.

— Особенно тебя.

— Тоже знаю.

Я вздохнула. Вот же сучка невыносимая. Опять выигрывает.

— Энни?

— Мм?

— Мне показалось или пару дней назад у тебя дома был мужчина?

На другом конце повисла такая тишина, будто я попала точно в цель. Потом раздался тихий смешок.

— Приезжай и узнаешь.

— О боже.

— Именно.

— Энни...

— Да?

— Ты улыбаешься?

— Приезжай и проверь.

Я покачала головой. Просто. Невыносима.

— Я поговорю с Адамом и дам ответ.

— Хорошо.

— Энни?

— Что еще?

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже люблю, Кэт.

После разговора с Энни я все равно не смогла успокоиться. Слова из переписки крутились в голове по кругу, как заевшая пластинка.

«Они снова приходили.»

«Они знают адрес.»

«Ты тоже на прицеле.»

Что вообще должно происходить в жизни человека, чтобы ему писали подобное?

Я то собирала сумку к Энни, то замирала посреди комнаты и подолгу смотрела в одну точку.

Какое-то дежавю. Снова ожидание. Снова неизвестность. Снова я не понимаю, что происходит вокруг.

Никак не могу собраться.

Нет, я знаю, что Адам точно не будет против моей поездки. Но мне хотелось обсудить это с ним. Я же не могу просто взять и исчезнуть. Что он тогда подумает?

А если я окажусь в самолете, а он вдруг не сможет до меня дозвониться?

Так драматизировать умеешь только ты, Кэт.

Адам не берет трубку. От этого становится только тревожнее.

Зато мама звонила уже второй раз за день. Это слишком много. Но после смерти Ляли я старалась отвечать на каждый её звонок. Просто чтобы она не оставалась одна. Хотя, если быть честной, никакой благодарности за это не получала.

Навряд ли её очередные сомнительные мужчины могли её утешить. Но я не такая жестокая, как она. Мне её жалко.

Не было еще ни одного дня, чтобы мама позвонила мне трезвой. Видимо продолжает лечить себя проверенным способом.

Споры бесполезны. Разговоры тоже. Она просто исполь-

зует меня как помойное ведро. Сливают весь негатив. А потом заканчивает разговор, будто ничего не произошло.

Ляля всегда говорила не обращать внимания. Но мое тело до сих пор реагирует на мамин голос одинаково. Паникой.

Я стараюсь думать о чем угодно другом. Отвечаю коротко. Односложно. Но все равно сжимаю кулак до боли. Или впиваюсь ногтями в бедро. Просто чтобы не улететь в воспоминания.

Уже совсем стемнело. Мама никак не могла закончить разговор. А Адама все не было.

— Мам, телефон садится. Я пойду спать, ладно?

Вру.

Без зазрения совести.

— Давай, дочка. Спокойной ночи.

Я с облегчением выдыхаю. И ругаю себя за то, что не сделала этого раньше. Но благодаря маме я хотя бы убила несколько часов ожидания. Пусть и самым дерьмовым способом.

Я уже собиралась звонить Энни. Просить приехать. Искать вместе со мной взрослого двухметрового мужчину. Как входная дверь наконец щелкнула. Раз. Потом второй.

— Я дома.

Голос Адама.

Усталый. Хриплый. Сломанный.

Я выдохнула так резко, будто несколько часов не дышала. Потом увидела его. И снова перестала дышать.

Господи.

Что можно делать несколько часов, чтобы превратиться в это?

На руках снова расцвели разбитые костяшки. Под глазами залегли еще более темные тени. Походка тяжелая. Словно каждое движение дается через силу. Пока он снимал куртку и обувь, то едва заметно морщился.

Даже стонал иногда. Тихо. Будто думал, что я не замечу.

Я подошла ближе. Помогла снять куртку. Взяла его за руку. Провела пальцами по свежим ссадинам.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него. И наверное выглядела как перепуганный кот.

— Ты в порядке? Что случилось?

Я все-таки не выдержала.

— Детка, это не важно.

Он сразу перевел разговор.

— Ты как? Я оставил тебя одну. Прости.

Я стиснула зубы. И промолчала. Потому что если открою рот, то обязательно скажу что-нибудь злое.

Он же понимает, да? Что я не могу быть в порядке. Не сегодня. Не сейчас. Не когда он выглядит так, будто подрался с грузовиком.

На его лице мелькнула вина. А потом он начал привычно осматривать меня.

Искал повреждения.

И нашел.

— Что это?

Он ткнул пальцем мне в бедро. Туда, где уже наливался новый синяк.

— Это?

Я быстро отвела взгляд.

— Синяк. Ударилась об угол кровати.

Кэт. Ты идиотка. У вас мягкая обивка. Специально для твоей неуклюжей задницы.

— Телефон.

— Что?

— Телефон.

Он протянул руку. На этот раз не попросил, а требовал. И выглядел настолько уставшим и злым, что спорить расхотелось сразу.

— Зачем?

— Кэт.

Телефон.

Я протянула его с самым мерзким выражением лица, на которое была способна.

Пусть знает, что мне это не нравится и что так со мной разговаривать не надо.

Через несколько секунд он вернул его обратно.

Я нахмурилась. Потом увидела, что контакт мамы исчез.

Точнее не исчез.

Был заблокирован.

— Зачем ты это сделал?

Адам посмотрел мне прямо в глаза. Потом снова на синяк. И осторожно надавил на него пальцем.

Я зашипела.

— Потому что если ты не можешь справиться с тем, что разрушает тебя, это сделаю я.

Повисла тишина.

Я открыла рот.

Закрыла.

Потом снова открыла.

И снова закрыла.

Потому что одновременно хотела его поблагодарить. Обидеться. И расплакаться.

В итоге не сделала ничего. Только молча прижалась лбом к его плечу. На пару секунд. Совсем чуть-чуть.

— Любимый. Пойдем ко мне.

Он устало усмехнулся. И позволил увести себя в спальню.

Я подтягиваю его за собой на кровать. Усаживаю. А сама устраиваюсь сзади, обложившись подушками как какая-то старая королева на пенсии.

Он либо настолько устал, что ему уже все равно, либо заинтригован моими действиями. Потому что даже не сопротивляется.

Я начинаю стягивать с него футболку, но Адам тут же перехватывает мои руки.

— Кэт, не сейчас... я...

— Адам, я не собираюсь домогаться до тебя. Просто рас-

слабься.

Он смотрит на меня несколько секунд. Потом сдается.

— Какая жалость.

— Господи.

Футболка все-таки отправляется на пол. Я кладу ладони ему на плечи и тихо выдыхаю.

Боже мой. Да они каменные. Не напряженные. Не уставшие. Именно каменные. Словно этот человек несколько недель подряд носил на себе бетонные плиты. Или целый мир.

Я осторожно начинаю разминать мышцы. Адам зажмуривается. Из его груди вырывается тихий стон. То ли от боли. То ли от облегчения. То ли от всего сразу.

— Детка...

Он тяжело выдыхает.

— Спасибо тебе.

— Тебе нужен отдых.

— Возможно.

— Не возможно, а точно нужен.

Я чувствую, как под моими пальцами перекачиваются напряженные мышцы. Шея тоже забита. Спина забита. Плечи забиты. Даже руки словно постоянно находятся в готовности что-то удерживать.

Интересно, когда он вообще в последний раз расслаблялся? Год назад?

— Как прошел день? — спрашиваю я.

Адам усмехается. Но как-то невесело.

— Дерьмово.

— Оно и видно.

Я надавливаю на особенно напряженное место возле лопатки.

Он вздрагивает.

— Черт.

— Вот именно.

Некоторое время мы молчим. За окном уже начинает темнеть. По стеклу ползут отблески фар. Где-то наверху кто-то двигает мебель. Обычная жизнь продолжается.

Удивительно.

— Но я так понимаю, подробности меня пока не ждут?

Я чувствую, как его спина моментально напрягается.

Попала.

— Кэт...

— Мм?

— Я все расскажу.

Он смотрит куда-то в стену.

— Обещал же.

Я продолжаю массировать его плечи.

— Когда?

— Скоро.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Я закатываю глаза.

— Хорошо.

Он явно удивляется тому, что я не начинаю спорить. Честно говоря, я тоже удивлена. Но сил на войну сейчас нет ни у него, ни у меня.

— Энни предложила приехать к ней.

На этот раз я буквально чувствую, как он напрягся. Не увидела, но почувствовала. Будто под моими руками прошел электрический разряд.

— Да?

Слишком быстро ответил.

— Да.

— Отличная идея.

Еще быстрее.

Я прищурилась.

— Адам.

— Что?

— Меня не покидает ощущение, что это твоя идея.

Он тут же поднимает руки вверх.

— Я тут вообще ни при чем.

— Врун.

— Клевета.

— Адам.

— Кэт.

— Адам.

— Кэт.

Я легонько стукнула его по затылку.

Он рассмеялся. Настоящим смехом. Редкость в последнее время.

— Ладно. Возможно мы обсуждали это.

— Возможно?

— Совсем чуть-чуть.

— Очень убедительно.

— Я старался.

— Нет.

— Ну и ладно.

Я покачала головой.

Этот мужчина может шутить даже тогда, когда выглядит так, будто вот-вот отключится прямо на месте.

— И когда мне предлагается отправиться в ссылку?

— В шесть утра.

— Что?

— Самолет в шесть утра.

Я замерла.

— Серьезно?!

— Абсолютно.

— Во-первых, какого хрена, Адам?

— Сильный аргумент.

— Во-вторых, какого хрена?!

Он начинает смеяться. Я тоже невольно улыбаюсь.

— *Моей* женщине нужно хотя бы немного поспать.

— А чего не в три часа ночи?

— Я рассматривал этот вариант.

— Ненавижу тебя.

— Неправда.

— Иногда ненавижу.

— Уже лучше.

Я тяжело вздыхаю.

— Я так понимаю это не обсуждается?

— Господи, Кэт.

Он наконец поворачивается ко мне. Усталый. Измотанный. С синяками под глазами. Но такой родной. Такой свой.

— Не разыгрывай драму. Я же тебя не в детдом отправляю.

— Очень смешно.

— Делаешь вид, что не скучаешь по Энни?

Я обиженно хмыкаю.

— Скучаю.

— Вот и отлично.

— Но мне не нравится оставлять тебя одного.

На этот раз уже он замолкает. Надолго.

Я чувствую, как его пальцы находят мою ладонь. Сжимают. Слишком крепко. Словно он сам не заметил, как сделал это.

— Со мной все будет хорошо, детка.

Тихо говорит он.

Я наклоняюсь вперед и кладу подбородок ему на плечо.

— Обещаешь?

Он отвечает не сразу.

Слишком долго не отвечает.

— Скучаю — обиженно хмыкнула я.

— Ну вот.

— Но мне не нравится оставлять тебя одного.

Я чувствовала под пальцами, как снова напряглись его плечи. Будто один этот вопрос весил несколько килограммов.

— Со мной все будет нормально.

Слишком быстро ответил он.

Я нахмурилась.

— Врешь.

— Конечно.

— Хотя бы честно.

— Всегда пожалуйста.

Я легонько дернула его за волосы. Он тихо рассмеялся. Потом накрыл мою ладонь своей. Теплой. Шершавой. И местами разбитой.

— Просто съезди к Энни, ладно?

— Ладно.

— Отдохни.

— Ладно.

— Поешь нормально.

— Ты уже говоришь, как она.

— Потому что кто-то из нас должен быть взрослым человеком.

— И это точно не я.

— Это вообще не ты.

Я рассмеялась. Тихо. Но весьма искренне.

Адам повернул голову и посмотрел на меня. Он улыбается только потому, что улыбаюсь я. Самому ему сейчас совсем не весело.

Я как смогла промассировала ему плечи и шею. Просто надеюсь, что это хотя бы капельку облегчит его состояние. Адам кажется расслабился, потому что опустил голову и почти лег мне на грудь.

— Ну все! — хлопаю его по плечам. — Массажный салон закрывается. Хозяйка, как оказалось, вылетает рано утром.

Адам повернулся ко мне. Затем поцеловал. И еще раз. А потом мы уже не могли остановиться.

Наши тела тоже скучали друг по другу. Но было в этом что-то еще. Не просто желание. Не просто голод. Что-то гораздо глубже. Будто последние недели мы оба только и делали, что пытались выжить. Я ненадолго отстранилась от него.

— Адам, ты что, на войну меня отправляешь? Целуешь так, будто прощаешься. Я послезавтра буду дома.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Слишком долгим. Будто хотел что-то сказать. Очень важное. Но в итоге только усмехнулся.

— Кэт, давай на сегодня ты заткнешься. — не обещаю - твой рот предназначен для другого, так что заткнись или..

Я вернула свои губы на место, на их место. Адам заразил

меня потому что теперь и мне хочется целовать его так будто мы завтра умрем.

Когда мы вместе, время летит со скоростью света. Или даже быстрее.

Кажется, будто всего несколько секунд назад мы растворились друг в друге. Еще несколько секунд назад никак не могли насытиться друг другом.

И вот он уже будит меня на самолет в шесть утра.

Ненавижу.

— Лучше бы ты взял билет на три часа ночи, — сонно и лениво ворчу я, натягивая одеяло на голову.

Такое чувство, будто меня отправляют в школу. Совсем не хочется вставать. И совсем не хочется отпускать его.

— Кэт, ты опоздаешь.

Какого черта он такой бодрый?

Я приоткрываю один глаз.

Нет. Не бодрый. Просто делает вид. Синяки под глазами никуда не делись. Да и взгляд слишком напряженный для человека, который хорошо провел вечер. А мы провели вечер просто превосходно, стоит заметить.

— Ты вообще ложился?

— Я позаботился о том, чтобы ты не ехала с пустым железнодорожником.

На кухне уже пахло тостами и кофе.

Черт бы его побрал.

Даже сейчас он заботится обо мне больше, чем о себе.

Я села на кровати и потеряла лицо ладонями.

А я как выгляжу?

Нет.

Не буду смотреть в зеркало. Не сегодня.

— Скинь мне обратный билет на почту, пожалуйста, — кричу я, пока Адам гремит чем-то на кухне. Еще чуть-чуть и он станет идеальной домохозяйкой.

— Я еще не купил. Скину позже.

— Сама куплю.

— Кэт.

Даже через стену слышно, как он закатывает глаза.

— Я скину. Позже.

— Слушаюсь, папочка.

— Ты просто заноза в заднице.

Я смеюсь. Люблю такого Адама. Живого. Настоящего. Того, который ворчит на меня по утрам и делает вид, что не переживает.

Я быстро затолкала в себя тост, сделала несколько глотков кофе и побежала собираться. Вчерашний вечер совершенно не оставил времени на сбор вещей.

Пришлось заниматься этим утром. Впрочем, жалоб у меня не было.

Такси уже ждало у подъезда. Утренний город выглядел непривычно пустым. Небо только начинало светлеть. Воздух был прохладным. Таким, от которого окончательно просыпаешься.

Адам вышел проводить меня. Конечно вышел. Он бы, наверное, и в багажное отделение самолета залез, если бы это помогло ему меньше переживать.

Он поставил сумку возле машины. Посмотрел на меня. Просто посмотрел.

Слишком внимательно. Словно пытался запомнить.

— Детка, напиши как долетишь, ладно?

— Будь осторожнее, Адам.

Слова вырвались раньше, чем я успела подумать. Слишком быстро. Слишком серьезно.

Он сразу нахмурился. Я заметила это мгновенно.

Черт.

Идиотка, Кэт. Полная идиотка.

В груди неприятно кольнуло. Я не хотела, чтобы он догадался. Не хотела, чтобы он понял, что я видела сообщения. Не хотела добавлять ему еще одну проблему. Поэтому быстро улыбнулась. Настолько беззаботно, насколько вообще была способна.

— Люблю тебя. Пока.

Я захлопнула дверь машины. Такси тронулось.

Адам остался стоять возле дома. Засунув руки в карманы.

Высокий.

Уставший.

Мой.

Я обернулась еще раз. Он все еще смотрел вслед машине.

Что-то, что уже начало разваливаться, а я пока просто это-

го не понимала.

До аэропорта я добралась почти на автопилоте. Впрочем, как и большую часть последних недель. Город за окном медленно просыпался. Люди спешили на работу. Открывались кофейни. Кто-то выгуливал собак. Кто-то ругался по телефону. Обычное утро. Самое обычное.

Это все ещё казалось странным.

Как может мир продолжать жить так спокойно, когда внутри тебя все еще торчит дыра размером с целую вселенную?

Я прислонилась лбом к холодному стеклу.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Адама.

Адам: Не забыла паспорт?

Я улыбнулась.

Кэт: Нет

Через несколько секунд пришло следующее.

Адам: Точно?

Вот теперь я засмеялась. Водитель даже посмотрел на меня через зеркало заднего вида.

Кэт: Да, папочка.

Ответила я.

Три точки появились почти сразу. Потом исчезли. Потом снова появились. Я буквально видела как он подбирает слова.

Адам: Я серьезно, Кэт.

Кэт: Я тоже.

Адам: Это настораживает

Кэт: Люблю тебя.

Адам ответил не сразу.

Адам: И я тебя. Очень.

Очень. Почему именно очень? Не просто люблю. А очень люблю. Странно.

В последнее время все его слова звучат так, будто он пытается сказать намного больше, чем говорит вслух.

Я убрала телефон.

Нет.

Я не буду снова думать об этом. Не сейчас. Не сегодня.

Через полтора часа я уже сидела в самолете. На этот раз без виски. Без истерики. Без желания исчезнуть.

Наверное это прогресс.

Ляля бы мной гордилась. Хотя скорее всего сказала бы: «Не зазнавайся раньше времени.»

Я усмехнулась.

Самолет начал набирать высоту. Облака медленно скрыли город. И вместе с ним Адама.

От этой мысли внутри что-то неприятно сжалось. Очень захотелось написать ему еще раз. Просто так. Без причины. Спросить как он. Сказать какую-нибудь глупость. Но потом я вспомнила его лицо утром. Усталое. Напряженное. И решила не отвлекать.

Пусть занимается своими загадочными взрослыми про-

блемами.

Я закрыла глаза.

А когда самолет приземлился, я первым делом проверила телефон.

Одно сообщение. От Адама. Естественно от него.

Адам: Долетела?

Я закатила глаза снова. Конечно. Нормальные люди сначала говорят «привет». Или «как ты». Или хотя бы «рад, что ты добралась». Но не мой мужчина. Мой сначала проверяет признаки жизни.

Кэт: Нет. Самолет упал. Пишу тебе с того света.

Ответ прилетел почти мгновенно.

Адам: Очень смешно.

Кэт: Спасибо.

Адам: Кэт.

Кэт: Да?

Тишина. А потом короткое: «Люблю тебя.»

Я нахмурилась. Опять. Снова это странное ощущение. Словно он пытается сказать что-то еще. Что-то важное. Но не говорит.

Я уже хотела написать ему какую-нибудь гадость в ответ, но телефон снова завибрировал.

Энни: Я жду тебя возле выхода.

Вот черт. Я даже ускорила шаг. Кажется я действительно соскучилась. По-настоящему соскучилась.

Поток людей медленно двигался к выходу. Чемоданы. Де-

ти. Крики. Объявления по громкой связи.

Где-то среди всего этого хаоса стояла она. Высокая. Собранная. В своем длинном пальто. С кофе в руках. И с тем самым выражением лица, которое появлялось у нее каждый раз, когда она переживала. То есть постоянно.

Наши взгляды встретились.

Я даже не успела ничего сказать.

Энни просто поставила стаканчик на ближайшую стойку и пошла ко мне. Быстро. Очень быстро.

А потом крепко обняла. Так крепко, что у меня перехватило дыхание.

— Господи, Кэт...

Только и сказала она.

Никаких правильных слов. Никаких советов. Никаких лекций. Простое человеческое объятие.

У меня защипало глаза.

— Даже не начинай, — пробормотала я ей в плечо.

— Тогда не плачь.

— Тогда не обнимай меня так.

— Не могу.

Мы обе засмеялись. Немного нервно. Немного грустно. Но засмеялись.

Энни отстранилась и внимательно осмотрела меня. С головы до ног. Потом еще раз.

— Ты выглядишь лучше.

— Это потому что ты меня давно не видела.

— Нет.

Она покачала головой.

— Правда лучше.

Я ничего не ответила.

Где-то глубоко внутри понимала. Она права.

Мне все еще больно. Очень. Но я больше не чувствую себя призраком. По крайней мере не каждую минуту.

Мы вышли из аэропорта. Я заметила черный внедорожник возле парковки. Мужчина за рулем сразу посмотрел в нашу сторону. Потом отвел взгляд.

Ничего необычного. Наверное. Но почему-то по спине пробежал холодок.

— Ты чего? — спросила Энни.

— Ничего.

Я отвернулась. Машина уже тронулась с места.

Наверное показалось.

Наверное.

Где-то очень далеко внутри тревога снова открыла один глаз.

И начала просыпаться.

Глава 21

Я и без всех этих тайн была тревожным человеком, а сейчас.. Сейчас у меня паранойя по любому поводу. Но зато я почти перестала нервничать в транспорте.

Потрясающий обмен.

Психика сказала: «Выбирай что-то одно, Кэт». И я, видимо, выбрала проблемы покрупнее.

— Где наше такси? — спрашиваю я, пытаюсь определить, какой из сотни автомобилей возле терминала ждёт именно нас.

Энни молчит. Просто стоит рядом и куда-то смотрит. Странная. Очень странная женщина

— О нет. Только не говори, что придётся трястись в автобусе. Если ты обеднела, то я всё оплачу.

Я смеюсь, глядя на неё. Энни закатила глаза и наконец-то заговорила.

— Успокойся, Кэт. Мы поедем на машине.

— Ты что, купила машину?

— Кэт.

— Что «Кэт»? Ты сегодня вообще будешь разговаривать со мной?

Она нервно поправляет волосы. Нервно.

Энни. Человек, который способен спокойно объяснить преподавателю, почему его предмет составлен через задни-

цу. Человек, который однажды отправил вежливое письмо на три страницы в управляющую компанию, потому что её раздражала лампочка в подъезде. Человек, который никогда не нервничает.

А сейчас нервничает.

Подозрительно. Может, это связано с Адамом? Или мы так долго не виделись, что ей просто неловко рядом со мной?

Нет. Это ещё подозрительнее.

Неожиданно для меня мы останавливаемся возле чёрного внедорожника. Рядом стоит мужчина. Высокий. Почти как Адам, но чуть ниже. Тёмные волосы. Короткая стрижка. Широкие плечи. Очень широкие. Аккуратная тёмная щетина. Такая, которую мужчины делают специально. А ещё он смотрит прямо на нас. И улыбается?

Я перевожу взгляд на Энни. Потом на него. Потом снова на Энни. Потом опять на него. Потом ещё раз на Энни.

Потому что мой мозг уже начинает складывать два плюс два.

— Боже мой.

— Кэт...

— Энни, ты притащила меня сюда, чтобы продать в секс-рабство?

На секунду повисает тишина. А потом Тео начинает смеяться. Громко, к несчастью Энни, смеяться.

Она закрыла лицо руками и по её щекам начал разливаться румянец.

— Блядь, Кэт...

— Что? Я просто уточняю условия сделки.

— Иногда мне кажется, что тебя вообще нельзя выпускать в общество.

— Зато со мной весело.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

Тео уже откровенно и несдержанно смеётся. А Энни смотрит на него так, словно сейчас задушит нас обоих.

Кажется я начинаю понимать. Кажется да.

О.

О-о-о.

Так вот оно что.

— Познакомься, это Тео.

Энни произносит это максимально нейтральным голосом. Слишком нейтральным. Подозрительно нейтральным.

— Тео, это Кэт. Ну... ты в курсе.

Улыбка расплзается по моему лицу настолько широко, что мне приходится прикрыть рот руками. Я буквально подпрыгиваю на месте.

— Друг, значит?

— Кэт.

— Друг?

— Кэт.

— Просто друг?

— Кэт, клянусь богом...

— Очень приятно познакомиться, Тео.

Я протягиваю ему руку с максимально серьёзным видом.

— Наслышан о тебе.

Вот.

Всё.

Теперь я точно знаю, что они встречаются. Потому что мужчина в здравом уме не сможет произнести фразу «наслышан о тебе» с такой осторожностью.

Его явно заранее предупреждали. Наверняка проводили инструктаж. Возможно даже выдавали памятку по технике безопасности.

— Спасибо, — говорю я и делаю театральный реверанс.

— Сочувствую.

Тео снова смеётся. От чего Энни отчаянно застонала.

— Я уже жалею, что познакомила вас.

— А я нет.

— Кэт.

— Что?

— Замолчи.

— Не могу.

Тео открывает заднюю дверь автомобиля.

— Девушки?

— Тео, я сяду сзади вместе с Кэт, чтобы она не выпрыгнула на ходу.

— Предательница, — возмущаюсь я.

— Проверенная временем мера безопасности.

Мы устраиваемся на заднем сиденье. Машина плавно трогается с места. Я смотрю в окно. Потом на Энни. Потом снова на Тео. Потом опять на Энни.

Она чувствует мой взгляд. Всем своим телом чувствует.

— Даже не начинай.

— Я ещё ничего не сказала.

— Вот именно. И это меня пугает ещё больше.

Я улыбаюсь. Мне так хорошо, почти спокойно.

Не идеально. Не счастливо. Боль никуда не делась. Ляля всё ещё мертва. Проблемы Адама всё ещё существуют.

Но сейчас рядом со мной сидит самый родной человек в моей жизни. Моя семья. Впереди сидит человек, который заставляет её улыбаться. А я впервые за много недель чувствую себя не сломанной.

Просто живой.

Около часа мы добирались по пробкам. Тео высадил нас у дома Энни. Но, кажется, он не собирался идти с нами.

Мы стояли возле подъезда, когда Энни вдруг развернулась и почти бегом вернулась к машине. Осторожно оглянулась на меня. Словно я не увижу. Словно я слепая. Словно за последние годы я не научилась читать её лучше любого учебника по психологии.

Она быстро наклонилась к открытому окну. Что-то сказала Тео. А потом поцеловала его в щеку. Всего на секунду. И

тут же убежала обратно.

Глупая. Абсолютно глупая женщина. Если она правда думает, что я ничего не заметила. И ещё более глупая, если считает, что сможет убедить меня в том, что этот мужчина просто её друг.

Я уверена, у них уже всё давно не ограничивается дружбой. И, судя по тому, как она сейчас выглядит, весьма успешно не ограничивается.

Энни так не светилась даже тогда, когда у них с Люком всё было хорошо.

А сейчас... Сейчас она буквально сияла. Будто внутри неё кто-то включил дополнительное солнце.

— А куда это он? — максимально невинно спрашиваю я. Пусть думает, что я ничего не поняла.

— Домой.

— А-а-а...

Я медленно киваю. Потом смотрю на подъезд. Потом снова на Энни.

— А это?

— А это мой дом, Кэт.

Она смотрит на меня как на человека с тяжелой черепно-мозговой травмой.

— Ты ударилась головой?

— Возможно.

— Не все начинают жить вместе через пять минут после знакомства, как вы с Адамом.

Я возмущенно фыркаю.

— Ни о чем не жалею.

— Конечно не жалеешь.

— И вообще, если бы не мы с Адамом, кто бы показывал вам плохой пример?

— Господи...

Энни закрывает лицо руками.

Я довольно улыбаюсь. Вот теперь узнаю её.

Мы поднимаемся по лестнице.

И чем выше идем, тем сильнее меня охватывает что-то ещё, как бы встаёт рядом в месте с болью, которая живет внутри меня.

Что-то теплое. Что-то живой. Может быть даже надежда, на то что я способна продолжать эту жизнь.

Может быть, просто радость за человека, которого любишь. Потому что Энни заслужила это. Заслужила кого-то, кто смотрит на неё так, как Тео смотрел сегодня. Без жалости. Без игр. Без попыток переделать. Просто смотрел. И, кажется, был счастлив только потому, что она существует.

Я бы очень хотела, чтобы на этот раз всё получилось.

Хотя бы у неё.

Глава 22

В ход пошла третья бутылка вина. И мне уже начинало казаться, что если этого не хватит, то придётся переходить на водку. А дома у Энни осталась только водка. А это, между прочим, очень страшно.

Водка никогда не приводит ни к чему хорошему.

Никогда.

Особенно двух женщин с тревожными расстройствами и отсутствием инстинкта самосохранения.

Пока мы отдыхали и болтали как обычно обо всём на свете, я медленно вытаскивала из Энни правду.

А она из меня.

Мы успели тысячу раз посмеяться. Тысячу раз поплакать. Тысячу раз обнять друг друга. И ещё примерно тысячу раз решить, что жизнь — редкостная сука.

Теперь я знала всё. Как она познакомилась с Тео. Где познакомилась. Почему согласилась пойти с ним на свидание. Почему не согласилась сразу. Почему всё-таки согласилась потом.

И даже в каких позах они успели друг друга узнать. Подробно. Очень подробно.

У вина оказался удивительный побочный эффект. Оно превращало Энни в живую аудиокнигу. Без цензуры.

— Сучка, я так рада, что ты больше не строишь из себя

мисс Невинность.

— Ой, будто ты лучше.

— Конечно лучше.

— Кэт.

— Что?

— Я тебя ещё не простила.

Несколько минут назад я рассказала ей о таблетках. О том, как мне хотелось исчезнуть. О том, что я делала с собой. О синяках. О боли. О том, насколько всё было плохо. Хотя почему было..

И Энни это совсем не понравилось. Она до сих пор периодически смотрела на меня так, словно хотела одновременно обнять и придушить.

— Грёбанный Адам. Мог бы рассказать мне.

— Это не его тайна.

Я поддавливаю её мгновенно.

— Упс.

— Ага.

— Не начинай.

— Уже начала.

Она показывает мне средний палец. Я гордо улыбаюсь. Победа.

Маленькая. Но победа.

Я допиваю остатки вина в бокале.

— Ну что, Энни. Готова согрешить?

— Я не стану с тобой спать.

— Дура. И я с тобой не стану.

Мы обе начинаем смеяться. Так сильно, что у меня начинают болеть щёки.

Господи. Как же я скучала по ней. По этим разговорам. По этим вечерам. По ощущению, что рядом есть человек, которому не нужно ничего объяснять.

Когда смех немного стихает, я снова беру бутылку. Пусто. Очень плохой знак.

Я ставлю её обратно на стол.

— Энни.

— М-м?

— Как-то всё это странно.

Она сразу понимает, что я больше не шучу. Её плечи едва заметно напрягаются. Но я прекрасно это замечаю.

— Что именно?

— Пару дней назад я случайно увидела сообщения в телефоне Адама.

Тишина.

Секунда.

Вторая.

Третья.

— Да?

Слишком спокойно. Слишком осторожно. Энни строит из себя Бог знает кого.

— Да.

Я внимательно смотрю на неё.

— Там были какие-то угрозы. Макс. Какой-то прицел. Какие-то люди. А потом вы дружно отправляете меня к тебе. И почему-то оба делаете вид, что всё замечательно.

Энни медленно ставит бокал на стол. Слишком медленно. Она тянет время и вижу её насквозь.

— Да?

— Энни.

— Что?

— Не беси меня.

— Я не понимаю, о чём ты.

— Врёшь.

— Не вру.

— Врёшь.

— Кэт.

— Энни.

Она закрывает глаза. Глубоко вздыхает. Потом смотрит на меня. И в её взгляде появляется что-то неприятное. Не вина. Не страх. Скорее беспокойство.

— Ты рылась в телефоне Адама?

— Я случайно увидела.

— Кэт.

— Ладно. Не совсем случайно.

— Господи...

Она трет лицо ладонями. Потом снова смотрит на меня.

— Ты рассказала ему?

— Нет.

— Хорошо.

— Хорошо?!

— Да, хорошо.

Я моргаю.

— Энни.

— Что?

— Ты сейчас сказала это так, будто я могла случайно начать третью мировую войну.

На этот раз она не смеётся. И это мне совсем не нравится. Совсем.

Энни не просто что-то скрывает. Она кажется напугана.

И если Энни напугана... То, возможно, проблема намного серьёзнее, чем я себе представляла.

Я вздыхаю. Но мысленно аплодирую Энни стоя. Даже сейчас её не так просто разговорить. Эта женщина переживёт любой допрос. Любой.

Если однажды её похитят спецслужбы, они через неделю сами начнут рассказывать ей государственные тайны, лишь бы она перестала смотреть на них своим осуждающим взглядом.

— Ты куда? — подозрительно спрашивает Энни.

— За водкой.

— О нет.

— О да.

Блядь, а что мне ещё делать? Адам молчит. Энни молчит. Все вокруг молчат. А моя тревога тем временем пишет уже

пятую книгу из серии «Сто причин, почему всё очень плохо».

Через пару минут я возвращаюсь с полупустой бутылкой. Этого должно хватить. Наверное.

Я начинаю разливать нам шоты. Или пытаюсь это сделать. Потому что примерно треть содержимого оказывается на столе. Ещё немного на полу. И кажется немного на моей руке.

— Кэт, я тебя убью.

— Всё уберу. Клянусь.

Нихрена я не уберу. Мы обе это знаем. Энни тоже это знает. Но почему-то не сопротивляется.

Пару месяцев назад она призналась мне, что мечтает однажды напиться до состояния абсолютного овоща. Получается я просто исполняю её желания. Или очень качественно оправдываю собственный алкоголизм. Тоже вариант.

Мы чокаемся. Выпиваем. Мир становится чуточку мягче. Совсем немного.

— Скажи мне честно.

Энни уже заранее морщится.

— Нет.

— Я ещё вопрос не задала.

— Мне всё равно. Нет.

— Адам вляпался во что-то опасное?

Она закрывает глаза. Глубоко. Очень глубоко вздыхает.

— Господи.

— Это не ответ.

— И всё же.

Я наклоняюсь ближе.

— Почему я не должна об этом знать?

— Потому что у тебя тонкая душевная организация.

— Пошла нахрен.

— Потому что ты - Кэт.

— Ещё хуже.

Она усмехается.

— И вообще. Меньше знаешь — крепче спишь. Или как там говорила Ляля?

Улыбка тут же сползает с моего лица. Ляля всегда умела говорить правильные вещи. Даже когда меня рядом не было.

— Энни.

— Что?

— Я серьёзно.

Мой голос становится тише. Тяжелее.

— Мне страшно.

Она перестала улыбаться.

Я продолжаю:

— Ты хоть представляешь, что сейчас происходит у меня в голове?

— Представляю.

— Правда?

— Конечно.

Она берёт бутылку. Наливает ещё.

— Там сейчас теории заговора похлеще инопланетян.
Я невольно фыркаю. Потому что попала прямо в яблочко.
— Вот именно. Моё больное сердце может не выдержать.
Я давлю на жалость изо всех сил. Абсолютно бессовестно.
Энни смотрит на меня несколько секунд. Потом качает го-

ловой.

— Кэт...

— Что?

— Если те люди поймут, что у Адама есть ты...

Я замираю.

Она тоже.

Осознание приходит к нам одновременно.

— ...то ты станешь рычагом давления на него.

Тишина.

Секунда.

Вторая.

Третья.

Энни медленно закрывает лицо руками.

— Блядь.

Я выпрямляюсь.

— Что значит рычагом давления?

— Ничего.

— Энни.

— Ничего.

— Энни!

— Иди в жопу, Кэт.

— Энни!

— И твоя водка тоже.

Я смотрю на бутылку. Потом на неё.

— Вообще-то это твоя водка.

— Теперь я об это жалею.

— Какие люди?

— Кэт.

— Какие люди?!

— Господи.

Она опрокидывает в себя шот. Смотрит в потолок. Будто ищет там спасение. Но спасения нет.

Я уже вцепилась зубами. И не отпущу.

Хотя одновременно мне смешно. И тревожно. Очень тревожно.

Я беру телефон. Экран расплывается. Потом снова становится нормальным. Потом опять расплывается. Потом снова. Кажется водка работает.

Рядом Энни тоже смотрит в телефон. Что-то печатает. Отправляет. Улыбается. Потом снова печатает.

Как она вообще попадает по буквам?

— Флиртуешь с Тео?

— Иди нахрен, Кэт.

Вот. Точно флиртует.

Через секунду она фотографирует меня. Прямо в тот момент, когда я засовываю в рот картошку фри.

— Ты что, идиотка?!

— Возможно.

— Меня нельзя никому показывать.

Меня вообще нужно оградить от общества. Изолировать.

Где-нибудь далеко. На отдельном острове.

— Это Адаму.

Я моргаю.

— Чего?

— Фото.

— Зачем?

— Он спрашивает, поела ли ты.

Я несколько секунд смотрю на неё. Потом начинаю смеяться. Потом уже начинаю кричать, как умирающая чайка. Я почти задыхаюсь.

— Поела ли я?!

— Ну да.

— А он не хочет лично меня об этом спросить?

— Он думал, что ты спишь.

Конечно.

Из всех возможных вопросов во вселенной его интересует именно это. Не жива ли я. Не убила ли кого-нибудь. Не устроила ли пожар. А поела ли я.

Псих ненормальный. Любимый психопат.

Я беру телефон. Фотографирую Энни. Она в этот момент безуспешно пытается стянуть с себя джинсы. И выглядит так, будто проигрывает схватку с собственной одеждой.

— Кэт!

— Что?

— Удали.

— Никогда.

Я довольно улыбаюсь. Но потом разочарованно выключаю экран. У меня нет номера Тео. Пока что нет.

Но ничего. Я терпеливая. Очень терпеливая. А это фото определённо дождётся своего звёздного часа.

Этому миру сегодня определённо повезло чуть больше обычного. Потому что мы просто легли спать.

Не пошли гулять. Не пошли искать приключения. Не пошли к соседям. Не начали писать бывшим. Хотя, будем честны, при третьей бутылке вина такая вероятность уже существовала.

Но нет.

Мы просто рухнули в кровать. Правда, весьма странным способом. Потому что проснулась я где-то в районе ног Энни. Понятия не имею, как там оказалась. И не уверена, что хочу знать.

Меня разбудил телефон. Он звонил долго. Настойчиво. Я бы сказала раздражающе. Словно поставил себе цель уничтожить последние остатки человечности в моей голове.

— Какого хрена, Энн... — простонала я, натягивая на голову подушку.

— Заткнись и помоги мне его найти.

— Сама ищи. Я убита.

Для убедительности я изображаю выстрел себе в грудь.

Падаю обратно на кровать. И трагически умираю.

— Алоо-о-о...

Голос Энни звучит так, будто её подняли из могилы.

Сначала по её лицу было видно, что она собирается послать звонившего далеко и надолго. Очень далеко.

Но через секунду она вдруг выпрямилась. Поморгала. И продолжила злиться уже более осознанно.

Я не слышала, что говорят на другом конце. Но голос точно мужской.

— Адам! Она меня напоила! — возмущённо заявила Энни. — Ты вообще с кем связался?

Она бросила на меня такой взгляд, будто я лично споила половину континента.

Эти двое уже общаются чаще, чем мы с ним.

Я нащупала телефон под подушкой. Голова гудела. Во рту поселилась пустыня. Причём очень агрессивная пустыня.

Я включила экран. Посмотрела. Выключила. Снова включила. И только потом окончательно проснулась, когда увидела свои ночные сообщения.

О боже.

Нет.

Нет-нет-нет.

НЕТ.

Я открыла переписку с Адамом.

Сначала шли признания в любви. Много признаний. Очень много откровенных признаний. Потом какие-то бес-

связные буквы. Потом снова что-то про любовь. Потом угрозы. Потом опять любовь.

А затем я наткнулась на жемчужину.

"АДАМ Я ЗНАЮ ЧТО ТЕБЕ УГРОЖАЮТ. ПРЯМО СЕЙЧАС ИДУ В ПОЛИЦИЮ. КЛАУСТРОФОБИЯ И ОПОССУМ."

Я несколько секунд просто смотрела на экран. Пытаясь понять, что именно хотела сказать.

И главное... При чём здесь опоссум? Понятия не имею. Ночная Кэт была женщиной-загадкой.

Пока я оценивала масштабы катастрофы, Энни продолжала ругаться с Адамом.

Потом резко протянула мне телефон.

— На. Разбирайся.

— Что?

— Забирай своего мужчину обратно.

— А ты куда?

— В душ.

Она поморщилась. Понюхала собственную футболку. И посмотрела на меня с осуждением.

— Ты что, пролила на меня водку?

Я честно задумалась.

— Возможно.

— Невыносима.

В полном моральном разложении я взяла трубку.

— КЭТ!

Господи.

Я никогда не слышала, чтобы Адам произносил моё имя с таким количеством эмоций одновременно. Вот теперь я окончательно проснулась.

Судя по тону, он уже успел поседеть. Причём дважды.

Потом на том конце послышался глубокий вдох.

Второй.

Третий.

И только после этого он заговорил нормально.

— Детка... никогда больше так не делай.

— Не упиваться вусмерть?

— Именно.

Он не надолго замолчал.

— И да, Кэт?

— Что?

— Засунь своё любопытство в задницу. Хорошо?

Я закатила глаза. Будто он мог меня видеть.

— Может быть.

Адам был идиотом, если думал, что после этого разговора я внезапно стану разумным человеком. Я уже разочарована тем фактом, что спустя столько лет он всё ещё иногда переоценивает мои способности принимать хорошие решения.

— Во сколько я лечу домой?

Повисла короткая пауза. Такая, словно он ждал этого вопроса.

— Завтра ты никуда не летишь.

— Какого хрена, Адам?!

Вот пожалуйста. Сначала испортил утро Энни. Теперь моё.

— Кэт, тебе нужно ещё немного побыть у Энни.

— Нет, Адам!

Меня буквально разрывало от раздражения. Не потому что я не хотела оставаться с Энни. Наоборот. Очень хотела. Но это ужасное чувство... Когда проблема существует. Все вокруг о ней знают. Кроме тебя.

Тебя берегут. Тебя защищают. Тебя отправляют подальше. Но никто не считает нужным объяснить почему.

— Либо ты сейчас всё рассказываешь...

— Либо?

Голос Адама стал подозрительно спокойным. Плохой знак.

— Либо я куплю билет сама и вернусь домой раньше, чем ты узнаешь об этом.

Я могу ошибаться, но этот придурок кажется усмехнулся. Невыносимый. Любимый. Придурок.

— Где твой паспорт, Кэт?

Я моргнула.

— Паспорт?

Из коридора мгновенно донёсся голос Энни: — В НАДЁЖНОМ МЕСТЕ!

Предательница. Абсолютная. Стопроцентная. Предательница.

— Вы оба невыносимы!

— Спасибо.

Ответили они практически одновременно.

Я бросила трубку.

И со всей драматичностью, на которую была способна, рухнула обратно на кровать.

Потолок смотрел на меня. Я смотрела на потолок. Где-то за стеной шумела вода. Энни принимала душ. Где-то в другом городе Адам снова пытался спасти всех сразу.

А я лежала между ними. Злая. Напуганная. *Кажется все ещё любимая.* И абсолютно ничего не понимающая.

Я уткнулась в подушку и обдумывала убийство. Сначала Адама. Потом Энни. Потом их обоих. Потом себя за компанию. Потому что только что выяснилось, что эти двое устроили международный заговор против меня.

И, судя по всему, весьма успешно.

— Они забрали мой паспорт... — простонала я в матрас.

Из ванной донесся голос Энни:

— Не забрали. Спрятали.

— Это еще хуже!

— Не драматизируй.

— Я буквально главный специалист по драматизации!

— Это правда.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Голова гудела. Во рту было сухо. Где-то в желудке плескалось вчерашнее решение перейти на водку.

Мир был жестоким местом. Особенно для похмельных людей.

Телефон завибрировал. Сообщение от Адама. Я открыла его и сразу нахмурилась.

Адам: Поешь что-нибудь горячее.

Вот и всё. Ни «люблю». Ни «скучаю». Ни «прости, что держу тебя в неведении». Просто: «Поешь что-нибудь горячее.»

Я закатила глаза. Потом улыбнулась. Потом снова разозлилась. Невозможно одновременно любить человека и хотеть ударить его подушкой.

Хотя нет. С Адамом очень даже возможно.

— Он написал? — крикнула Энни из ванной.

— Да.

— И что?

— Приказал есть.

— Хороший мужчина.

— Вы оба отвратительны.

Энни рассмеялась.

Я снова посмотрела на сообщение.

Палец завис над клавиатурой.

«Иди нахрен.»

Стерла.

«Я люблю тебя.»

Стерла.

«Расскажи мне правду.»

Стерла.

В итоге отправила: «Ненавижу тебя.»

Ответ пришел почти мгновенно.

Адам: Я тоже тебя люблю.

Скотина.

Я закрыла глаза. И почувствовала.. Почувствовала тревогу. Снова. Она вернулась незаметно. Как сквозняк под дверью. Как запах дыма. Как ощущение, что что-то не так. Что-то очень сильно не так.

Я села на кровати. Слишком резко. Голова тут же напомнила о вчерашней водке.

— Ай, блядь...

— Что случилось? — спросила Энни, выходя из ванной с полотенцем на голове.

— Не знаю.

— Очень информативно.

— Нет, серьезно.

Я потерла лицо руками.

— Мне кажется, что-то происходит.

Улыбка медленно исчезла с лица Энни. Совсем немного. Но я заметила.

— Кэт...

— Нет. Не начинай.

Я подняла на нее взгляд.

— Я понимаю, что вы пытаетесь меня защитить. Понимаю. Правда. Но чем дольше мне никто ничего не говорит,

тем хуже становится. Потому что тогда мой мозг начинает придумывать версии самостоятельно. А мой мозг, Энни, это самый опасный человек из всех, кого я знаю.

Она тяжело вздохнула. Потом села рядом. Очень близко. Как раньше. Когда мы были младше. Когда всё было проще. Когда ни у кого из нас не было столько шрамов внутри.

— Кэт.

— Мм?

— Пообещай мне кое-что.

Мне уже не понравилось начало.

— Нет.

— Я еще не договорила.

— Все равно нет.

Энни фыркнула. Потом неожиданно взяла меня за руку.

— Просто пообещай, что если узнаешь что-то неприятное... ты не побежишь спасать мир самостоятельно.

Я замерла. Это был очень странный выбор слов.

Очень.

— Энни...

Она сразу отвела взгляд. Слишком быстро.

Какого блядь хрена?

Но я понимала. Они боятся не только за себя. Они боятся за меня.

— Кэт, я поговорю с тобой, если ты уничтожишь что-нибудь горячее, ладно?

Ни я, ни мой желудок этого делать не хотели. Он букваль-

но протестовал. Причем очень активно. Мне казалось, если я сейчас запихну в себя хоть что-то тяжелее воды, он объявит забастовку и немедленно вернет всё обратно.

Но я соглашаюсь. Потому что жить в неведении больше не могу. Просто не могу.

Энни заваривает две порции острой китайской лапши. Такой острой, что она способна воскресить мертвого или окончательно его добить. Затем наливает нам по огромной кружке крепкого сладкого кофе. И напоследок впихивает мне таблетку аспирина.

Люблю её. Очень. Особенно в те моменты, когда она заботится обо мне насильно.

— Да ем я, ем! — возмущаюсь я, замечая, как Энни внимательно наблюдает за мной. Она буквально следит за каждой моей вилкой. Точнее палочками. Точнее попытками пользоваться палочками.

— Кэт...

— Да говори уже.

— Кэт, я не скажу тебе всё. Потому что сама не знаю всей правды. И не могу быть уверена во всём до конца.

Я сразу напрягаюсь.

— Энни, ты нагнетаешь.

— Возможно.

Она делает глоток кофе. Потом смотрит мне прямо в глаза.

— И да, Кэт. Адам не должен знать, что я тебе что-то рас-

сказала. Просто продолжай играть в дуру, хорошо? Я не хочу потом выслушивать лекцию о том, какая я сука.

— Справедливо.

— Очень справедливо.

— Клянусь хранить молчание.

Я поднимаю руки вверх. Всё мое внимание теперь приковано к ней. Наверное именно так выглядели люди, которые ждали раскрытия величайших тайн человечества. Или просто очень любопытные идиоты.

— Ешь.

— Ем.

— Кэт.

— Да ем я!

— Жуй.

Я демонстративно засовываю лапшу в рот.

Энни удовлетворенно кивает. И только после этого начинает говорить.

— Ты сейчас находишься со мной потому, что Адаму угрожают плохие парни.

Я перестаю жевать. Полностью.

— И если на себя ему абсолютно плевать...

Она делает паузу.

— То на тебя совсем нет.

Ком подкатывает к горлу. Настолько резко, что становится больно.

Я пытаюсь проглотить лапшу. Не получается. Просто си-

жу с набитым ртом. Молчу. Смотрю на неё. Без сарказма. Без шуток. Без очередной попытки выкрутиться. Мне страшно. По-настоящему страшно.

— Кэт.

Я моргаю.

— Нужно включить мозги сейчас, хорошо?

Я киваю. Медленно. Почти механически, словно я робот какой-то.

— Нужно понять, что ты в серьёзной заднице, если кто-то из этих ублюдков найдёт тебя. Сейчас у Адама всё более-менее под контролем. Если это вообще можно так назвать. Но ты можешь стать реальной проблемой. Рычагом давления.

Я вспоминаю сообщение Макса. Вспоминаю слова про адрес. Вспоминаю разбитые костяшки. Вспоминаю бессонные ночи. Вспоминаю то утро, когда Адам фактически отправил меня в ссылку к Энни.

Всё начинает складываться. В одну ужасную картинку.

— Всё, что я знаю, это связано с Максом. С деньгами. И немного с переездом. Всё. Больше не пытай меня, ладно?

Энни откидывается на спинку стула. Будто только что закончила очень неприятный разговор. Берет вилку. И начинает есть.

А я продолжаю сидеть. Смотрю в одну точку. И пытаюсь переварить услышанное.

Получается плохо. Очень плохо. Меня начинает тошнить. Тревога нарастает с каждой секундой. Как будто кто-то мед-

ленно затягивает проволоку вокруг грудной клетки. Мне становится тяжело дышать. Тяжело думать. Тяжело существовать.

Я резко вскакиваю. Стул с грохотом отъезжает назад. И почти бегом направляюсь в ванную.

Меня выворачивает.

Сильно.

Болезненно.

До слез.

Черт.

Черт.

Черт.

Меня тошнит не из-за вина. Не из-за лапши. Не из-за похмелья. Нет. Просто мой мозг наконец получил подтверждение тому, что чувствовал последние недели.

Что-то действительно происходит. Что-то плохое. И Адам действительно скрывает это от меня.

Я опираюсь руками о раковину. Тяжело дышу. Поднимаю взгляд на свое отражение.

Фу.

Бледная. Испуганная. И жалкая.

— Соберись, Кэт.

Голос звучит хрипло. Почти чужим.

— Соберись, мать твою.

Не помогает. Вообще ничего не помогает.

Я открываю холодную воду. Долго умываюсь. Потом ещё

раз. И ещё.

Хочется смыть всю эту дерьмовую информацию. Будто если потерять лицо достаточно сильно, Макс исчезнет. Угрозы исчезнут. Весь этот кошмар исчезнет.

Но ничего не исчезает.

А когда я возвращаюсь на кухню, Энни уже сидит с кружкой кофе. Спокойная. До ужаса спокойная.

— Тебя вырвало?

— Нет. Я просто решила проверить качество твоей сантехники.

— Кэт.

— Да вырвало меня.

Энни тяжело вздыхает.

— Господи.

— Это твоя вина между прочим.

— Конечно.

— Лучше бы ты молчала.

— Тогда бы ты продолжала сходить с ума самостоятельно.

Я падаю обратно на стул. Ноги словно ватные.

— Энни...

Она поднимает взгляд.

— Мм?

— А если с ним что-нибудь случится?

Вопрос срывается раньше, чем я успеваю его остановить.

Энни не отвечает сразу. Отводит взгляд всего на секунду, но я замечаю.

Сердце проваливается куда-то вниз.

— Энни.

— Кэт.

— Энни.

— Он не один.

Я хмурюсь.

— Что?

— Он не один, Кэт. У него есть люди. Есть компания. Есть юристы. Есть какие-то связи. Он взрослый мужик, который умеет решать проблемы.

Я хочу ей поверить. Правда хочу. Но все это очень разнится с моим восприятием реальности. Перед глазами снова всплывают разбитые руки Адама. Его бессонные ночи. Его усталый взгляд. И то, как он буквально вытолкнул меня подальше отсюда.

Не потому что я соскучилась по Энни. И не потому что хотел сделать мне приятно.

Он убрал меня. Подальше. От чего-то.

— Кэт.

— Что?

— Сейчас ты сделаешь то, что умеешь хуже всего.

— И что же?

— Ничего.

Я смотрю на неё как на сумасшедшую.

— Ничего?

— Да.

— Энни, мой мужчина возможно участвует в каком-то криминальном дерьме.

— Не драматизируй.

— Ты сама сказала, что за ним могут прийти плохие люди.

— Да.

— И ты предлагаешь мне ничего не делать?

— Именно.

Я открываю рот. Закрываю. Снова открываю.

— Ненавижу вас обоих.

— Знаю.

— Особенно тебя.

— Знаю.

— Особенно сейчас.

— Тоже знаю.

Я хватаюсь за голову. А Энни вдруг улыбается. Совсем чуть-чуть.

— Вот видишь.

— Что вижу?

— Ты снова переживаешь за кого-то кроме себя.

В моей голове становится тихо, навязчивый гул немного утих. Стало не легче. Не спокойнее. Просто тихо. Потому что она права. Впервые за много недель мои мысли крутятся не вокруг собственной боли. А вокруг Адама.

Но это дерьмо всё ещё пугает. Но одновременно напоминает одну простую вещь.

Я всё ещё живая.

Ловлю себя на мысли, что Адам поступил мудро. Не только потому, что спрятал меня от каких-то ублюдков, а не оставил гнить в квартире одну. Он все еще большую часть времени проводит вне дома, поэтому да, одиночество дается мне с трудом. Особенно сейчас. Когда моя голова и без посторонней помощи способна сожрать меня заживо.

Когда одна случайная мысль превращается в катастрофу мирового масштаба. Когда тишина начинает звучать громче любого крика.

Здесь хотя бы была Энни. Живая. Настоящая. И до безумия раздражающая. Со своей привычкой командовать мной так, будто она одновременно моя лучшая подруга, психолог и офицер спецназа.

Я подняла голову от холодного бортика ванной. Щеки горели. Глаза слезились. Во рту стоял мерзкий кислый привкус.

Прекрасное начало дня.

Просто великолепное.

— Кэт?

Голос Энни раздался где-то рядом.

— Я жива.

— Очень спорное заявление.

Я даже усмехнулась. Совсем немного, но усмехнулась.

Через минуту она уже сидела рядом на полу. С кружкой воды. И смотрела на меня так, будто оценивала степень моей пригодности к дальнейшей эксплуатации.

— Ну?

— Что ну?

— Паническая атака?

— Немного.

— Немного?

— Ладно. Много.

— Так уже ближе к правде.

Я взяла стакан. Сделала маленький глоток. Потом еще один.

Тревога все еще сидела внутри. Тяжелая. Липкая. Как мокрое одеяло. Но рядом с Энни она почему-то ощущалась чуть менее смертельной.

— Ты думаешь ему реально угрожает опасность?

Вопрос вылетел сам собой.

Энни устало потерла переносицу.

— Думаю, что если бы все было совсем плохо, он бы уже *сидел рядом с тобой*, а не занимался своими делами.

— Очень успокаивает.

— Я старалась.

Я закатила глаза.

Энни похлопала меня по колену.

— Послушай меня внимательно.

Я подняла взгляд.

— Ты сейчас делаешь то, что делаешь всегда.

— Что именно?

— Пытаешься решить проблему, о которой у тебя есть

процентов пять информации.

Блядь.

Она права.

Ненавижу когда она права.

— И что мне делать?

— Ничего.

— Отличный план.

— Лучший из доступных.

Она пожала плечами.

— Адам взрослый мужик, Кэт. Огромный взрослый мужик.

— Огромный это правда.

— Спасибо, что подтвердила самое важное.

Я фыркнула.

— Он разберется.

— А если нет?

— Тогда мы будем разбираться с этим потом.

— Энни...

— Нет. Серьезно.

Она наклонилась ближе.

— Ты сейчас ведешь себя так, будто можешь телепортироваться домой и решить все его проблемы. А ведь не можешь.

От этих слов внутри неприятно кольнуло. Именно это меня и убивало. Беспомощность. Невозможность что-то сделать. Невозможность защитить человека, который столько

раз защищал меня.

— Я просто люблю его.

Голос прозвучал почти шепотом.

Энни неожиданно улыбнулась. Очень мягко. И очень тепло.

— Я знаю.

Совсем чуть-чуть, но стало легче. Достаточно. Чтобы снова начать дышать. Чтобы встать с холодного пола. Чтобы вернуться на кухню. Чтобы попытаться доесть эту чертову лапшу.

И чтобы впервые за последние дни подумать не только о том, что я могу потерять. Но и о том, что у меня все еще есть. Адам. Энни. Память о Ляле.

И какая-то маленькая, упрямая часть меня самой. Та самая часть, которая почему-то до сих пор не сдалась.

Глава 23

У Энни дома всегда идеальный порядок. Не просто чисто. Именно порядок. Такой, который бывает только у людей, способных планировать жизнь больше чем на два дня вперед.

У меня даже после генеральной уборки остается легкое ощущение хаоса. Словно квартира отражает содержимое моей головы.

Поэтому я решила заняться любимым делом. Добавлять хаос в квартиру Энни и шариться в её вещах.

Энни работала. Мне было скучно. У всех вокруг были дела. У Адама проблемы. У Энни работа. У Тео, наверное, тоже какая-нибудь взрослая и ответственная жизнь.

А у меня?

У меня был кризис личности и доступ к чужому шкафу.

— Делай что хочешь, Кэт.

— Окей. Делаю что хочу. Отдашь паспорт?

Энни подняла голову от ноутбука и посмотрела на меня таким взглядом, каким обычно смотрят на особо тупых преступников в документальных фильмах.

Я решила, что лучше сменить тему. И пошла копать дальше.

— О-о-о...

Я вытащила что-то шелковое, короткое и совершенно

неприличное.

— Энни... это что за секси-наряд?

Я размахивала находкой над головой.

— Это для Тео?

— Это для меня, Кэт.

— Конечно.

— Положи на место.

— Конечно.

Я не положила.

В этот момент у Энни зазвонил телефон. Она посмотрела на экран и сразу перевела взгляд на меня. Потом улыбнулась. Очень нехорошо улыбнулась.

— Да, привет.

Она выслушала собеседника несколько секунд и продолжила:

— Ничего не делает.

Пауза.

— Машет передо мной моим нижним бельем.

Я возмущенно открыла рот.

— Предательница.

— Абсолютно.

Она снова слушала. Потом закатила глаза.

— Кэт, ты идиотка?

— Это риторический вопрос?

— Адам не может до тебя дозвониться.

Я замерла.

— Чего?

— А потом ты жалуешься, что он общается только со мной.

Я тут же достала телефон. Ни одного пропущенного. Вообще ничего.

— В смысле не может?

Энни продолжала что-то объяснять Адаму.

Я открыла наш диалог. Проверила настройки. Потом еще раз. И почувствовала, как кровь медленно отливает от лица. Проблема оказалась до смешного простой.

Я его заблокировала. После ночной философской дискуссии про опоссумов. И клаустрофобию. И мировую несправедливость. Взяла и заблокировала.

Господи.

— Ой.

— Что значит «ой»?

— Небольшая техническая неисправность.

— Кэт...

— Уже исправила.

Энни устало потерла переносицу.

— Скажи ему сама.

Она протянула мне телефон.

— Я вам не диспетчерская служба. Людям работать надо.

Потом она многозначительно посмотрела мне в глаза. Очень многозначительно. Так смотрят перед тем, как предупредить: «Подумай прежде чем открыть рот».

Я кивнула. Не подумала. И взяла трубку.

— Кэт?

Голос Адама был одновременно раздраженным и уставшим.

Опасное сочетание.

— Что с твоим гребаным телефоном?

— А?

— Кэт.

— Я не знаю.

— Врешь.

— Почему сразу вру?

— Потому что ты всегда начинаешь предложение с «я не знаю», когда врешь.

Справедливо.

— Просто случайно включила режим полета.

На другом конце повисло молчание.

— Кэт.

— Что?

— Твой GPS работает прекрасно.

Черт.

— Ты что, следишь за мной?

— Я слежу за тем, чтобы ты не сбежала искать приключения на свою задницу.

Я невольно улыбнулась.

— Романтично.

— Ты заблокировала меня?

— Это все вино.

— Вино взяло твой телефон, разблокировало его, зашло в контакты и добавило меня в черный список?

— Именно.

— Очень опасное вино.

— Я предупреждала.

На секунду воцарилась тишина. В этом ощущалась настоящая глубокая усталость.

Не моя, нет.

Адама.

Такая, которую уже невозможно скрыть за шутками.

— Как ты? — тихо спросила я.

Он не ответил сразу.

— Нормально.

Мы оба знали, что это ложь. Но спорить не хотелось. Удивительно, правда?

— Ты поела?

Я закатила глаза.

— Господи, вы с Энни что, подписали какой-то договор?

— Ответь на вопрос.

— Да.

— Горячее?

— Да.

— Нормально?

— Да.

— Не врешь?

— Адам!

Я услышала его тихий смешок. Всё внутри неприятно сжалось, потому что я очень сильно скучала по нему.

— Хорошо, детка. Береги себя.

— Ты тоже.

Повисла пауза. Слишком короткая для всего того, что хотелось сказать.

— Люблю тебя.

— И я тебя.

Звонок закончился. А тревога, к сожалению, нет.

Я еще несколько секунд смотрела на погасший экран телефона. Будто надеялась, что он передумает и позвонит снова.

Скажет: «Ладно, Кэт. Я все расскажу.» И тогда все станет просто. Понятно. Логично. Но жизнь вообще редко работает по такому сценарию.

— Ну? — спросила Энни.

— Ну что?

— Вы помирились?

— Мы не ссорились.

Она так выразительно подняла бровь, что я сама себе не поверила.

— Ладно. Немного ссорились.

— Немного?

— Очень немного.

— Кэт.

— Хорошо. Я была пьяная.

— Это многое объясняет.

Я плюхнулась на диван. Телефон отправился рядом. Моя голова — следом.

Господи. Как же я устала. Не физически. От мыслей. От постоянного ожидания чего-то плохого. От ощущения, будто я стою посреди железнодорожных путей и слышу поезд. Но не понимаю, с какой стороны он едет.

— Энни.

— Мм?

— Ты когда-нибудь чувствовала себя совершенно бесполезной?

Она даже не задумалась.

— Каждый раз, когда пытаюсь собрать шкаф по инструкции.

— Я серьезно.

— И я серьезно.

Я фыркнула.

Энни закрыла ноутбук. Полностью. Это означало, что разговор ей действительно важен.

— Да, Кэт. Чувствовала. Много раз.

— И что делать?

— Ничего.

— Вы с Адамом точно проходили одинаковые курсы?

— Конечно. «Как бесить тревожных людей». Три года обучения.

Я закатила глаза.

Энни рассмеялась.

— Ты не бесполезная.

— Да?

— Да.

— Потому что умею напиваться и писать про опоссумов?

— Потому что ты живая.

Я нахмурилась.

— Очень низкая планка.

— Для последних недель вполне достойная.

Вот коза. Опять права. Я ненавижу, когда они оба правы.

Особенно одновременно.

В квартире повисло что-то такое, тихое и уютное. Не та тяжелая тишина, которая была дома после смерти Ляли. А другая. Живая и спокойная.

За окном шумел город. На кухне тикали часы. Где-то у соседей лаяла собака. Самая обычная нормальная жизнь, которую я снова стала замечать.

— Знаешь, что меня бесит больше всего?

— Что?

— Что я начинаю понимать Адама.

— Поздравляю.

— Не перебивай.

Энни уселась удобнее.

Я вздохнула.

— Если бы кто-то угрожал ему, а он сидел бы сейчас здесь вместо меня...

Я замолчала.

Потому что вдруг поняла. Поняла по-настоящему. Я бы тоже сделала все. Абсолютно все. Чтобы держать его подальше от опасности. Даже если бы он меня за это *ненавидел*. Даже если бы потом месяц не разговаривал. Даже если бы пытался сбежать обратно.

— Вот именно, — тихо сказала Энни.

Черт. Она даже мысли мои читать научилась.

— Ненавижу вас обоих.

— Знаю.

— Особенно сейчас.

— Знаю.

Я взяла подушку и кинула в нее. Энни поймала ее одной рукой. Даже не отвлекаясь от своих супер важных дел.

— Кстати.

— Что?

— Тео приедет вечером.

Я прищурилась.

— Ага.

— Только не начинай.

— Даже не думала.

— Кэт.

— Я вообще молчу.

— Кэт.

— Хорошо, хорошо.

Я села ровнее.

— Во сколько приезжает твой друг?

Энни медленно закрыла глаза.

— Господи, дай мне сил.

— Что?

— Ты невозможна.

— А ты влюбилась.

Она швырнула в меня подушку обратно.

И я засмеялась так сильно, что заболел живот. Настоящим смехом. Представляете? Без притворства. Без усилий. А мне и представлять не нужно. Просто потому, что рядом был человек, который не позволял мне окончательно утонуть.

Возможно, именно этого Адам и добивался.

Уже стемнело и город медленно засыпал. Становился тише с каждым часом. В этот момент и приехал Тео.

И, господи, Энни была просто восхитительно нелепой. Нервничала. Поправляла волосы каждые тридцать секунд. Проверяла телефон, хотя он лежал рядом. Делала вид, что ей абсолютно все равно. Короче говоря, вела себя как человек, которому очень даже не все равно.

— Всем привет.

Тео появился на пороге с пакетом продуктов и своей этой спокойной улыбкой. Той самой, от которой Энни почему-то сразу переставала быть грозной.

Он наклонился, чтобы поцеловать её. Энни попыталась увернуться. Получилось примерно так же успешно, как если бы олень решил убежать от автомобиля.

— Энни, ты что, стесняешься меня?, - спросила я со всей своей невинностью.

Нет. Я уже хихикала в открытую.

Вместо ответа мне достался убийственный взгляд. Очень качественный. Практически профессиональный.

— Еще слово, Кэт.

— Что?

— Еще одно слово.

— Молчу.

Я подняла руки.

Тео только усмехнулся. И совершенно бессовестно положил ладонь ей на поясницу.

Энни покраснела еще сильнее.

Господи. Да ей реально пятнадцать.

Мы поужинали втроем. И это было и странно и до безумия уютно.

Я наблюдала за ними украдкой. За тем, как они смотрят друг на друга. Как Тео незаметно подвигает ей стакан. Как Энни автоматически поправляет ему воротник рубашки. Как они улыбаются друг другу.

Маленькие вещи.

Глупые вещи.

Но именно из таких вещей обычно и состоит любовь.

От этого всего внутри меня растекалось тепло. Мягкое и приятное тепло.

После всего, через что прошла Энни, мне хотелось видеть

её именно такой. Живой. Счастливой. Спокойной.

— Мне, наверное, полагается сейчас куда-нибудь уйти и оставить вас наедине?

— КЭТ!

Я чуть не подавилась соком от её реакции.

Тео засмеялся.

— Почему же? Оставайся с нами.

Но смотрел он при этом исключительно на Энни. Будто кроме неё здесь вообще никого не существовало.

— Прости, Тео, на тройничок я не согласна.

Я задумчиво подперла подбородок рукой.

— Адам расстроится, если узнает, что его не позвали.

Тео расхохотался. Громко. От всей своей души.

Энни закрыла лицо руками. И её лицо только ещё больше побагровело.

— Господи, заберите меня отсюда.

— Не могу.

— Почему?

— Это твоя квартира.

— Черт.

Я победно улыбнулась.

— Нет, правда.

Я поднялась из-за стола.

— Пойду прогуляюсь немного. Позвоню Адаму.

— Кэт...

— Что?

— Веди себя нормально.

— Я всегда веду себя нормально.

На этот раз Тео чуть не подавился водой. Предатель.

— Энни, пока меня не будет, можешь тысячу раз извиниться за меня.

Я направилась к двери.

— И, может быть, успеешь пару раз его поцеловать.

— КЭТ!

Последнее, что я увидела перед тем как выйти, — подушку, летящую мне в голову.

Я увернулась. Естественно. Потому что опыт.

Через секунду дверь за моей спиной закрылась. А я оказалась на улице. Вечерний воздух оказался прохладным. Свежим.

Город жил своей жизнью. Где-то сигналили машины. Смеялись люди. Светились окна.

Я медленно пошла вдоль тротуара, доставая телефон из кармана. Улыбка все еще держалась на моем лице. Наверное потому, что я увидела Энни по-настоящему счастливой.

Я остановилась у скамейки, открыла список контактов. Нашла Адама. Несколько секунд просто смотрела на его имя. Потом нажала вызов.

Мое глупое сердце сразу забилось быстрее. Будто я снова была девчонкой, которая звонит мальчику, который ей нравится. Хотя этот мальчик давно вырос до двух метров ростом, хронического недосыпа и огромного количества сек-

ретов.

Адам не взял трубку, но я продолжила гулять.

Сама не знаю, куда шла. Просто ноги сами несли меня по вечернему городу.

В душе было так тепло.

Так непривычно.

Тео смотрит на Энни так, словно от этого зависит вся его жизнь. Будто она нужна ему как кислород. Как будто без нее мир станет чуть менее правильным.

А она?

Втрескалась по уши. По самые свои умные мозги. По самые свои принципы. По самые свои бесконечные списки дел и планы на неделю вперед. Но пока ни за что в этом не признается.

Я улыбнулась сама себе.

Если бы кто-то пару месяцев назад сказал мне, что я увижу Энни такой, я бы не поверила.

Адам взял трубку только с третьего раза. И мое настроение сразу перестало быть таким воздушным.

Я и переживаю. И злюсь. И скучаю. Все одновременно. И относится к одному и тому же человеку.

— Да, детка?

Голос Адама наконец раздался в трубке. Запыхавшийся. Слишком запыхавшийся.

Он дышал так тяжело, будто только что пробежал марафон. Или от кого-то убегал. Или за кем-то.

— Что с тобой, Адам? Ты там бегаешь, что ли?

На несколько секунд повисла пауза. Слишком короткая, чтобы ее заметил кто-то другой. Но достаточная для меня.

— Решил выпустить пар. И да, ты права. Я бегаю.

Мне что-то подсказывало, что он очень нагло врет. На столько нагло, что в другой ситуации я бы даже восхитилась. Но сейчас спорить не хотелось.

Если начать задавать вопросы, то я уже не смогу остановиться. А он все равно ничего не расскажет.

— Может, я приеду и помогу тебе, как ты это называешь, выпустить пар?

На этот раз Адам усмехнулся.

Но ничего не ответил. Словно действительно не знал, что сказать. Или не имел права говорить то, что хотел.

— Адам...

Я пнула какой-то камешек на тротуаре.

— Я долго буду в этой ссылке?

Он молчал.

И я продолжила:

— Энни теперь не одинокая одиночка, ты в курсе? Не хочу быть третьей лишней.

В этот раз в голосе действительно прозвучала грусть. Потому что я скучала. По нему. По дому. Даже по нашей дурацкой квартире с вечно недомытыми кружками и разбросанными зарядками. Всего несколько дней прошло, а мне уже хочется обратно.

— А-а, ты уже познакомилась с Тео?

Голос Адама вдруг стал чуть живее.

— Как он тебе?

Я фыркнула.

— Ты что, знаешь про Тео? Вы с Энни прямо сладкая парочка.

— Да между разговором случайно узнал.

Я закатила глаза. Конечно. Случайно. Как и все остальное в этой истории.

Его дыхание постепенно успокаивалось. Вместе с ним и я. Совсем немного.

— Я соскучилась, Адам.

На этот раз молчание длилось дольше. Намного дольше. Я даже успела испугаться, что связь снова пропала.

— Детка...

Он вздохнул. Тяжело.

— Я тоже.

Сердце неприятно сжалось.

Глупое сердце.

— Нам надо потерпеть. Очень сильно потерпеть.

— Адам, я устала терпеть.

Я остановилась посреди тротуара.

— Я всю жизнь терплю и терплю. Сколько можно?

Где-то рядом проехала машина. Кто-то засмеялся на другой стороне улицы. А я стояла посреди города и чувствовала себя самым одиноким человеком на свете.

— Кэт...

Он произнес мое имя почти шепотом.

— Мне самому все это не нравится. Но я делаю это ради тебя. Ради нас.

Я закрыла глаза.

— Я понимаю. Правда понимаю. Но, может быть, мы вместе будем что-то делать для нас? Я знаю, я в большинстве вопросов бесп...

— Ты не бесполезная, Кэт.

Он перебил меня так быстро, будто боялся даже услышать окончание этой фразы. Будто ненавидел ее сильнее меня самой.

— Я просто боюсь тебя потерять.

И в этот момент звонок оборвался. Просто взял и оборвался. Без предупреждения. Без прощания. Без привычного «люблю тебя».

Я замерла.

Потом посмотрела на экран. Несколько коротких гудков. И тишина.

Проблемы со связью?

Или он сам закончил разговор?

Я сразу перезвонила.

Потом еще раз.

И еще.

Но теперь телефон был недоступен.

Отлично. Просто прекрасное завершение дня.

Вся эта ситуация мне совсем не нравится.

Я даже не пытаюсь убедить себя, что проблема именно в телефоне, а не в Адаме.

Тревога накрывает меня целиком. Сначала сознание. Потом грудную клетку. Потом добирается до рук, заставляя пальцы дрожать. Я физически чувствую, как она расползается внутри меня, заполняя каждую свободную клетку.

Пока бегу обратно к дому Энни, успеваю заблудиться. Потом потерять ключи. Потом найти их. Потом снова чуть не заблудиться.

Если бы я могла хоть немного сохранять холодную голову, то спокойно дошла бы нужной дорогой за десять минут.

Но сейчас во мне слишком много суеты. Слишком много страха. Слишком много мыслей. Каждая из которых заканчивается чем-то плохим. Очень плохим.

Я буквально влетаю в подъезд. Поднимаюсь наверх почти бегом. И врываюсь в квартиру так, будто собираюсь выбить дверь с петель.

— Энни! Я иду в полицию!

А потом резко замираю.

О господи. Эти двое стояли вплотную друг к другу. Слишком близко. Бессовестно близко. Так обычно стоят люди, которых только что очень невежливо прервали.

Они одновременно повернули головы в мою сторону.

Щеки Энни мгновенно вспыхнули.

Даже Тео выглядел слегка смущенным. И это само по се-

бе было достижением, потому что этот мужчина обычно выглядел так, будто его невозможно выбить из равновесия вообще ничем.

— Ой.

Это все, что я смогла выдавить.

После чего развернулась и почти бегом направилась в спальню.

— Кэт, что случилось?

Они тут же пошли за мной.

— Тебя кто-то обидел?

— Да. Сучка-жизнь обижает меня каждый день.

Я лихорадочно начинаю собирать вещи в сумку. Хотя сама не понимаю зачем. И что именно собираю. И куда собираюсь.

— Блин, извините меня пожалуйста. Я сейчас уйду.

— Кэт.

Голос Энни моментально становится серьезным. Таким голосом она обычно разговаривает либо с коллегами, либо со мной, когда считает, что я окончательно сошла с ума.

— Ты можешь сказать, что произошло? И куда ты собралась на ночь глядя?

Ее щеки уже перестали быть красными от смущения. Теперь она выглядит напуганной. По-настоящему.

— Адам пропал! Где мой паспорт? Я еду домой!

— Что?

— Я еду домой!

— Кэт, немедленно успокойся.

Она хватает меня за руку.

Тео уже идет на кухню.

— Тео, пожалуйста, воды.

Через секунду Энни буквально усаживает меня на кровать и выдергивает сумку из моих рук.

— Сделай глубокий вдох.

— Энни...

— Вдох, Кэт.

Я подчиняюсь.

Получается плохо. Руки все равно дрожат. Сердце колотится где-то в горле. Но я пытаюсь. Честно пытаюсь.

— Теперь расскажи мне, что произошло.

Я делаю еще один вдох.

— Мы разговаривали.

Голос звучит жалко даже для меня самой.

— Адам куда-то бежал. Потом звонок оборвался. А теперь телефон недоступен.

Я смотрю ей прямо в глаза.

— Энни, что-то случилось. Я чувствую это. Нет. Я знаю это.

— Кэт.

Она медленно качает головой.

— Ты себя накручиваешь.

— Нет.

— Да.

— Нет!

— Да!

Я уже почти готова расплакаться.

— Я уверена, у него просто сел телефон.

— Энни...

— Ты никуда не поедешь. Особенно в таком состоянии.
В комнату возвращается Тео со стаканом воды.

— Вот.

Я автоматически беру стакан. Пальцы настолько дрожат, что вода едва не выплескивается на одеяло.

Кажется, Тео только сейчас понимает масштаб происходящего. И насколько тяжело со стороны выглядит моя паника.

Он несколько секунд молчит. Потом неожиданно садится рядом. Не напротив. Не на расстоянии. Рядом. Так, словно пытается показать, что мы сейчас в одной команде.

— Кэт?

Его голос спокойный. Ровный. Удивительно уверенный.

— Ты сейчас не одна, хорошо?

Я смотрю на него.

— Мыждемся, пока Адам выйдет на связь. И сначала разберемся, что произошло.

— А если он не выйдет?

— Выйдет.

— А если нет?

— Тогда будем решать проблему.

— Тео...

— Кэт.

Он мягко перебивает меня.

— Если через сутки он не появится и не выйдет на связь, мы что-нибудь придумаем. Обещаю.

Я перевожу взгляд на Энни.

Она смотрит на Тео так, словно он только что удержал весь мир от падения. С благодарностью. С теплом. И с чем-то еще. С чем-то очень похожим на любовь.

Через десять минут, Тео куда-то уехал. Наверное сбежал от того сумасшествия, которое я преподнесла этим вечером.

Энни вливает в меня уже четвертую кружку какого-то травяного чая.

Отвратительно.

На вкус будто кто-то решил заварить газон после дождя. Но Ляля бы его точно одобрила.

Адам запретил давать мне какие-либо таблетки. Успокоительное. Снотворное. Даже безобидную валерьянку. Он считает, что я должна научиться жить без всего этого аптечного дерьма.

И Энни, к сожалению, с ним согласна. Предатели. Оба.

Уже глубокая ночь. За окном почти нет машин. Город затих. Даже соседская собака, которая обычно считает своим долгом лаять на каждую пролетающую муху, наконец замолчала.

Но моему мозгу абсолютно плевать на этот факт. Он

слишком занят тревогой, чтобы позволить мне уснуть.

Энни тоже не ложится. Хотя я вижу, как она устала. Она трет глаза. Периодически потягивает шею. Несколько раз подряд перечитывает одно и то же письмо на ноутбуке. И каждый раз закрывает его, не дочитав до конца.

— Тео уехал домой? — спрашиваю я, когда она ставит передо мной уже пятую, мать его, кружку.

— Угу.

Она зевает.

— У него есть дела помимо нас с тобой, Кэт.

— Везет ему.

— Очень.

— Энни, я больше не могу. Меня уже тошнит от одного вида этой кружки.

Она смотрит на меня несколько секунд.

Потом вдруг говорит:

— Если я скажу тебе, что эти травы мне Ляля подарила еще на двадцать второй день рождения, ты продолжишь пить?

Я тут же выхватываю кружку из ее рук.

— Манипуляторша.

— Работает же.

Работает. К сожалению.

Я делаю большой глоток и едва не давлюсь.

Господи. Теперь чай стал еще противнее. Потому что жалко оставлять его недопитым.

— Мне придется ночевать в туалете.

— Я принесу тебе плед.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Мы замолкаем. И от того спокойного и уютного вечера совсем ничего не остаётся. Только тяжесть и напряжение обволакивают всё пространство густым туманом.

Я замечаю, что Энни тоже начала нервничать. Она делает то же самое, что и я.

Каждые несколько минут проверяет телефон. Разблокирует экран. Смотрит. Блокирует обратно. Снова берет его через минуту. Снова смотрит.

Я звоню Адаму. Опять.

Абонент недоступен.

Еще раз. То же самое.

Еще.

Еще.

Еще.

Ничего.

— Черт.

— Кэт...

— Не начинай.

— Я и не собиралась.

Она смотрит в свой телефон. Хмурится. Потом вдруг садится ровнее.

Слишком ровно. Слишком быстро. И мне это совсем не

нравится.

— Что?

— Ничего.

— Энни.

— Сейчас.

Она что-то нажимает на экране. Потом поднимает взгляд.

И я вижу в ее глазах настоящий страх. Не тревогу. Не раздражение. Именно страх.

Дерьмо.

— Энни?

Она молчит еще несколько секунд. Потом тихо говорит:

— Проверь геолокацию.

У меня внутри все обрывается.

Я хватаю телефон так быстро, что едва не роняю его на пол. Открываю приложение. Экран расплывается перед глазами. Потом снова становится четким.

«Геопозиция недоступна».

Точка замерла на одном месте. Не двигалась уже пять часов. Ровно столько, сколько прошло с момента последнего разговора.

Я смотрю на экран. Потом снова. Потом еще раз. Словно от количества просмотров информация может измениться. Но ничего не меняется.

Пять часов. Пять гребанных часов.

Я чувствую, как сердце начинает колотиться где-то в горле.

— Энни...

Мой голос звучит так тихо, что я едва узнаю его.

— Это ведь плохо, да?

Энни ничего не отвечает. Мне становится до безумия плохо от всей этой ситуации.

Дерьмо.

Дерьмо.

Пять часов. Пять гребаных часов.

Я смотрела на замершую точку так долго, что цифры начали расплываться перед глазами.

— Может приложение зависло? — голос звучал жалко даже для меня самой.

Энни не ответила.

Но всегда Энни отвечала. Даже если ответ ей не нравился.

Она сидела напротив меня, поджав одну ногу под себя, и снова обновляла экран.

Раз.

Еще раз.

И еще.

Будто как и я надеялась увидеть что-то новое.

— Энни.

— Что?

— Ты тоже нервничаешь.

Она подняла голову. Секунду смотрела на меня. Потом тяжело вздохнула.

— Конечно нервничаю.

Внутри меня всё ещё раз оборвалось и перекрутилось. Если нервничает Энни, значит дело действительно плохое.

— Но не настолько, насколько ты сейчас себе придумала.

— Откуда ты знаешь что я придумала?

— Потому что твое лицо выглядит так, будто ты уже похоронила его, воскресила и снова похоронила.

Справедливо.

Я закрыла лицо ладонями.

— Боже.

— Именно.

Телефон в моих руках снова набрал номер Адама.

Недоступен.

Снова.

Недоступен.

Недоступен.

Недоступен.

Каждый короткий гудок бил по нервам как молоток.

— Кэт.

— Что?

— Перестань звонить каждые тридцать секунд.

— А если именно сейчас он включит телефон?

— Тогда он увидит сорок семь пропущенных и решит, что ты окончательно сошла с ума.

— Может я и сошла.

— Может.

Мы замолчали.

Даже чайник больше не шумел. Хотя его никто не трогал, чтобы тот издавал какие-то звуки.

Телефон Энни внезапно завибрировал.

Мы обе дернулись одновременно.

Я чуть не опрокинула кружку.

— Это он?!

— Не знаю.

Энни посмотрела на экран. И нахмурилась. Очень сильно. У неё наверное останутся морщины после этого.

Я моментально вскочила на ноги.

— Что? Энни? Что там?

Она медленно подняла взгляд. Очень встревоженный взгляд.

— Это Макс.

У меня похолодели руки.

— Что пишет?

Энни несколько секунд смотрела в экран. Потом тихо выругалась. Очень тихо. Очень нехорошо и не прилично.

— Энни...

— Кэт, только не начинай паниковать раньше времени.

— Что пишет Макс?

Она закусила губу.

— Он спрашивает, выходил ли Адам на связь.

Блядь.

Блядь.

Блядь.

— Энни! Паспорт!

— Кэт, давай не...

— Паспорт.

Мой голос звучит настолько жестко, что даже меня саму это пугает.

Энни смотрит на меня несколько секунд. Потом молча поднимается с дивана и уходит в коридор.

Я слышу, как открывается шкаф. Как шуршат какие-то вещи.

Меня даже пронзает абсолютно идиотская мысль. Неужели она действительно все это время носила мой паспорт с собой?

Серьезно?

Будто я особо опасный преступник, который в любой момент может сбежать из-под домашнего ареста.

Через минуту Энни возвращается. Документ действительно у нее в руках. У меня внутри все обрывается от облегчения.

— Давай сюда.

Она не двигается. Просто стоит напротив. С паспортом в руках.

— Что ты собираешься делать, Кэт?

— Не строй из себя дуру.

Я уже открываю сайт авиакомпании. Пальцы дрожат так сильно, что я несколько раз промахиваюсь мимо нужных кнопок.

— Я еду домой.

Энни тяжело вздыхает.

— Кэт...

— Я еду домой.

Ближайший рейс через три с половиной часа. Три с половиной часа. Будто сама вселенная решила перестать издеваться надо мной.

Я успею.

Собратся.

Доехать.

Пройти регистрацию.

Сесть в самолет.

И наконец оказаться рядом с Адамом.

Сейчас я чувствую только одно. Что-то случилось. Я не могу это объяснить. Не могу доказать. Но каждая клетка моего тела буквально кричит об этом.

— Энни, паспорт.

Я протягиваю руку. Даже не смотрю на нее. Потому что если посмотрю — снова начну реветь.

Она медленно тянет документ в мою сторону. Я уже почти касаюсь его пальцами. Но в последний момент Энни резко убирает руку назад.

— Какого хрена?!

Она ничего не отвечает. Разворачивается. И снова уходит. Превосходно.

Внутри что-то надламывается и я сажусь прямо на пол по-

среди гостиной. Закрываю лицо руками. И начинаю реветь. Уродливо и совсем не красиво.

— Энни...

Голос срывается.

— Отдай мне гребаный паспорт...

Я всхлипываю.

Снова.

И снова.

— Пожалуйста.

Я слышу только собственное дыхание. И бешено колотящееся сердце.

Проходит, наверное, минута. Или пять. Или целая вечность.

Потом я слышу шаги. Поднимаю голову.

Энни стоит передо мной.

Я уже готова вырвать паспорт из ее рук. Но вдруг замечаю кое-что еще.

Второй документ.

Она протягивает мне сразу два паспорта. Мой. И свой.

Несколько секунд я просто тупо смотрю на них.

Не понимая. Вообще ничего не понимая.

— Что?..

Энни нервно улыбается. Совсем чуть-чуть. И пожимает плечами. Будто речь идет о поездке за продуктами, а не о том, что мы собираемся сорваться в другой город посреди ночи.

— Я полечу с тобой.

Я моргаю один раз. Второй.

— Что?

— Ты думала я отпущу тебя одну в таком состоянии?

— Энни...

— Даже не начинай.

Она садится рядом прямо на пол. Подтягивает колени к груди. И устало трет переносицу.

— Если ты решила творить херню, то я хотя бы буду рядом и прослежу, чтобы ты не устроила международный скандал в аэропорту.

Несмотря на слезы, я нервно смеюсь.

Энни смотрит на меня. Потом тихо добавляет:

— И потому что я тоже переживаю за него, Кэт.

Ну всё.

Теперь официально можно бояться. Энни переживает за Адама. Звучит, как абсурд.

Глава 24

Все время, пока мы добирались до аэропорта, я продолжала звонить Адаму. Снова. И снова. И снова.

Будто если сделать это достаточное количество раз, телефон вдруг оживет. Но ничего не происходило. Только короткое механическое сообщение о том, что абонент недоступен.

С каждым новым звонком внутри меня становилось только холоднее.

То, что Энни сорвалась посреди ночи и поехала со мной, немного успокаивало.

Совсем чуть-чуть.

Настолько мало, что тревога этого даже не заметила. Зато я чувствовала вину перед ней. Потому что выдернула ее из жизни. Из работы. Из нормального вечера. Из Тео в конце концов.

Господи. Тео. Вот же блядь.

Он вообще в курсе, куда и зачем она сейчас летит?

Я резко остановилась прямо посреди аэропорта. Люди обходили меня с чемоданами. Кто-то спешил на посадку. Кто-то пил кофе. Кто-то смеялся. А мой мир всё это время продолжал разваливаться на куски.

— Ты скажешь Тео? — тихо спрашиваю я.

Энни даже не сбавляет шаг.

— Он уже в курсе.

Я замираю.

— Что?!

Она наконец смотрит на меня.

— Он уже в курсе.

— Что ты ему сказала?

— Нууу...

По ее лицу сразу понятно, что ничего хорошего сейчас не прозвучит.

— Я сказала, что моя сумасшедшая подружка никак не может успокоиться, потому что ее мужчина не выходит на связь несколько часов. И что я обязана проводить её прямо до дома.

— Сучка...

Я даже не знаю, смеяться мне или обижаться.

— Серьезно? Ты так и сказала?

— Практически дословно.

— Предательница.

— Зато честная.

Я закатила глаза.

Энни улыбнулась. Но улыбка быстро исчезла. Это пугало, потому что Энни старалась выглядеть спокойной. Очень старалась. Даже слишком старалась.

Она увидела с каким подозрением я на неё смотрю и медленно закрыла глаза.

— Кэт...

Она вздохнула.

— Тео в прошлом военный и госслужащий.

Я моргнула. Потом еще раз.

— Что?

— Он поехал домой, чтобы попробовать найти Адама.

У меня внутри все оборвалось.

— Он что сделал?

— Попробовал найти его.

— Энни...

— У него ничего не вышло.

Я чувствую, как кровь отливает от лица.

— Поэтому мы сейчас с тобой в аэропорту.

Несколько секунд я просто смотрю на нее. Пытаюсь переварить услышанное. Не получается.

Вообще.

Никак.

— Какого хрена?

Энни молчит.

— Какого хрена?!

Люди начинают оборачиваться.

Но мне так плевать.

— КАКОГО БЛЯДЬ ХРЕНА ЭТО ВСЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ?!

— Кэт, тише.

— Нет!

Я уже почти срываюсь.

— Нет, Энни! Сначала какие-то уроды. Потом угрозы. По-

том секреты. Потом исчезает Адам. Потом выясняется, что Адам знает Тео. Потом выясняется, что Тео ищет Адама. Что дальше?!

Энни берет меня за плечи. Крепко. Очень крепко, заставляя смотреть ей в глаза.

— Кэт.

Я тяжело дышу.

— Успокойся, ладно?

— Не могу.

— Можешь.

— Не могу.

— Можешь.

Я чувствую, как начинают дрожать губы.

Черт.

Только не сейчас. Только не посреди аэропорта.

— Я берегу твою нервную систему.

— Очень хуёво получается.

— Согласна.

Я нервно смеюсь. Почти сразу всхлипываю.

Прекрасно.

Просто прекрасно.

— Опережая твои следующие вопросы, отвечу сразу.

Она загибает пальцы.

— Нет, Тео с нами не полетит.

— Отлично.

— Да, он будет полезнее здесь.

— Замечательно.

— И да...

Она делает паузу.

— Они знакомы с Адамом уже давно.

Я закрываю глаза. Просто закрываю глаза. Потому что сил удивляться уже не осталось.

Вообще.

Ноль.

— Энни...

— Что?

— Я сейчас не выдержу и просто упаду на пол.

— Только не возле стойки регистрации.

— Почему?

— Потому что мне потом придется объяснять сотрудникам аэропорта, почему взрослая женщина решила драматично умереть прямо перед вылетом.

Я смотрю на нее несколько секунд. Потом неожиданно начинаю смеяться. Сквозь слезы. Истерично. Немного безумно.

Потому что если я сейчас не засмеюсь... То, кажется, просто развалюсь на части.

Я снова потянулась за телефоном в карман. Посмеялись и хватит. Мой мужчина пропал.

— Ну всё, хватит!

Энни буквально выхватывает у меня телефон, когда я, наверное, уже в тысячный раз пытаюсь дозвониться до Адама.

— Отдай!

— Нет.

— Отдай мне грёбанный телефон!

— Кэт, от того, что ты каждые тридцать секунд набираешь

Адама, связь у него не появится.

Я...

Я просто затыкаюсь. Ненавижу, когда она права.

Голова окончательно перестала соображать. Тяжёлая. Ватная. Будто внутри вместо мозга залили бетон.

Энни просто держит меня за локоть и водит по аэропорту, потому что самостоятельно функционировать я сейчас, кажется, не способна.

— Что с ней?

Девушка за стойкой регистрации оказывается первым и единственным человеком, который вообще обратил на меня внимание. Даже когда я возвращалась после похорон, похожая на собственную тень, никто ничего не спрашивал. А сейчас почему-то спросили.

Энни тут же включает свой фирменный режим.

— Ох, простите, если мы доставляем неудобства окружающим. Моя подруга тяжело переживает смерть...

Она выдерживает драматическую паузу.

— ...своего любимого кота.

Я медленно поворачиваю голову.

Кота?

— Пятнадцать лет жизни просто так не вычеркнешь, по-

нимаєте.

Господи.

Я отворачиваюсь. Потому что чувствую, как уголки губ начинают предательски подниматься вверх. Сдерживаться становится физически больно.

Если Энни сейчас посмотрит на меня, мы обе сорвёмся. Будем ржать как две ненормальные прямо посреди аэропорта. Нас тогда точно увезут на какое-нибудь медицинское освидетельствование.

Девушка за стойкой посмотрела на меня с искренним сочувствием. На секунду даже показалось, что сейчас она скажет что-то доброе.

Но нет. Она просто выдала посадочные талоны.

— Счастливого пути.

— Спасибо, — серьёзно ответила Энни.

Мы отошли буквально на несколько шагов. Свернули за угол. И тут же обе согнулись пополам от смеха.

— Энни, какой нахрен кот?!

— Мёртвый, Кэт. Очень мёртвый.

— Ты ужасный человек.

— Зато убедительный.

Я смеюсь так сильно, что начинают болеть щёки. Потом беру её за голову и целую в макушку.

Люблю её.

Правда люблю.

Большую часть полёта мы вспоминали эту историю и сно-

ва начинали смеяться. Без остановки.

Стюардесса делала нам замечание раза три. На четвёртый просто смотрела осуждающе каждый раз, когда мы начинали хрюкать в свои кресла.

Но настроение быстро испарилось, когда самолёт начал снижение. Сначала лёгкое напряжение скользнуло по позвоночнику. Потом поселилось где-то под рёбрами. А потом заняло всё пространство внутри.

Я задержала дыхание.

И только когда самолёт коснулся посадочной полосы, поняла, что всё это время почти не дышала.

Мы вышли из терминала. Вокруг шумели люди. Кто-то кого-то встречал. Кто-то обнимался. Кто-то ругался возле такси.

Обычная жизнь. Только у нас никакого плана не было. Вообще.

— Поехали сразу в полицию, — предлагаю я и уже начинаю искать адрес ближайшего участка.

Не люблю копов. Они меня пугают. Но других вариантов у меня нет. Мой Адам пропал.

— Кэт, это пустая трата времени.

— Почему?

— Потому что, во-первых, не прошло даже суток. Во-вторых...

Она запинаясь. Резко. Слишком резко.

Я тут же поднимаю голову.

— Что?

Молчание.

— Энни.

Она поджигает губы.

— Что?

— Макс...

И снова замолкает.

— МАКС ЧТО?!

Кричу так громко, что на нас начинают оборачиваться люди. Мне уже всё равно. Абсолютно всё равно. Я больше не могу. Сил не осталось. Ни одной. Поэтому просто сажусь прямо на бордюр возле терминала и начинаю плакать.

Тихо. Без истерики. Просто потому что внутри что-то ломается.

Энни садится рядом.

— Макс сказал, что если полиция узнает...

Она тяжело вздыхает.

— ...то им ничего не будет. Зато они с Адамом могут очень сильно пожалеть об этом.

И я снова начинаю реветь. Если сегодня..

Нет.

Когда я сегодня найду Адама... Я лично его придушу. А потом оживлю. И снова придушу. Пока он не расскажет мне всё. До последней детали.

Энни крепко держит мои трясущиеся руки. Я чувствую себя отвратительно. Особенно потому, что она заметила. За-

метила, как я несколько раз ударила себя по ногам, пытаюсь хоть как-то справиться с паникой.

Телефон в её ладони внезапно вибрирует. Мы обе одновременно смотрим на экран.

Тео.

— Сладкая?

Сладкая? Серьёзно? Какая она, к чёрту, сладкая? Энни скорее кислая. Очень кислая.

— Да, — отвечает она.

Несколько секунд внимательно слушает. Иногда кивает. Будто Тео способен увидеть её через экран. Потом блокирует телефон. Убирает его в карман. Поднимается на ноги. И уверенно идёт к стоянке такси.

— Энни?

Ноль реакции.

Я подскакиваю следом.

— Энни, я не умею читать твои мысли. Куда мы едем?

Она продолжает идти.

— И что сказал Тео?

Молчание.

— И почему он зовёт тебя сладкой?!

На этот раз она всё-таки оборачивается. И дарит мне такой взгляд, что я почти чувствую себя виноватой. Почти.

— Слишком много вопросов, Кэт.

— Это не ответ!

Она тяжело выдыхает.

— Тео нашёл машину Адама.

Я замираю.

— Что?

— Через спутник. Он скинул точку.

Сердце тут же начинает колотиться где-то в горле.

— А Адам?

— Не знаю.

— погоди. Откуда Тео вообще знает, какая у него машина?

— Кэээт...

— Это нормальный вопрос!

— Нет. Это уже двадцать восьмой нормальный вопрос за последние пять минут.

Наверное, она права.

Но если бы эти двое сразу рассказывали мне правду, мы бы сейчас не играли в детективов-самоучек.

Я понимаю, что моя тревожность иногда напоминает стихийное бедствие. Но, честное слово, в этот раз виновата не я. Они сами решили меня любить.

Мы ехали уже минут двадцать. И чем дольше длилась поездка, тем сильнее мне не нравилось направление.

Я почему-то была уверена, что мы поедем домой. Ну или хотя бы в сторону дома. Но город за окном становился всё серее и серее.

Меньше людей.

Меньше света.

Больше складов, заборов и каких-то промышленных зданий.

— Узнаёшь места? Можешь понять, куда мы едем? — Энни тоже начала нервничать и теперь внимательно смотрела в окно.

Я прищурилась.

— Нет... Или да. Не знаю.

Машина свернула на очередную улицу.

— Кажется, через пару кварталов будут гаражи. Автосервисы. Склады какие-то.

Энни ничего не ответила. Только ещё сильнее сжала телефон в руке. Тот самый телефон, в котором отображалась точка от Тео.

Таксист неожиданно посмотрел на нас через зеркало заднего вида.

— Мрачноватое местечко для двух молодых девушек.

Мы обе одновременно подняли головы.

— Почему мрачноватое? — спросила я.

Мужчина хмыкнул.

— Потому что здесь люди обычно не гуляют просто так.

Он кивнул куда-то вперёд.

— Тут полно всяких мастерских, гаражей и контор, которые предпочитают не светиться лишний раз.

Я почувствовала, как внутри всё снова неприятно похолодело.

— В каком смысле?

— В самом прямом.

Таксист пожал плечами.

— Не скажу, что тут прям бандиты из кино сидят. Но бизнесом многие занимаются... своеобразным.

Энни и я переглянулись. Очень быстро. Очень многозначительно.

— И да, — продолжил водитель. — Никогда не покупайте здесь подержанные машины.

— Почему? — осторожно спросила Энни.

— Потому что эти красавцы год назад продали мне автомобиль без документов.

Я даже отвлеклась от паники.

— Серьёзно?

— Абсолютно.

Он фыркнул.

— Правда, я тоже молодец. Подписал договор, не прочитав половину текста.

— И что потом?

— А ничего.

Он развёл руками.

— Юридически всё было оформлено так красиво, что придаться не к чему.

Я невольно подумала о Максе. О деньгах. О странных сообщениях. О том, что Адам внезапно оказался связан именно с этим районом города. И тревога внутри снова начала поднимать голову.

— Ого... Спасибо, что предупредили, — сказала Энни.

— Не за что.

После этого в машине стало тихо. По-настоящему тихо. Даже радио перестало играть. Или мне просто так показалось.

Мы с Энни переглядывались каждые несколько секунд. Без слов. Без объяснений. Потому что обе думали об одном и том же.

Пожалуйста.

Пусть он просто окажется жив.

Пусть злой.

Пусть упрямый.

Пусть даже придурок.

Только живой.

Наконец машина свернула на узкую дорогу между рядами гаражей. За окнами мелькали металлические ворота. Ржавые заборы. Вывески автосервисов. Одинокие фонари. И чем ближе мы подъезжали к точке на карте, тем сильнее колотилось моё сердце.

— Мы приехали, — сказал таксист.

Машина остановилась. Я посмотрела вперёд. И сразу заметила её. Чёрную машину Адама. Она стояла возле большого ангара. Совершенно одна. С выключенными фарами. Без единого признака жизни вокруг.

У меня мгновенно пересохло во рту.

— Энни...

Она уже увидела её. И выглядела не менее напуганной, чем я.

— Да.

Мы одновременно открыли такси машины.

И вышли.

Я осторожно кружила вокруг машины Адама, будто она могла напасть на меня прямо сейчас.

Ручка двери не поддавалась. Заперто. Конечно заперто.

Я прижала ладонь к холодному стеклу. Внутри было темно. Никаких вещей. Никаких следов. Ничего. Только ощущение, что что-то здесь очень сильно не так.

Из здания неподалеку вышел какой-то мужчина. Лица почти не видно. Капюшон натянут до самых бровей.

Сначала он двигался быстро и как-то недружелюбно. Но заметив нас, сразу сменил тон.

— Эй!

Мы обе вздрогнули.

— Дамы? Понравился автомобиль?

— Ой, здравствуйте. Да, — тут же включилась Энни.

Если бы Тео сейчас видел её, он бы гордился. Или начал переживать. Потому что врала она настолько убедительно, что я сама почти поверила.

— Автомобиль наш, — ответил мужчина. — Но на продаже будет стоять только с завтрашнего дня. Нужно подготовить документы.

Я едва не подавилась воздухом.

Наш?

НАШ?

Мы с Энни переглянулись. У нас был ровно один вопрос «Какого хрена автомобиль Адама внезапно стал вашим?». Но обе промолчали.

— А кто бывший владелец? — спросила я.

На мой взгляд, совершенно нормальный вопрос. Я работала в автохолдинге. Покупатели постоянно спрашивали про прошлых владельцев. Но мужчина почему-то напрягся.

Его взгляд стал тяжелым. Неприятным. Будто я случайно нарушила какое-то негласное правило.

Он долго смотрел на меня. Потом куда-то в сторону. Потом снова на меня. Наконец кивнул подбородком в сторону ангара.

— Можете сами с ним поговорить.

Он развернулся и ушел. Очень быстро. Словно решил, что мы слишком любопытные и проблем от нас будет больше, чем прибыли. Хотя надо признать, интерес к Энни он потерял не сразу.

Я насчитала минимум пять взглядов. И примерно десять облизываний губ.

Мерзость.

Я обязательно пожалуюсь Тео. Позже. Когда мы найдем Адама. Если найдем. От этой мысли внутри снова неприятно сжалось.

Мы направились к мужчине, на которого указал работник.

Он стоял возле ангара. Спинай к нам. Одной рукой держал телефон. Второй нервно натирал шею. Говорил тихо. Раздраженно. Будто спорил с кем-то.

Мы подошли еще ближе. Я замедлила шаг. Сердце вдруг начало колотиться чаще.

Почему-то.

Хотя я еще даже не видела его лица.

Мужчина резко обернулся. И весь воздух мгновенно вышел из моих легких.

— Макс?

Он застыл.

Телефон медленно опустился вниз. На его лице появилось выражение человека, который только что увидел призрака.

— Кэт?.. — выдохнул он.

А потом перевел взгляд на Энни. И выругался. Очень тихо. Очень зло.

— Твою мать.

— Какого хрена, Макс? Что тут происходит? Где Адам? Почему его машина здесь? Почему, блядь, ты здесь?!

Я налетела на него сразу. Без приветствий. Без попыток держать себя в руках. Потому что мои нервы закончились еще вчера.

— Много вопросов, Кэт.

Энни аккуратно подвинула меня себе за спину. Будто от чего-то защищала.

Макс нервно усмехнулся. Попытался пошутить. Но улыб-

ка умерла быстрее, чем успела появиться.

Конечно, нихрена у него не вышло.

— Я... я здесь потому что... Адам попросил продать его машину.

— Отлично, — кивнула я. — Зачем он попросил тебя это сделать, мы обсудим чуть позже. Когда я решу, насколько сильно хочу тебя придушить.

Макс тяжело сглотнул.

— Но сначала объясни мне, какого хрена ты продаешь её здесь?

Я обвела рукой ангары. Ржавые ворота. Масляные пятна на асфальте. Подозрительных мужиков. И ощущение, что нас сейчас разберут на органы.

— Эти ребята обещали цену почти в два раза выше рынка, — торопливо заговорил Макс. — И деньги сразу. Прикинь?

— Ты что-нибудь подписал?

Голос Энни прозвучал настолько холодно, что даже я вздрогнула.

Макс замер.

— Что?

— Я спросила, ты что-нибудь подписал?

Он отвел взгляд. Плохой знак. Очень плохой знак.

— Макс.

— Да ничего страшного...

— Макс!

Теперь уже рывкнула Энни. Так громко, что даже мужики

возле ангара обернулись.

— Я, блядь, спрашиваю тебя. Ты что-нибудь подписал?!

Любезная Энни исчезла.

Совсем.

Сейчас перед нами стояла та самая Энни, которая могла заставить человека признаться в убийстве просто взглядом.

— Сейчас должен был идти оформлять...

— Должен был?

— Ну да...

— Не пойдешь.

— Что?

— Где доверенность?

Мы с Максом одновременно повернулись к ней.

— Какая доверенность?

Энни посмотрела на нас так, словно мы оба были безнадежно тупыми.

— Если Адам поручил тебе продажу автомобиля, значит оформил доверенность.

Макс переступил с ноги на ногу. Только сейчас я заметила разбитую губу. Синяк под глазом. Ссадины на костяшках.

Раньше мне было плевать. Сейчас тоже.

Он медленно сунул руку во внутренний карман куртки. Достал папку с документами. И нехотя протянул Энни.

Та буквально вырвала бумаги у него из рук. Открыла. Пробежалась взглядом по страницам. И закрыла папку так резко, что я вздрогнула.

Потом подошла вплотную к Макс. Слишком близко. Настолько близко, что он инстинктивно отступил назад.

— Ты совсем больной?

Макс молчал.

— Сначала ты проигрываешь все его накопления.

Молчание.

— Потом из-за твоих долгов какие-то ублюдки начинают прессовать Адама.

Молчание.

— Потом угрожают Кэт.

Я почувствовала, как внутри все оборвалось.

Макс даже не пытался возражать.

— А теперь ты решил заработать ещё немного денег и притащился сюда?

— Энни...

— Заткнись!

Макс действительно заткнулся. Я никогда не видела его таким. Сломанным. Испуганным. Виноватым.

Он посмотрел сначала на Энни. Потом на меня. И отвел глаза.

Все это время я стояла словно под водой. Слова доносились приглушенно. С задержкой. Будто мозг отказывался их принимать.

Угрожали Кэт.

Прессовали Адама.

Проиграл все накопления.

Долги.

Коллекторы.

Угрозы.

Все это время это было правдой. Не моей тревогой. Не фантазией. Правдой.

— Где он?

Голос сорвался. Получился жалким. Почти детским.

— Где Адам?

Макс поднял голову.

— Дома.

Тишина. Полная. Абсолютная.

А потом одновременно с Энни мы выкрикнули:

— ДОМА?!

Кажется, даже птицы на соседней крыше испугались.

Я уже не слышала, что Макс пытался объяснять дальше. Не хотела. Не могла.

Если Адам дома, то какого чёрта мы устроили международную поисковую операцию?

— Такси, — коротко сказала Энни.

— Такси, — согласилась я.

— Сейчас.

— Немедленно.

Мы одновременно достали телефоны.

Макс выглядел так, будто хотел что-то сказать. Но не успел.

— Ключи.

Энни протянула руку.

— Что?

— Ключи от машины, Макс.

Он замер.

— Зачем?

— Потому что ты больше ничего с ней делать не будешь.

Ни сегодня. Ни завтра. Никогда.

Макс тяжело выдохнул. Потом медленно достал ключи из кармана. И отдал их. Без сопротивления. Без споров. Наверное потому, что сам понимал, насколько глубоко облажался.

Мы с Энни переглянулись.

Прав у нас не было. Зато теперь не было и возможности продать машину за нашей спиной.

Маленькая победа.

На фоне полного пиздеца.

Всю дорогу до дома я мысленно подгоняла машину. Хотелось кричать на светофоры. На пробки. На других водителей. На весь чертов мир.

Я еще не сложила все кусочки этой истории в единую картину. Но одно понимала совершенно точно. Мне страшно. По-настоящему страшно. Не за себя. За Адама. Настолько, что меня уже начинало подташнивать.

Мы почти бегом поднялись по лестнице. Руки дрожали так сильно, что я не могла попасть ключом в замок. Металл звенел. Ключ выскальзывал из пальцев.

— Кэт, дай сюда.

Энни осторожно забрала связку. Через секунду дверь щелкнула.

Мы замерли.

И вошли внутрь.

Я собиралась ворваться в квартиру, но почему-то было слишком тихо.

Шкаф в прихожей лежал на боку. Дверцы распахнуты. Вещи вывалены на пол. Где-то валялся ботинок. Где-то куртка. Будто здесь прошелся ураган. Или драка.

Сердце провалилось куда-то вниз.

— Господи...

Мы прошли дальше в гостиную. Там было еще хуже.

Подушки. Одежда. Разбитая лампа. Какая-то коробка. Что-то вообще висело на люстре. Я даже не хотела знать что именно.

А потом увидела телефон. Телефон Адама. Он лежал на полу. Экран был разбит вдребезги. Настолько, что больше напоминал паутину из трещин.

Я повернулась и заметила его. На кровати. Среди всего этого хаоса. Лицом в подушку. Неподвижного.

Его рука свисала вниз. Сбитые костяшки снова были разбиты в мясо.

У меня потемнело в глазах.

Нет.

Нет.

Нет.

Только не это.

Я бросилась к кровати.

Кажется, Энни что-то сказала. Кажется, побежала за водой. Кажется, уже доставала телефон.

Я ничего не слышала. Ничего. Кроме собственного сердца. Я схватила Адама за плечо и резко перевернула на спину.
— АДАМ!

Он поморщился. Недовольно. Будто я разбудила его посреди лучшего сна в жизни. Потом что-то невнятно пробормотал. Потом открыл глаза. Зажмурился от света. И вдруг резко дернулся назад. Отполз к спинке кровати. Словно испугался.

— Вот же блядь, Кэт!

Он схватился за грудь.

— Напугала!

Я уставилась на него. Несколько секунд просто смотрела. Пыталась осознать.

Живой. Он живой. Этот придурок живой.

— Напугала?

Голос сорвался.

— Я тебя напугала?

Адам замер.

Кажется, только сейчас понял, как я выгляжу. Заплаканная. Бледная. С дрожащими руками. А за моей спиной стояла Энни со стаканом воды и телефоном в руках.

— Кэт...

— Я тебя напугала?!

Я уже кричала. По-настоящему.

— Ты, блядь, пропадаешь почти на сутки!

— Детка...

— Телефон отключен!

— Кэт, послушай...

— Машина стоит черт знает где!

— Я объясню!

— Мы с Энни летим через полстраны!

— Что?!

— Находим Макса!

— Какого хрена вы нашли Макса?!

— А потом приезжаем сюда и думаем, что ты умер!

Последнее слово прозвучало совсем тихо. Именно оно на-
конец сломало меня.

Я ударила его в плечо. Потом еще раз. И еще. Совсем не
сильно. Скорее от отчаяния, чем от злости.

— Ты идиот!

Удар.

— Конченный идиот!

Удар.

— Я ненавижу тебя!

Удар.

А потом разревелась окончательно.

Адам даже не пытался защищаться. Просто сидел и смот-
рел на меня. Виновато. Устало. Словно сам уже не понимал,

где именно его жизнь свернула не туда.

Я развернулась и вышла из комнаты. Потому что если останусь еще хоть на секунду либо убью его, либо вцеплюсь в него и больше никогда не отпущу.

Я заперлась в ванной. Сползла по стене вниз и просто разревелась. Сил больше не осталось. Вообще.

С одной стороны мне легче. Адам жив. Потрепанный. Разбитый. Но жив.

С другой стороны мне кажется, что еще немного — и умру уже я. Я не знаю, сколько еще способна выдержать. Честно.

Бог? Хватит, ладно? Я ужасный человек. Правда ужасный. Но с меня хватит.

За дверью слышались шаги.

— Кэт?

Конечно.

— Иди нахрен, Адам.

Я прекрасно знала, что виноватый Адам очень скоро превратится в злого Адама. Потому что нас с Энни здесь быть не должно. Вообще.

Я демонстративно включила воду. Пусть понимает, что разговаривать я не настроена.

— Кэээт...

— Адам?

— Да, любимая?

— ИДИ НАХРЕН.

За дверью слышался тяжелый вздох.

— Хорошо. Но потом мы все равно поговорим.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

— Господи, какой же ты раздражающий.

— Ты тоже, детка.

Я закатила глаза. Даже сейчас. Даже после всего. Чертов человек умудрялся меня бесить.

Через пару минут раздался другой голос.

— Кэт, давай выходи уже. Никто же не умер.

Энни. В её голосе понимания было гораздо больше, чем в его.

— Дай мне минуту...

Я сказала это почти шепотом. Не уверена, что она вообще услышала.

— Кэт, я налью нам всем чаю, ладно?

Меня затошнило от одного только воспоминания об этих бесконечных травяных настоях. Но Ляля поступила бы точно так же. Поэтому спорить даже мысленно не хотелось.

Постепенно квартира снова начала оживать. Послышались голоса. Шаги. Бряканье посуды. Шум чайника. Обычная жизнь. Та самая жизнь, по которой я сходила с ума последние сутки.

Я несколько раз глубоко вдохнула. Умылась холодной водой. Вытерла лицо. И наконец перестала рыдать.

Энни права. Никто не умер. Пока что.

Я уже собралась выходить, но замерла возле двери. Голо-
са. Тихие. Слишком тихие.

Адам и Энни что-то обсуждали. Бурно, но старались не шуметь. А значит, я не должна была этого слышать.

Отлично.

Тогда подслушаю.

— Энн, какого хрена? Теряешь хватку. Ты обещала, что ни ты, ни Кэт не будете высовывать свои задницы, пока я не дам добро.

— Адам, ты пропал. Ты бы видел Кэт. Мне стало страшно за нее. За тебя сначала нет. Но когда мне начал названивать Макс...

— Макс начал что делать?

— Ну, он тоже потерял тебя.

— Имбецил конченный.

Повисла пауза.

— Энн... прости, что втянул тебя во все это. Это правда тебя не касается.

— Все, что касается Кэт, автоматически касается меня.

Тишина.

Потом Адам тихо усмехнулся.

— Спасибо.

— Будешь должен.

— Что будем делать? Думаешь, они видели, что мы приехали?

— Вы из аэропорта сразу домой?

— Эмм... нет.

Я буквально слышала, как Энни виновато морщится.

— Тео нашел твою машину. Мы испугались и сначала поехали на точку, которую он скинул.

— Блядь.

Долгая пауза.

— Ладно. Удиви меня, Энн. Кому Макс ее продал?

— Не продал.

Послышался металлический звон. Наверное, она передала ключи.

— Твоя машина стояла в каких-то ангарах у каких-то очень стремных мужиков.

— Господи...

Адам шумно выдохнул.

— Я буду молиться на тебя всю оставшуюся жизнь. Я блядь этому дебилу все простил. Все. Отдал машину. Но он и здесь умудрился накосячить.

Я тихо отошла от двери. Вернулась к стиральной машине. Опустилась на колени. Запустила руку за нее. И через секунду достала бутылку ликера.

Подарок Ляли.

Особый.

Тот самый, который я прятала даже от себя. Чтобы не выпить раньше времени. Чтобы дождаться действительно важного случая. Кажется, этот момент наконец настал.

Я посмотрела на бутылку. Потом на свое отражение в зеркале. Потом снова на бутылку.

— Прости, бабуль. Подозреваю, ты бы тоже сейчас выпила.

Я вышла из ванной. Поставила бутылку на стол. Адам и Энни одновременно подняли головы. Судя по их лицам, они сразу поняли, что ничего хорошего их не ждет.

Я села напротив. Положила руки на стол.

И очень спокойно спросила:

— Ну что.

Я перевела взгляд на Адама.

— Поговорим?

Глава 25

— Кэт... — начал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.